

Российская Академия Наук

Фонд Горчакова

XVI Международная конференция африканистов

**НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК:
ОТ НАСЛЕДИЯ КОЛОНИАЛИЗМА
К СУВЕРЕНИТЕТУ И РАЗВИТИЮ**

Москва, 21–23 мая 2024 г.

ТЕЗИСЫ

XVI International Conference of Africanists

**THE NEW WORLD ORDER:
FROM THE LEGACY OF COLONIALISM
TO SOVEREIGNTY AND DEVELOPMENT**

Moscow, Russia, May 21–23, 2024

ABSTRACTS

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АФРИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

XVI Международная конференция африканистов

НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК: ОТ НАСЛЕДИЯ КОЛОНИАЛИЗМА К СУВЕРЕНИТЕТУ И РАЗВИТИЮ

Москва, 21–23 мая 2024 г.

ТЕЗИСЫ

XVI International Conference of Africanists

THE NEW WORLD ORDER: FROM THE LEGACY OF COLONIALISM TO SOVEREIGNTY AND DEVELOPMENT

Moscow, Russia, May 21–23, 2024

ABSTRACTS

Москва
ИАФР РАН
2024

*Конференция приурочена к 300-летию Российской академии наук
и 65-летию Института Африки РАН*

*300th anniversary of the Russian Academy of Sciences
and the 65th anniversary of the Institute for African Studies
of the Russian Academy of Sciences*

Ответственный редактор

д-р ист. наук Н.А. Жерлицына

XVI Международная конференция африканистов. Новый миропорядок: от наследия колониализма к суверенитету и развитию. Тезисы / Отв. ред. Н.А. Жерлицына. – Москва: Институт Африки РАН, 2024. – 190 с.

ISBN 978-5-91298-303-0

ISBN 978-5-91298-303-0

© Институт Африки РАН, 2024

© Абишева Г.М., оформление, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

I. ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

I-1. Колониализм, неоколониализм и «новый» колониализм	5
I-2. Постколониальные теории и реалии Африки	15
I-3. Современная Африка в текущих глобально-стратегических трансформациях	27
I-4. Видение будущего Африки в глобальном и региональном измерениях: условия, возможности, перспективы	31

II. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

II-1. История российско-африканских отношений	36
II-2. Направления и перспективы современных российско-африканских отношений	43
II-3. Страны Азии и Африки в новом мироустройстве: векторы отношений	54
II-4. Сотрудничество латиноамериканских и африканских стран	63
II-5. Стратегии европейских стран в Африке	66

III. ЭКОНОМИКА И ТЕХНОЛОГИИ

III-1. Экономическое многообразие Африки	71
III-2. Передовые технологии как драйвер экономического развития Африки	82
III-3. Сельское хозяйство и продовольственная безопасность стран Африки	87
III-4. Процессы экономической интеграции в Африке	95

IV. ИСТОРИЯ, ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ

IV-1. Исторические корни современных африканских проблем	99
IV-2. Формирование наций в Африке: исторические и культурно-антропологические аспекты	108
IV-3. Религии в Африке: современные вызовы и перспективы развития	115
IV-4. Африка: культуры и традиции	125
IV-5. Описание и документация языков Африки: типологические, корпусные и социолингвистические подходы	134

V. СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

V-1. Африканские миграции и формирование диаспор	143
V-2. Место женщины в африканском обществе и проблемы семейных отношений	149
V-3. Гендерные трансформации в современной Африке	158
V-4. Проблемы политической стабильности в Африке	168

VI. ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

VI-1. Африка: террористические угрозы и конфликты	175
VI-2. Африканская архитектура мира и безопасности	184

CONTENTS

I. GLOBAL PROBLEMS

I-1. Colonialism, neo-colonialism and the new colonialism	5
I-2. Postcolonial theories and realities of Africa	15
I-3. Modern Africa in current global strategic transformations	27
I-4. Vision of the future of Africa in the global and regional dimensions: conditions, opportunities, prospects	31

II. INTERNATIONAL RELATIONS

II-1. History of Russian-African relations	36
II-2. Directions and prospects of modern Russian-African relations	43
II-3. Countries of Asia and Africa in the new world order: vectors of relations	54
II-4. Cooperation between Latin American and African countries	63
II-5. European strategies in Africa	66

III. ECONOMICS AND TECHNOLOGY

III-1. Africa's Economic Diversity	71
III-2. Advanced technologies as a driver of economic development in Africa	82
III-3. Agriculture and food security in Africa	87
III-4. Economic integration processes in Africa	95

IV. HISTORY, LANGUAGES AND CULTURES

IV-1. Historical roots of modern African problems	99
IV-2. The formation of nations in Africa: historical, cultural and anthropological aspects	108
IV-3. Religions in Africa: modern challenges and development prospects	115
IV-4. Africa: cultures and traditions	125
IV-5. Description and documentation of African languages: typological, corpus and sociolinguistic approaches	134

V. SOCIAL AND POLITICAL PROBLEMS

V-1. African migrations and the formation of diasporas	143
V-2. The place of women in African society and problems of family relations	149
V-3. Gender transformations in modern Africa	158
V-4. Problems of political stability in Africa	168

VI. SECURITY AND CONFLICT RESOLUTION ISSUES

VI-1. Africa: Terrorist Threats and Conflicts	175
VI-2. African Peace and Security Architecture	184

I. ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

GLOBAL PROBLEMS

Секция I-1. Колониализм, неоколониализм и «новый» колониализм

Panel I-1. Colonialism, neo-colonialism and the new colonialism

Руководитель/Convenor: Сидорова Галина Михайловна, д.п.н., Институт Африки РАН,
Дипломатическая академия

Даниэль Марселину Паулу Киломбу
МГЛУ, Москва

АФРИКА И ГЛОБАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА

Важно отметить, что как в экономическом, так и в геополитическом плане Африка была объектом внимания со стороны крупных и средних держав по крайней мере в последние десять лет. Китай был первой великой державой, которая реализовала последовательную африканскую политику с долгосрочными целями, действующую по крайней мере с конца 1990-х годов.

В последние годы заметно снизилась проблема африканских конфликтов, особенно если сравнить нынешнюю реальность с той, которая наблюдалась на протяжении 1990-х годов. Одним из аспектов, привлекающих большое внимание в Африке, является существование радикальных исламских группировок, действующих в некоторых регионах, главным образом в зоне Сахеля, переходной зоне между Северной Африкой и странами Африки к югу от Сахары. Это регионы, которые привлекают внимание великих держав, таких как США, Россия и Франция. Отношения между Европейским союзом и Африкой имеют большое политическое значение.

Два континента расположены близко друг к другу, и вопросы исторической и международной безопасности сближаются. Если посмотреть на перспективный анализ, учитывая продолжающийся демографический бум на Африканском континенте и его близость к Европе, эти проблемы вызывают интерес Европы к поиску более тесного сотрудничества и стратегических отношений с Африкой.

Естественно, на континенте, насчитывающем 54 страны, нет единого мнения и единой точки зрения на международные дела. Но можно выявить поведение, которое в среднем указывает на понимание международной реальности с собственной точки зрения, то есть для африканских лидеров возможно и желательно изучить возможности, которые предоставляет международная повестка дня для достижения политических и экономических целей. Хотя Африка и не находится в центре международного внимания, она не является маргинализированным континентом, неважным или малозначимым для современных международных отношений. Это динамичный континент, характеризующийся разнообразием во всех областях.

Она обладает значительными богатствами, которые могут способствовать ее развитию и обеспечить процветание ее населению. Экономическое и социальное развитие африканских государств требует большей внутренней и внешней интеграции. Необходимо продвигать существующие региональные интеграционные процессы и расширять их связи с внешним миром. Что касается политических аспектов, африканские лидеры должны и далее добиваться прогресса в области демократии и надлежащего управления, чтобы их государства становились ближе к своему населению, укрепляя связи и национальную идентичность.

Африка должна стремиться сделать свои отношения с другими странами более динамичными, одновременно укрепляя свои национальные институты. Без экономической открытости и более стабильной и эффективной структуры внутреннего управления африканским странам будет трудно привлечь больше инвестиций и способствовать международному сотрудничеству, которые так необходимы для их экономического и социального развития. Африканцы могут много выиграть от более активного международного присутствия, особенно если принять во внимание их материальные и человеческие ресурсы. Инвестиции в Африку – это инвестиции в будущее.

Мезяев Александр Борисович

Университет управления «ТИСБИ»;

Казанский журнал международного права и международных отношений

КОЛОНИАЛИЗМ, НЕОКОЛОНИАЛИЗМ, «НОВЫЙ» КОЛОНИАЛИЗМ И ИХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АВАТАРЫ

Колониализм во всех его формах («классический» колониализм, неоколониализм, «новый» колониализм и др.) является системным элементом империализма как стадии развития капитализма. Будучи системным элементом, колониализм пронизывает все социальные уровни, в том числе правовой.

Активизация неоколониализма после разрушения мировой социалистической системы привела к существенным изменениям на всех социальных уровнях, в том числе на правовом уровне. С начала 1990-х годов начинаются процессы разрушения прогрессивного международного права, с одной стороны, и формирования нового феномена – глобального права – с другой. Основными инструментами осуществления данных процессов выступили международные уголовные трибуналы *ad hoc*, созданные Советом Безопасности ООН в 1993–1994 гг.: международные трибуналы по бывшей Югославии и по Руанде. В 1998 г. был создан постоянный Международный уголовный суд (МУС).

На международном, точнее мировом, уровне, субъекты империализма обеспечивают управление с помощью двух основных методов: захвата уже существующих институтов, созданных в рамках международного (межгосударственного) права и создания новых институтов глобального права. Анализ работы международных уголовных судов и трибуналов приводит к выводу о том, что эти институты последовательно осуществляют три основные цели: поддержание вооруженных и политических конфликтов; ликвидация неудобного руководства государств; разрушение международного права и формирование глобального права.

Главным инструментом для формирования глобального права стали органы современной международной юстиции, прежде всего – Международный уголовный суд. При этом основным полигоном для апробации этого глобального права стала Африка. Именно здесь Международный уголовный суд отработывал и продолжает отработывать юридические механизмы осуществления правового неоколониализма, которые сегодня применяются повсеместно, в том числе в отношении России.

В настоящее время правовой неоколониализм имеет в своем распоряжении целый ряд юридических инструментов по управлению мировыми отношениями. Эти инструменты представляют собой некие «аватары» международного права: межгосударственное право, транснациональное право, наднациональное право и, наконец, глобальное право.

COLONIALISM, NEOCOLONIALISM, “NEW” COLONIALISM AND THEIR INTERNATIONAL LEGAL AVATARS

Colonialism in all its forms (“classical” colonialism, neo-colonialism, “new” colonialism, etc.) is a systemic element of imperialism as a stage in the development of capitalism. Being a systemic element, colonialism “permeates” all social levels, including the legal one.

The intensification of neocolonialism after the destruction of the world socialist system led to significant changes at all social levels, including the legal level. Since the early 1990s, the processes of destruction of progressive international law, on the one hand, and the formation of a new phenomenon – global law – on the other, have begun. The main instruments for carrying out these processes were the *ad hoc* international criminal tribunals created by the UN Security Council in 1993–1994: the international tribunals for the former Yugoslavia and for Rwanda. In 1998 a permanent International Criminal Court was created.

At the international level (more correct – the *world* level), subjects of imperialism ensure control using two main methods: the seizure of existing institutions created within the framework of international (inter-state) law and the creation of new institutions of global law. An analysis of the work of international criminal courts and tribunals leads to the conclusion that these institutions consistently implement the following three main goals: maintaining armed and political conflicts; elimination of undesirable leadership of states; the destruction of international law and the formation of global law.

The main instrument for the formation of global law has become the bodies of modern international justice, primarily the International Criminal Court. At the same time, Africa became the main testing ground for testing this global law. It was here that the International Criminal Court worked out and continues to work out the legal mechanisms for implementing legal neocolonialism, which are used today everywhere, including in relation to Russia.

Currently, legal neocolonialism has at its disposal a number of legal tools for managing world relations. These instruments represent certain “avatars” of international law: inter-state law, transnational law, supranational law and, finally, global law.

Jemima Pierre
University of British Columbia, Vancouver, Canada;
University of California, Los Angeles, USA

MULTILATERAL IMPERIALISM: THE US AFRICA COMMAND AND THE GLOBAL FRAGILITY ACT

In 2019, the US passed into law H.R.2116, “The Global Fragility Act.” This Act presents an interagency approach for US foreign policy where key players, the United States Agency for International Development (USAID) and the Departments of State, Defense, and the Treasury collaborate with “international allies and partners.” But the language of the Act hides the legislation’s real intentions: to rebrand US imperialism by using a wide range of actors and resources, including neocolonial governments and their local and regional structures, to enact policies aimed at upholding US global power. The Act clearly articulates its main goal: to advance “U.S. national security and interests,” and to “manage rival powers” (that is, Russia and China). This presentation will discuss this rebranding of US foreign policy through the Global Fragility Act by arguing that it reflects an explicitly “multilateral imperialism.” Multilateral imperialism is, in effect, a US imperialist strategy that deploys both soft and hard power – as well as other local and international actors – to achieve its aims. Since West Africa is one of the first locations in which the Global Fragility Act

will be deployed, I will focus on the complex and unique role of the US Africa Command (AFRICOM) as one wing of multilateral imperialism on the African continent. AFRICOM, the US military command for the region, has embedded itself on the African continent through both military and so-called “humanitarian” and “aid,” demonstrating the instrumentalism of multilateralism for continued US imperialism in Africa.

Peter James Hudson

University of British Columbia, Vancouver, Canada;
University of California, Los Angeles, USA

NEGROES SPEAK OF WAR: BLACK STUDIES, US IMPERIALISM, AND PUBLIC POLICY

Emerging in response to the Civil Rights movement, Black Studies as a discipline was formalized within largely northern US universities in the late 1960s. Yet what started as a critical, insurgent, and even revolutionary mode of intellectual and political inquiry quickly became a neutralized and, indeed, neutered project. At its origins Black Studies was internationalist and anti-imperialist; it has become not only regrettably nationalist in orientation, but unfortunately imperialist in approach as it has often supported and justified US imperialist actions abroad. As an alternative to a version of Black Studies as part of an imperial project, this presentation will reconsider the anti-imperial history of Black Studies while proposing a set of methodological questions for Black Studies to understand contemporary questions of Black internationalism and Africa in the modern world.

Alexander Shipilov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences;
RUDN University

DECOLONIZATION OF BRITAIN’S WEST AFRICAN COLONIES

The process of decolonization in West Africa in the 1950–1960’s differed across the region due to several variables. The primary one was the policy pursued by the respective colonial power. Britain generally combined approaches of reliance on local chiefs (and other forms of transformed pre-colonial rule based on the principles of indirect rule described by Frederick Lugard) with limited introduction of self-rule dominated by Western-educated elites (especially in the wake of WWII with gradual movement towards independence). Nevertheless Britain’s policies concerning its African colonies varied in each particular case. The post-1945 Labour government was generally favourable towards Africa’s independence, however West African colonies were considered more suited for independence than their East African counterparts. But even the Conservative administration that was in power for much of the 1950’s seeking to preserve the colonial empire was unable to stop the gradual process of self-rule expansion. The territory in British West Africa most inclined towards independence was the Gold Coast, one of the wealthiest colonies, with an affluent trader class and broad section of intelligentsia along with numerous local WWII veterans demanding the fulfilment of their frequently neglected entitlements. These conditions and the leadership of Kwame Nkrumah hastened Gold Coast independence that occurred in 1957 (as the state of Ghana).

Similar models of self-rule development took place in Sierra Leone, Nigeria and the Gambia but in these cases the transitional government was dominated by local elites more cooperative with the British. But the primary external condition for West African decolonization was the position of both parties to the Cold War. The Eastern bloc explicitly supported the independence movement, but the

position of the US as the key British ally of the era made its support for African independence the essential influence on London's policies that contributed to the eventual independence of the subregion.

Гаврилова Нина Германовна
Институт Африки РАН

КОЛОНИАЛИЗМ КАК ПРИЧИНА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА АФРИКИ

Можно выделить несколько негативных последствий колониального режима для африканских стран, напрямую влияющих на сегодняшнее состояние сельского хозяйства в них.

Во-первых, несостоятельность механизма регулирования прав на землю вследствие «на глазок» поделенных колонизаторами территорий. В постколониальный период, уже более 60 лет, Африка пытается провести земельные реформы для решения вопроса собственности на землю, но они не принесли значимых результатов. В большинстве африканских стран отсутствует механизм регулирования прав собственности на землю. Для фермеров и других работников сельского хозяйства это означает, что они не являются собственниками обрабатываемой ими земли. Проблема неопределенной собственности распространяется на 2/3 всех обрабатываемых земель в странах АЮС (2,2 млрд га), которые находятся в традиционном владении. Такая ситуация сдерживает полноценное развитие сельского хозяйства, и можно выделить несколько причин этому:

1. Фермеры, которые не являются полноценными собственниками, не озабочены долгосрочным качеством и состоянием обрабатываемой ими земли, так как у них нет уверенности в том, что они будут использовать эти территории в будущем.

2. Фермеры не могут получать займы и кредиты под залог земли, то есть у них нет возможности развивать и расширять свое производство.

3. Отсутствие прав на земельные участки может привести к их бесконтрольному распределению и неоптимальному использованию.

Во-вторых, навязанное выращивание выгодных для метрополий сельскохозяйственных культур вызвало перекокс в структуре традиционного аграрного производства, которое справлялось с обеспечением населения продовольствием. После превращения континента в сырьевой придаток ярко обозначилась проблема продовольственной безопасности, которая не находит решения и в наши дни.

В-третьих, концентрация экспорта на 2–3 товарных культурах привело к невозможности планировать валютную выручку и вести устойчивую экономическую деятельность. Многие специалисты подчеркивают необходимость диверсификации современной структуры африканского экспорта.

Вследствие рассмотренных последствий сельское хозяйство стран АЮС на протяжении многих десятков лет находится в упадке и не обеспечивает должный уровень продовольственной безопасности населения.

Иванова Любовь Владимировна
ИВИ РАН, Москва

ИДЕОЛОГИЯ КОЛОНИАЛИЗМА. ИТАЛЬЯНСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ЭРИТРЕЕ И ЛИВИИ

Образование играло большую роль в организации системы управления колониями. Страны-метрополии способствовали созданию этой системы с учетом особенностей использова-

ния ресурсов колоний, активности местного населения и его институционального опыта. Итальянская колониальная политика в системе образования в ее африканских владениях, в частности в Эритрее и Ливии, складывалась из нескольких этапов, которые будут подробно рассмотрены в докладе.

Образование в колониях должно было стать полезным инструментом мирного проникновения Италии, и ее цивилизаторская миссия дать образование местным должна была идти рука об руку с политическими, экономическими, административными и военными интересами колонизаторов, гласил циркуляр 1916 года. Образование имело четкие практические цели и более сводилось к инструктажу, нежели к обучению. Детям достаточно было знать о величии Италии, испытывать гордость за привилегию быть под господством современной римской цивилизации. Ученики должны были стать убежденными пропагандистами этой идеи и нести ее в глубинные районы Африки, увеличивая ряды солдат, готовых погибнуть за Италию, в чем она преуспела – эритрейские солдаты защищали интересы своей метрополии в других колониях.

В Эритрее с 1912 по 1930 г. католической миссией было издано 8 учебников для школ. За неимением профессиональных учителей их функции выполняли итальянские католические священники, которые не только знали местные языки, но и обладали определенным влиянием и имели связи с местными властями. В учебниках авторы рассказывали об истории человеческой цивилизации, географии, астрономии, гигиене, сельском хозяйстве Италии, выдающихся деятелях, главным образом Италии (чтобы создать впечатление о мировом доминировании Италии во многих областях), а также об истории Эритреи, которая начиналась только после прихода итальянцев в регион, с их же присутствием был связан период процветания Эритреи.

В сравнении с Эритреей ситуация в Ливии имела некоторые особенности в силу географической близости к метрополии и подавляющего большинства мусульманского населения. Э. Коррадини, журналист итальянской газеты «Национальная идея», прибыл в Ливию в 1911 г., за несколько месяцев до начала итальянской оккупации региона, с заданием исследовать территорию и оценить социально-политическую ситуацию. В результате он предложил итальянскую интервенцию как единственное разрешение безнадежной ситуации, в которой находились местные народы.

Колониальная система образования со всеми ее особенностями предопределила направления развития многих стран Африки, заложив в то же время нерешаемые противоречия в основу построения их государственности и складывания национального самосознания.

Харитоновна Елена Владимировна
Институт Африки РАН

АФРИКАНСКАЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ «ПРОТЕСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Формы африканского «протеста», порожденные колониализмом и непосредственно связанные с ним, весьма разнообразны. Можно обнаружить множество прецедентов, кейсов, конкретных фактов, свидетельствующих о постколониальных протестных настроениях. Следует отметить, что саму постколониальность (если рассматривать ее не как исторический период, а как социально-психологическое состояние) можно оценивать как комплекс особых чувств, мыслей, поступков и настроений.

К числу протестных можно отнести настроения «реванша», которые проявляются на разных уровнях когнитивной сложности – представления африканцев о собственном превосходстве, в частности, в области сохранения христианских ценностей и этики, в противовес евро-

пейской «новой этике». Примером концептуального воплощения «реванша» можно считать теорию негритюда Л.С. Сенгора, особенно в его первоначальном варианте «черного расизма» (от которого Сенгор впоследствии отказался).

Идентичность африканца определяют общие для всех народов Африки идеи единения, солидарности, представления о панафриканизме как единстве судьбы, представления о единстве черной расы вообще. Проявлением коллективной протестной идентичности, а именно расовой протестной идентичности («мы – чернокожие», «черная раса едина»), можно считать солидарность народов, ставших жертвой колониальных режимов или дискриминации по расовому признаку. И, наконец, протестными по своей сути являются разноплановые футурологические проекты, которые объединяет «африканская мечта». Это протест против многовекового угнетения, дискриминации, бедности, унижения и разрушения основ базовой африканской идентичности.

Предметом исследования являются причины и формы протестной идентичности в Африке как в исторической ретроспективе, так и в современности. Африканская протестная идентичность определяется как следствие колониального культурного давления и как реакция на дискредитацию африканской культуры, картины мира и личности африканца. Отмечаются два противоположных взгляда на колонизацию: европоцентристский (колонизация – благо, цивилизаторский проект) и отражающий взгляд африканцев на колонизацию как на трагедию, которая привела к кризису идентичности и потребности конструирования новых форм идентичности. Африканская протестная идентичность носит постколониальный, антиглобалистский, расовый и цивилизационный характер. Процессы формирования современной антинеоколониальной африканской протестной идентичности могут усиливаться и приобретать формы стремления к суверенности, субъектности и поиска собственного пути.

Elena Kharitonova

Institute for African Studies, Russian Academy Sciences

AFRICAN POSTCOLONIAL “PROTEST IDENTITY”: HISTORY AND MODERNITY

The forms of African “protest” generated by colonialism and directly related to it are very diverse. You can find a lot of precedents, cases, and concrete facts testifying to postcolonial protest moods. It should be noted that postcolonialism itself (if we consider it not as a historical period, but as a socio-psychological state) can be assessed as a complex of special feelings, thoughts, actions and moods.

The protest moods can be attributed to “revenge”, which manifest themselves at different levels of cognitive complexity. These are the ideas of Africans about their own superiority, in particular, in the field of preserving Christian values and ethics, as opposed to the European “new ethics”. An example of a conceptual “revenge” can be considered to be the theory of L.S. Senghor’s “negro”, especially in his original version of “black racism” (which Senghor later abandoned).

The identity of an African is determined by the ideas of unity, solidarity, ideas about pan-Africanism as a unity of fate, ideas about the unity of the black race in general, common to all the peoples of Africa. A manifestation of collective protest identity, namely racial protest identity (“we are black”, “the black race is one”), can be considered to be the solidarity of peoples who have become victims of colonial regimes or racial discrimination. And, finally, protest in its essence is diverse futurological projects that are united by the “African dream”. It is a protest against centuries of oppression, discrimination, poverty, humiliation and destruction of the foundations of the basic African identity.

The subject of the study is the causes and forms of protest identity in Africa both in historical retrospect and in modern times. African protest identity is defined as a consequence of colonial cultural pressure and as a reaction to the discrediting of African culture, the worldview and the personality of an African. There are two opposite views on colonization: Eurocentric (colonization

is a good civilizing project) and reflecting the Africans' view of colonization as a tragedy that led to an identity crisis and the need to construct new forms of identity. The African protest identity has a postcolonial, anti-globalist, racial and civilizational nature. The processes of formation of the modern anti-neocolonial African protest identity can intensify and acquire the forms of striving for sovereignty, subjectivity and the search for one's own path.

Пономарев Илья Вячеславович
Институт Африки РАН

НАУЧНЫЕ КОРНИ ОДНОПОЛЯРНОГО МИРА: ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ КОНФЛИКТОВ И ОПРАВДАНИЕ (НЕО)КОЛОНИАЛИЗМА

Контент- и интен- анализ трудов отцов-основателей социокультурной антропологии (Ч. Дарвина, Л.Г. Моргана, Г. Спенсера, Г.С. Мейна, Дж.Ф. Мак-Леннана, Э.Б. Тайлора, Дж. Лёббока, Дж.Дж. Фрэзера) показывает, что они опирались на одни и те же аксиоматические предпосылки о цивилизационном прогрессе, вводившиеся без доказательств. За аргументацией этих авторов стояли схожие концепты: «естественный отбор», «борьба за существование», «выживание наиболее приспособленного» и др. Эти концепты объединяла идея о том, что у социальных конфликтов может быть цивилизационная (эволюционная) функция. Эта идея маскировалась фразами британского утилитаризма о необходимости достижения «наибольшего счастья для наибольшего числа людей». «Провинциальный радикализм» (G. Stocking, 1987) первых социокультурных эволюционистов оказался не столь уж провинциальным, так как его продолжали активно развивать социальные антропологи в XX в.: концепция «плюралистического общества» утверждала, что конфликты «стабилизируют» государственные объединения (M. Gluckman, E. Colson, R.I. Rottberg, A.L. Epstein, L. Gann и др.). Современная западная конфликтология продолжает развивать эти идеи, но в более скрытой форме.

Одна из центральных тенденций основных трудов отцов-основателей антропологии – это соединение британского утилитаризма и американского демократизма с теорией цивилизационного прогресса. Их объединяет вера в то, что евро-американская цивилизация является самой развитой, а политический секуляризм – это вершина эволюционного процесса. Свой долг они видели в научном обосновании тезиса о том, что другого цивилизационного пути нет и другие нации и народы должны ему следовать, если понадобится, то и насильственным образом. В этом отношении социальный дарвинизм стал предтечей социального инжиниринга, вначале оправдывавшего «научной» риторикой политику косвенного управления, а затем и постколониальную политику условного Запада, прежде всего на Африканском континенте.

Философские аспекты, которые роднят отцов-основателей антропологии, – это деизм и пантеизм, обожествление истории и эволюции, абсолютизация принципа случайности. Не имея возможности расшифровать эволюционный механизм, они были вынуждены копировать ту самую логику протестантской библейской антропологии, которую предполагали сокрушить. Идеология «секулярных евангелистов-утилитаристов» (G. Stocking, 1987) практически уравнивала первобытных и современных, но бедных людей: из-за отсутствия у них протестантской этики они не желают сдерживать свои инстинктивные импульсы, особенно сексуальные.

SECULARIZATION AND DECOLONIZATION: THE CASE OF AFRICAN FAITHS AND KNOWLEDGES

In the context of ongoing globalization, we encounter booming efforts to decolonize the academe, raising awareness about the Eurocentric worldview underlying the foundation of the modern scientific project, and combating the ongoing erasure of epistemologies of the Global South.

Historically, religion got detached from the larger societal life in Europe through the process of secularization and related separation between the public and private spheres in an individualist capitalist system. This separation was then ‘exported’ to the colonies, supported by a discourse that opposed supposedly objective academic ‘facts’ that were presented as universal, with subjective African ‘believes’ that were dismissed as local, irrational and outdated. The centrality of such discourses in the continued legitimation of African subjugation signifies a complex historical and contemporary entanglement of academia (as a search for knowledge) and colonialism (as a power political project). It devalues and ignores a multiplicity of societal realities that do not separate or oppose public/private, sacred/profane and natural/supernatural at all or in the same way.

If the onto-epistemology underlying the scientific project was never neutral, but specific, should alternative cosmologies not have as much right to form the context and starting point of scientific theory, instead of merely being its object? What does a decolonized academia look like in Africa, where – like in many Southern contexts – most cosmologies are spiritual in nature, having relational, animistic, ancestral, Christian, Hindu, Muslim or other religious aspects interwoven in their understandings of how the social and natural world function? And would such decolonization threaten, enhance or redefine core academic values, like scientific independence, measurability, objectivity, refutability, or academia as an open space for conversation?

This contribution brings diverse African and scholarly perspectives into dialogue to further the decolonization of academia. It specifically pursues a reflexive interrogation of tensions that arise when globalization causes onto-epistemologies to meet.

**Исаев Леонид Маркович,
Красовская Наталия Рудольфовна**
НИУ ВШЭ; Институт Африки РАН;
Центр народной дипломатии

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ КАК ОСОБЕННОСТЬ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ АФРИКИ

С началом XX столетия децентрализация сделалась своеобразным «знаменем времени». Она перестала быть чисто политической проблемой, связанной с преодолением наследия диктаторов и тиранов – она превратилась в проблему экономическую. Международные организации, занятые вопросами развития, начали включать децентрализацию в списки критериев «качественного правления» (*good governance*), связывая с ее внедрением улучшение не только политического, но и экономического климата в развивающихся странах. Естественно, в поле зрения специалистов незамедлительно попала Африка южнее Сахары.

К середине 1990-х годов на Африканском континенте сформировался целый комплекс факторов, которые сделали децентрализацию востребованной даже в тех странах, где унитаризм и централизм укоренились особенно прочно. Завершение холодной войны и необходимость пуститься в самостоятельное политическое плавание обнажили неэффективность и не-

устойчивость множества африканских государств. В тот же период международные финансовые организации выделили «недостойное правление» (*bad governance*) в качестве главной причины, не позволяющей молодым нациям развиваться и, следовательно, мешающей инвестировать средства в их развитие.

В результате требование децентрализации управленческих моделей превратилось в императив, без учета которого на внешних рынках нельзя было получать заимствования и помощь. У многих африканских государств не было выбора: разрабатывать и внедрять проекты рассредоточения власти их заставляла сама жизнь. Упомянутые процессы и тренды актуализируют изучение механизмов, форм и моделей децентрализации, практикуемых сегодня в Африке. Объектом анализа могут выступать как федералистские, так и унитаристские опыты децентрализации. Сделанные в ходе подобного анализа обобщения способны существенно обогатить нынешнее видение развития Африканского континента и его дальнейших перспектив.

Сидорова Галина Михайловна
Дипломатическая академия МИД России

НОВАЯ ВОЛНА ДЕКОЛОНИЗАЦИИ АФРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Африка изменилась со времен колониализма. Зрелые африканские политики уже не воспринимают чуждые им европейские или американские стандарты, с осторожностью относятся к замысловатым патерналистским теориям и доктринам бывших покровителей и не стесняются высказывать свое мнение в их адрес. В большинстве государств континента наблюдаются центробежные (от западной опеки) тенденции, которые можно трактовать как своеобразную «национализацию» их внешней политики. Африканские политики пытаются решать проблемы самостоятельно в интересах собственных государств.

Разочарование африканских политиков и предпринимателей в т.н. партнерских связях с западными странами очевидна. Богатой природными ресурсами Африке остаются лишь крохи от подобного взаимодействия, поскольку традиционные «партнеры» рассматривают Африканский континент как сырьевой источник для получения прибылей. И это доказывают слова угандийского лидера Й. Мусевени: «Мы выращиваем кофе, а Германия не производит кофе, но зарабатывает на кофе больше всех африканских стран вместе взятых. Я бы назвал это современной формой рабства. Вся добавочная стоимость остается в Европе. Мы хотим продавать сталь, а не руду, батареи, а не литий, шоколад, а не какао». К этому также можно добавить, что Англия не выращивает столь любимый англичанами чай, который по сути является для нее колониальным товаром, но считается английским товаром.

Революционные изменения 2023 года в таких странах как Нигер, Буркина-Фасо, Габон показали, что настал новый период для африканских стран, которые стремятся к кардинальным изменениям своей экономики, политики, общественной жизни. Приведет ли это к разрыву отношений с бывшими метрополиями или нет, покажет время. Однако можно утверждать, что политическая элита по-новому рассматривает отношения с бывшими партнерами.

В этой связи важна координация усилий России с африканскими партнерами по различным направлениям, которая, несомненно, принесет огромную пользу и выгоду всем задействованным сторонам. Созданная площадка «Россия – Африка» (как и два саммита, проведенные в 2019 и 2023 гг.) служит не только диалогу между Россией и Африкой. Она также предоставляет возможность обширного обмена мнениями между самими африканскими политиками, что не менее важно для взаимопонимания, сотрудничества и противостояния угрозам международной безопасности.

Секция I-2. Постколониальные теории и реалии Африки

Panel I-2. Postcolonial theories and realities of Africa

Руководитель/Convenor: Гавристова Татьяна Михайловна, д.и.н.,
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Хохолькова Надежда Евгеньевна
Институт Африки РАН

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ АФРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Декolonизация – глобальная инициатива и комплексный исторический процесс, направленный на освобождение от угнетения и зависимости. Он развивался и развивается по всему миру с разной интенсивностью и на разных уровнях, охватывая сферы политики и права, экономики и международных отношений, культуры и науки.

Декolonизация нередко рассматривается как политический «контрпроект» (по отношению к «проекту колонизации»), реализовывавшийся народами Азии, Африки и Южной Америки во второй половине XX в. и перешедший к началу XXI в. в новую фазу эмансипации – фазу отмены социокультурных структур и институтов, навязанных освободившимся странам бывшими колонизаторами.

Тема декolonизации знания в целом и африканских исследований в частности не нова, однако в последние десятилетия она приобретает все большую актуальность. С середины XX в. лидеры африканских государств, общественно-политические деятели и представители академической среды, в числе которых Клод Аке, Шейх Анта Диоп, Кеннет Каунда, Кваме Нкрума, Джулиус Ньерере, обращались к проблеме разработки новых принципов, методов и подходов в изучении истории и культуры континента, чрезвычайно важных в условиях начавшегося нацистроительства.

Новый импульс дискуссиям об облике африканских исследований придали как развитие области постколониальных исследований, так и отдельные движения, кампании и акции. В первую очередь следует упомянуть движение *Rhodes must fall*, развернувшееся в ЮАР в 2015 г. Шестьдесят лет спустя намерениям деятелей периода обретения независимости, лишь отчасти воплощенным на практике, продолжили следовать современные африканские интеллектуалы Ачилл Мбембе, Сабело Ндлову-Гатшени, Паска Мунгвини и др. Сохраняя и переосмысляя интеллектуальное наследие предшественников, многие из них пытаются разработать комплексную стратегию трансформации африканистики.

Nadezhda Khokholkova
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

DECOLONIZATION OF AFRICAN STUDIES: THEORY AND PRACTICE

Decolonization is a global initiative and a complex historical process aimed at liberation from oppression and dependence. It has proliferated worldwide with varying intensity and magnitude, affecting the realms of politics and law, economics and international affairs, culture and science. Decolonization is often regarded as a political ‘counter-project’ (in relation to the ‘colonization project’), implemented by the peoples of Asia, Africa, and Latin America in the second half of the 20th century.

Decolonizing knowledge, especially in African studies, is not a novel concept, but has taken on increased importance in recent decades. Since the mid-20th century, Claude Ake, Sheikh Anta Diop, Kenneth Kaunda, Kwame Nkrumah, and Julius Nyerere, among other African leaders, public

and political figures, and members of academia, have addressed the issue of establishing new principles, methods and approaches in the study of African history and culture, an undertaking of great significance in the foundation for nation-building.

The conversation around African studies was revitalized by the emergence of postcolonial studies and various movements, initiatives and actions. For instance, it is worth noting the Rhodes Must Fall Movement that emerged in South Africa in 2015. Subsequent to sixty years, modern African intellectuals such as Achill Mbembe, Sabelo Ndlovu-Gatsheni, Paska Mungwini and others have tried to pursue the goals of the independence period figures, though only partially fulfilled in practice. Many of them are making efforts to preserve and rethink the intellectual legacy of their predecessors, and formulating a comprehensive strategy of transformation of African studies.

Мосейко Аида Николаевна
Институт Африки РАН

ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТЬ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ «МНОЖЕСТВЕННОСТИ И РАЗНООБРАЗИЯ СОВРЕМЕННОСТЕЙ»: АФРИКАНСКИЙ И ГЛОБАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Категория «современность» (*Modernity*) отражает ситуацию, которая складывается в обществе в результате изменения (разрушения) важнейших общественных структур и формирования новой социальной реальности. Категория «современность» (модерность) стала ключевой в социальных науках в период крушения колониальной системы и формирования постколониальности. Это был период (60-е и 70-е годы XX века) поисков освободившимися от колониальной зависимости странами, в том числе африканскими, путей независимого развития. Одновременно это был период осмысления бывшими метрополиями своей новой реальности без притока ресурсов и доходов из бывших колониальных владений и поиска форм сохранения своего влияния на них и возможных дивидендов.

Первой формой этого влияния было руководство модернизацией молодых государств по типу вестернизации, то есть по западным образцам. Такая вестернизация в большинстве независимых стран, в частности, в африканских странах, закончилась срывами и провалами, что привело к кризисам, гражданским войнам и различным конфликтам. Неизбежным стал пересмотр теорий модернизации. Израильский ученый Ш.Н. Айзенштадт после глубокого и многолетнего изучения опыта модернизации стран Азии, Африки и Латинской Америки в 80-х годах XX века сформулировал идеи о том, что вестернизация не идентична модернизации, все страны идут к современности своими путями, основываясь на своих культурно-исторических особенностях. Поэтому в мире существует множество современностей, неповторимых в своей разнообразии. В ряду множества современностей находится постколониальность, которая представлена в различных аспектах.

Если сравнить постколониальную Африку и постколониальность ее бывших метрополий, к которым присоединяется новый колонизатор – США, можно увидеть, что это совершенно разные современности, различающиеся по множеству критериев. Африканский ученый – философ, политолог – Ашиль Мбембе в своих книгах и интервью постоянно подчеркивает диаметрально противоположность этих двух современностей: африканской «постколонии» (знаковый термин, употребляемый А. Мбембе) и постколониальных бывших метрополий. Противоречивы их философия, общественные настроения, историческая память и т.д. В заключение можно сказать, что постколониальность необходимо изучать в этих двух взаимосвязанных и переплетенных, но при этом абсолютно разных вариантах современности (модерности).

POSTCOLONIALISM IN THE LIGHT OF THE CONCEPT OF “PLURALITY AND DIVERSITY OF MODERNITY”: AFRICAN AND GLOBAL ASPECTS

The category “modernity” reflects the situation that develops in society as a result of changes (destruction) of the most important social structures and the formation of a new social reality. The category of “modernity” became a key one in social sciences during the collapse of the colonial system and the formation of postcolonialism. It was a period (the 60s and 70s of the XX century) of the search by countries freed from colonial dependence, including African ones, for ways of independent development. At the same time, it was a period of comprehension by the former metropolises of their new reality without the use of resources and income from the former colonial possessions and the search for new forms of preserving their influence over them and possible dividends. The first form of this influence was the leadership of the modernization of young states according to the type of “Westernization”, that is, according to Western models. Such Westernization in most independent countries, in particular, in African countries, ended in disruptions, which led to crises, civil wars and various conflicts. The revision of modernization theories became inevitable. Israeli scientist S.N. Eisenstadt, after a deep and long-term study of the experience of modernization of Asian, African and Latin American countries in the 80s of the XX century, formulated the idea that Westernization is not identical to modernization; all countries are moving towards modernity in their own ways, based on their cultural and historical characteristics. Therefore, there are many modernities in the world, unique in their diversity. Among the many modernities is postcolonialism, which is represented in various aspects. If we compare postcolonial Africa and the postcolonial nature of its former metropolises, among which there is now a new colonizer – the United States, we can see that these are completely different modernities, differing in many criteria. The African scientist – philosopher, political scientist – Ashil Mbembe in his books and interviews constantly emphasizes the diametric opposite of these two modernities: the African “postcolony” (the iconic term used by A. Mbembe), and the postcolonial former metropolises. Their philosophy, public sentiment, historical memory, etc. are contradictory. In conclusion, we can say that postcolonialism needs to be studied in these two interconnected and intertwined, but at the same time completely different versions of modernity.

Шемякин Яков Георгиевич

Институт Латинской Америки РАН

ЛОГИКА РАЗВЕРТЫВАНИЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ ДВИЖЕНИЯ К ПОЛИЦЕНТРИЧНОМУ МИРОУСТРОЙСТВУ

Основные характеристики постколониального дискурса в конце XX – начале XXI в. определяется тем обстоятельством, что в идеологии и деятельности его представителей с особой силой отразилось столкновение двух противоположных по своей онтологии и экзистенциальной ориентации процессов: глобализации и того феномена, который нобелевский лауреат, крупнейший мексиканский мыслитель и поэт Октавио Пас определил как «мятеж исключений», отнюдь не рассматривающих себя в качестве таковых, более того, считающих себя единственной подлинной реальностью. Имеется в виду повсеместная усиленная акцентировка тех черт неповторимого своеобразия конкретных человеческих общностей различного происхождения и характера (этнических, религиозных, социокультурных, цивилизационных, территориальных и т.д.), которые отличают их от всех иных представителей вида *Homo sapiens*.

Данное обстоятельство обуславливает крайнюю противоречивость исторического облика постколониальных идеологов. С одной стороны, для всех них характерно ярко-выраженное стремление, отвергая европоцентризм, утвердить собственную идентичность как представителей особого направления, определяющей особенностью которого является его гибридный характер. В нем воплощается процесс взаимодействия качественно различных цивилизационных традиций. С другой – многие представители постколониального дискурса (во всем не-западном мире, но с особой силой – в Латинской Америке и в Африке) воспроизводят в своих идеологических построениях свойственный Западу «исключающий» дискурс, суть которого – в утверждении идеи исключительности, осуществляющей самоидентификацию цивилизации, в то время как контактирующий с ней «Другой» ставится в иерархии бытия на место, неизмеримо более низкое, чем сама эта цивилизация. С той лишь разницей, что у постколониальных критиков имеет место инверсия: утверждается исключительность неевропейских цивилизаций (в том числе древних культур Африки и доколумбовой Америки), в то время как Запад рассматривается как гораздо менее совершенная (в лучшем случае) или вообще в основе своей порочная разновидность человеческого общества.

Однако постколониальный дискурс не ограничивается данной тенденцией: наряду с ней среди его представителей выделяется течение, сторонники которого смогли совместить жесткую критику европоцентризма с преодолением логики «исключающего» дискурса. Наиболее яркие представители данного течения – Л. Сеа и его школа в Латинской Америке.

Гавристова Татьяна Михайловна

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И ЕГО ОСНОВНЫЕ КОННОТАЦИИ

«Схватка за Африку» стала, по словам Э. Саида, «кульминацией “возвышения Запада”», чья мощь позволила имперским метрополиям приобрести и аккумулировать территории <...> поразительных масштабов»¹. К 1900 г. им принадлежало примерно 90,4% территории Африки. Разрастание колониальных империй стало одним из самых востребованных сюжетов в границах постколониального дискурса, под которым в рамках данного доклада предлагается понимать весь существующий комплекс идей и теорий, связанных с осмыслением колониальной ситуации и пришедшего ей на смену постколониализма.

К концу XX в. колониализм как система прекратил существование, уступив место новой – постколониальной – реальности, вобравшей в себя черты доколониальной и колониальной эпох². Их изучение сохраняет актуальность: система колониализма заложила основы глобального мира. Динамичное обновление исследований требует определенности в терминах, таких как колониализм и колониальность, колонизация и деколонизация, колония и постколония, метрополия и нация, инаковость и колониальное образование, диаспора и эссенциализм, этничность и экзотика, гибридность и идентичность, идеология и гегемония, язык и амбивалентность, картографирование и локус, раса и субалтерны, семиотика и магический реализм, европеизация и африканизация, афроцентризм и афрополитизм.

Их трактовка различна в границах вербальной (западной) и контекстуальной (африканской) культуры, хотя все они вписаны в определенное пространственно-временное измерение (хронотоп), в котором, по словам М.М. Бахтина, происходит «раскрытие и пересмотр»³ исторических образов на основе теоретических моделей и практических кейсов. Смысл деко-

¹ Саид Э.В. Культура и империализм. Перевод с англ. А.В. Говорунова. СПб.: «Владимир Даль», 2012. С. 47.

² Mbembe A. On the Postcolony. University of California Press, Berkeley, 2001. 288 p.

³ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234-407. <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronotop3.html> (дата обращения: 25.10.2023).

лонизации и последовавших за освобождением Африки перемен состоит в необходимости совершить прорыв – от колониального к глобальному, сделать африканцев подлинными творцами истории, что в рамках постколониального дискурса предусматривает постепенное достижение баланса между евро- и афроцентризмом.

Tatiana M. Gavristova
P.G. Demidov Yaroslavl State University

POSTCOLONIAL DISCOURSE AND ITS MAIN CONNOTATIONS

The “Scramble for Africa” was, according to E. Said, “the culmination of the ‘rise of the West,’ whose power allowed the imperial metropolises to acquire and accumulate territories <...> of astonishing proportions.”⁴ By 1900, they controlled approximately 90.4% of Africa. The expansion of colonial empires has become one of the most engaged subjects within the boundaries of postcolonial discourse, by which this report proposes to understand the entire existing complex of ideas and theories related to understanding of the colonial situation and postcolonialism that replaced it.

By the end of the 20th century, colonialism as a system ceased to exist, giving way to a new – post-colonial – reality, which absorbed the features of the pre-colonial and colonial eras⁵. Their study remains relevant: the system of colonialism laid the foundations of the global world. Dynamic renewal of research requires clarity in terms. These include colonialism and coloniality, colonization and decolonization, colony and postcolony, metropolis and nation, otherness and colonial education, Diaspora and essentialism, ethnicity and exoticism, hybridity and identity, ideology and hegemony, language and ambivalence, cartography and locus, race and subalterns, semiotics and magical realism, Europeanization and Africanization, Afrocentrism and Afropolitanism.

Their interpretation is different within the boundaries of verbal (Western) and contextual (African) culture, although they are all inscribed in a certain space-time dimension (chronotope), in which, according to M.M. Bakhtin, there is a “disclosure and revision”⁶ of historical images based on theoretical models and practical cases. The meaning of decolonization and the changes that followed the liberation of Africa is the need to make a breakthrough – from the colonial to the global, to make Africans the true creators of history, which, within the framework of postcolonial discourse, involves the gradual achievement of a balance between Euro- and Afrocentrism.

Неклесса Александр Иванович
Институт Африки РАН;
Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации
научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН

ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ТРАНЗИТА

1. Постколониальная теория (постколониальность) – междисциплинарное направление исследований и один из «больших вызовов» современности, ключ к очертаниям будущего миропорядка. Колониальность как феномен и проблема продолжает существовать и в постколониальном мире, но борьба за политический и экономический суверенитет дополняется и замещается социокультурной деколонизацией.

---

⁴ *Said E.* Culture and Imperialism. https://monoskop.org/images/f/f9/Said_Edward_Culture_and_Imperialism.pdf (accessed: 25.10.2023).

⁵ Mbembe A. On the Postcolony...

⁶ *Bakhtin M.M.* Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics. <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronotop3.html> (accessed: 25.10.2023).

2. В области дисциплинированной рефлексии постколониальность позиционируется как комплексное направление интеллектуального поиска, академическая теория и критическая концепция, претендующая на пересмотр евроцентричного дискурса и оптики в сфере социогуманитарного знания, переосмысление наследия цивилизации.

3. В русле дискуссий о целеполагании цивилизационного транзита постколониальность – важный ориентир социальных движений и компас перемен. В докладе анализируются особенности отягощенного рисками и срывами цивилизационного переворота – транзита из эпохи Современности к иному историческому ансамблю, определяемому как Постсовременность, которая, экспериментируя с разнообразием путей самоорганизации и самореализации, оказывается в симбиотическом союзе с Постколониальностью, являющейся фактически ее фрактальным изводом.

4. Колониальность, однако, продолжает существовать и как феномен, и как проблема, но борьбу за политический и экономический суверенитет, преодолевая препоны автоколониальности, замещает практика социокультурной и психологической деколонизации. Возникает тема нового статуса цивилизации, его институций, образности, маршрутов, системы ценностей. На планете складывается многочисленное и активное «не имеющее отечества» номадическое сообщество, не укладывающееся в прокрустово ложе географической локализации и национальной государственности.

5. Эволюционная устремленность процесса все отчетливее обретает черты амбициозного «*проекта планетарного масштаба*» (Ашиль Мбембе). Сбывается предвидение Альфреда Соби о роли третьего мира, потенци которого он сравнил с преобразующей силой, некогда отправившей на свалку истории феодально-сословный миропорядок: «*этот “третий мир”, игнорируемый, эксплуатируемый, презираемый подобно третьему сословию, теперь тоже хочет быть чем-то*». Нынешнее «третье сословие» в своих проявлениях от беженцев и экономических переселенцев до представителей афрополитанизма демонстрирует устремленность «*завоевать мир*».

6. Происходящее сегодня – сполохи выразительных предчувствий, прихожая неизбежного пока здания оригинальной архитектуры. Обитатели современного корпуса цивилизации, будучи вовлечены в переезд и новое расселение, готовятся либо соучаствовать в этой вселенской реновации, либо противостоять ей. Или же просто адаптироваться.

Alexander I. Neklessa

Institute for African Studies, Russian Academy Sciences

POSTCOLONIALITY IN THE CONTEXT OF CIVILIZATIONAL TRANSITION

1. Postcolonial theory (postcoloniality) is an interdisciplinary area of research and one of the great “challenges” of our time, the key to the outlines of the future world order. Coloniality as a phenomenon and problem continues to exist in the postcolonial world, but the struggle for political and economic sovereignty is supplemented and replaced by socio-cultural decolonization.

2. In the field of disciplined reflection, postcoloniality is positioned as a complex area of intellectual search, an academic theory and critical concept that claims to revise the Eurocentric discourse and optics in the field of socio-humanitarian knowledge, and rethink the heritage of civilization.

3. In line with the discussions about the goal-setting of the civilizational transition, postcoloniality is an important reference point for social movements and a compass for change. The report analyzes the peculiarities of the civilizational upheaval burdened with risks and disruptions – the transition from the era of Modernity to another historical ensemble defined as Postmodernity, which, experimenting with a variety of ways of self-organization and self-realization, finds itself in a symbiotic union with Postcoloniality, which is, in fact, its fractal version.

4. Coloniality, however, continues to exist both as a phenomenon and as a problem, but the struggle for political and economic sovereignty, overcoming the obstacles of autocoloniality, is replaced by the practice of socio-cultural and psychological decolonization. The theme of the new

status of civilization, its institutions, imagery, routes, and value system arises. A large and active nomadic community is being formed on the planet, which does not fit into the Procrustean bed of geographical localization and national statehood.

5. The evolutionary aspiration of the process is becoming more and more clearly the features of an ambitious “*project on a planetary scale*” (Achille Mbembe). Alfred Sauvey’s prediction about the role of the Third World, whose potency he compared to the transformative force that once consigned the feudal-estate world order to the dustbin of history, is coming true: “*This ‘Third World’, ignored, exploited, despised like the Third Estate, now also wants to be something*”. Today’s “Third Estate” in its manifestations, from refugees and economic migrants to representatives of Afropolitanism, demonstrates a desire to “*conquer the world.*”

6. What is happening today are flashes of expressive premonitions, the hallway of the still uninhabited building of original architecture. The inhabitants of the modern corps of civilization, being involved in the relocation and resettlement, are preparing either to participate in this universal renovation or to oppose it. Or just adapt.

Ярар Мурат
РУДН, Москва

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ АФРИКИ: КОНЦЕПЦИЯ НЕРАВНОМЕРНОГО И КОМБИНИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ

Одна из общих проблем современных теорий международных отношений (неореалистический подход) заключается в том, что они рассматривают международную структуру как порядок, который продолжает действовать по определенным схемам. Однако общества и структуры являются открытыми системами – они открыты для изменений, подобно тому, как материя по своей природе находится в постоянном движении и открыта для изменений. Этот способ мышления получил свое место в философии как диалектико-материалистический способ мышления. Представители этого образа мышления, Маркс и Энгельс, поставили на ноги диалектику, унаследованную ими от своего учителя Гегеля, и на основе диалектического материализма возникло историко-материалистическое понимание истории.

В области современной теории международных отношений есть теоретики, которые стремятся разработать историко-материалистическое подход к международной исторической социологии. Один из таких теоретиков, Джастин Розенберг, разработал такую историко-материалистическую теорию международной социологии с помощью концепции неравномерного и комбинированного развития.

Эта концепция была впервые выдвинута Троцким и ассоциировалась с установлением социализма в одной стране. Розенберг берет эту концепцию и представляет ее как альтернативу современным теориям международных отношений. Под этой концепцией понимается сосуществование обществ с разным уровнем развития. Согласно этой теории, низкий уровень развития подразумевает преимущество. Относительно отсталые общества могут перенять существующий уровень развития у другого – развитого – общества и, сочетая его со своими особенностями, достичь уровня развитых стран и даже выйти за его пределы. Так, можно говорить об уникальном и независимом процессе развития, а не о процессе развития, зависящем от развитых стран, о котором говорится в дискурсе модернизационной школы.

Сегодня Африка формируется в соответствии с пожеланиями многих внешних акторов. Для того чтобы предотвратить вхождение Африки в новый колониальный порядок, можно использовать концепцию неравномерного и комбинированного развития в области общественных наук, которая позволит вести более детальный анализ региона. Этот анализ может повлиять на тех, кто принимает решения в регионе, и содействовать появлению более пригодной для жизни Африки, независимой от эксплуатации и способной принимать решения наравне с остальным миром.

**AFROCENTRIC AMBIVALENCE: THE DISAGREEMENT BETWEEN
STOKELY CARMICHAEL AND WALTER RODNEY OVER AFRICA'S PLACE
IN TWENTIETH-CENTURY BLACK DIASPORA STRUGGLES**

The decade of the 1960s has gone down in history as revolutionary for both Africa and her diaspora offspring. For Africa, it ushered decolonization. For the diaspora, it unleashed protests for civil and political rights resulting in significant reforms. These achievements notwithstanding, the struggles were far from over. Over the horizons in both Africa and the diaspora loomed dark clouds of disillusionment and apprehension. There were forces determined to derail and push back progress. Racism and bigotry waxed strong in the diaspora. Neocolonialism was on the offensive in Africa. However, these moments of shared pessimism and apprehension only bolstered Africa's status. Several diaspora activists determined that the continent held the key that would unlock the pathway to progress. It became imperative therefore that the struggles be both consolidated and globalized with Africa solidly as the foundation. Leading activists including Stokely Carmichael and Walter Rodney responded by theorizing Africa as the agency whose heritage and post-colonial political power, and economic resources, afforded diaspora blacks and oppressed colored populations worldwide the wherewithal for survival and empowerment. Paradoxically, even as these activists were drawn to Africa by a macro-vision of a Pan-African solidarity, the competing demand of, and loyalty to, ethno-cultural identity (micro-nationalism) complicated Africa's perceived capacity to function as a unifying and an all-encompassing framework. In essence, their attempts to construct a unified foundation for a broad colored cosmopolitan struggle morphed into a conflict between the call for a unified Pan-African struggle vested on Africa on the one hand, and micro-nationalistic allegiance to, and concerns for, the interests and challenges of disparate and distinct diasporic nationalities, on the other.

Емельяненко Екатерина Гарьевна
Санкт-Петербургский государственный университет

**РОЛЬ АФРОЦЕНТРИЗМА В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АФРИКЕ В XXI ВЕКЕ**

В 70-х годах XX века зарождается теория афроцентризма. Она стала отправной точкой для глубоких трансформационных процессов в африканском обществе и положила начало новым тенденциям, которые активно проявились ко второму десятилетию XXI века. Согласно идеологии афроцентризма, афроамериканскому ученому Малефи Кете Асанте, данная концепция представляет собой образ мышления и действий, в которых преобладают африканские интересы, ценности и перспективы.

Афроцентризм не был задуман в качестве противовеса европоцентризму. Напротив, выходя за рамки дуализма, так свойственного европейской культуре, М.К. Асанте предлагает взглянуть на афроцентризм с позиции мультикультурализма. По его мнению, афроцентризм конструктивен, прежде всего, потому, что не лишает другие культуры своего места в общем историческом наследии. В его основе лежит гармоничное сосуществование бесконечного разнообразия культур. Поэтому не может быть настоящего мультикультурализма без афроцентризма. Анализируя влияние Запада на африканскую культуру и общество, он призывает пересмотреть роль и место Африки в мировой истории. На протяжении последних десятилетий теория активно развивалась, получив распространение в странах Африки, где была принята академическим сообществом и получила свое дальнейшее развитие.

Уже сейчас можно оценить результаты преобразований, которые произошли в сознании африканского общества. Теоретические разработки ученых афроцентристов, начатые 40 лет назад в научном кружке университета Темпл уверенно входят в группу факторов, запустивших сдвиги в общественном и политическом сознании африканцев. Переориентация на собственные интересы и перспективы дала старт многим трансформационным процессам, которые проявились в новом тысячелетии и внедрились в африканское общество. Благодаря распространению идей афроцентризма, словно высвобождаясь из длительного плена евроцентризма, появляются различные общественные течения: афрополитанизм, афрофутуризм, афрокосмополитизм, афрофеминизм. Создается огромное количество ресурсов, посвященных африканским математикам, философам, художникам, свидетельствующих о вкладе африканских ученых в развитие современной науки. Пересматривается политика в отношении африканских языков, изучение которых занимает все чаще приоритетные места в африканской системе образования, открываются музеи свободы Африки, издаются книги, посвященные разрушению мифов об Африке и т.д.

Африканские лидеры все больше говорят о главенстве национальных интересов и ценностей: наиболее ярким может послужить пример Белой книги «Дипломатия убунту», выпущенной в 2011 г. Министерством иностранных дел ЮАР (*DIRCO*). Тенденция к «африканизации» внешней политики нашла отражение и во внешнеполитических документах других государств континента. Упоминание о философии убунту можно встретить в стратегических документах Конго, Республики Чад, Уганды, а в Кении – о харамби и др.

Все громче слышен «голос Африки» и на международных площадках. В 2011 г. ЮАР присоединилась к БРИКС, в 2015 г. главы правительств африканских стран приняли Повестку 2063, направленную на процветание континента, в которой был заявлен принцип «африканским проблемам – африканские решения». А в 2023 г. Африканский союз добился членства в G20. Все это свидетельствует о колоссальных изменениях в сознании африканцев и об их новом понимании себя и своего места в глобальном мире.

Ekaterina G. Emelianenko
St. Petersburg State University

THE ROLE OF AFROCENTRISM IN THE FORMATION OF SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATION PROCESSES IN AFRICA IN THE XXI CENTURY

In the 70s of the XX century, the theory of Afrocentrism was born. It became the starting point for deep transformational processes in African society and laid the foundation for new trends that were actively manifested by the second decade of the XXI century. According to the ideologue of Afrocentrism, the African American scholar Malefi Kete Asante, the concept is a way of thinking and acting that is dominated by African interests, values and perspectives.

Afrocentrism was not intended as a counterweight to Eurocentrism. On the contrary, going beyond the dualism so characteristic of European culture, M.K. Asante proposes to look at Afrocentrism from a multiculturalist perspective. According to him, Afrocentrism is constructive primarily because it does not deprive other cultures of their place in the common historical heritage. It is based on the harmonious coexistence of an infinite diversity of cultures. Therefore, there can be no true multiculturalism without Afrocentrism. Analyzing the impact of the West on African culture and society, it calls for a reassessment of Africa's role and place in world history. Over the past decades, the theory has been actively developed, gaining traction in African countries, where it has been adopted by the academic community and further developed.

It is already possible to assess the results of the transformations that have taken place in the consciousness of African society. The theoretical developments of Afrocentric scholars, started 40 years ago in the scientific circle of Temple University, are confidently included in the group of factors that triggered shifts in the social and political consciousness of Africans. The reorientation towards self-interest and perspectives gave rise to many transformational processes that manifested

themselves in the new millennium and infiltrated African society. Thanks to the spread of Afrocentrism ideas, as if releasing from the long captivity of Eurocentrism, various social currents appeared: Afropolitanism, Afrofuturism, Afrocosmopolitanism, Afrofeminism. A huge number of resources devoted to African mathematicians, philosophers, artists, testifying to the contribution of African scientists to the development of modern science, are being created. Policies on African languages are being revised, the study of which is increasingly prioritized in the African education system, museums of African freedom are being opened, books devoted to destroying myths about Africa are being published, and so on.

African leaders are increasingly talking about the primacy of national interests and values, where the White Paper “Ubuntu Diplomacy” released in 2011 by the South African Department of Foreign Affairs (DIRCO) is the most striking example. The trend towards the “Africanization” of foreign policy is also reflected in the foreign policy documents of other states on the continent. Mention of the Ubuntu philosophy can be found in the strategic documents of Congo, the Republic of Chad, Uganda, and in Kenya – on Harambee, etc. The “Africanization” of foreign policy is also reflected in the foreign policy documents of other states on the continent.

The “voice of Africa” is being heard more and more loudly on international platforms. In 2011, South Africa joined BRICS. In 2015, African heads of government adopted Agenda 2063, aimed at the prosperity of the continent, which stated the principle of “African solutions to African problems.” And in 2023, the African Union achieved membership of the G20. All of this demonstrates a tremendous shift in the consciousness of Africans and their new understanding of themselves and their place in the global world.

Deepak K. Bhaskar
Nagaland Central University, India

THE STATE AND ONTOLOGICAL (IN)SECURITY IN AFRICA: A CRITICAL ENQUIRY

International relations have travelled through the timeline focusing much on security particularly physical security that also is reduced to border security. Hence, ontological security appeared late in international relations. Interestingly, everything is done in the pretext of ontological security. Ontological security approach is though decades old and came on the table of deliberation but could not sustain for long as physical security of the state overpowers everything. Africa which is largely ignored and for long considered as a dark continent needs to be looked at from all perspectives but ontological security preferably should be at the centre and ontological insecurity is already at the core in Africa. Security in the pre-global era was characterized by narratives of belonging territorially defined political communities. Political communities are reflected in terms of state. State has not been considered only a physical security provider but also ontological security. Ontological security, according to Anthony Giddens, refers to a person’s fundamental sense of safety in the world and basic trust of the people. To obtain such trust becomes necessary for a person to maintain a sense of psychological well-being and avoid existential anxiety. The events such as 9/11, war on terror, financial crisis of 2008, COVID-19, hunger, poverty, violence against women etc shows that the state is unable to protect its citizens from the disruptions to everyday lives experience. Africa as a continent faces not only the problems of security of survival but existential anxiety that is security of being. Ontological security in Africa has been a preliminary question for a long time. The States of the continent in every sphere has failed to be a provider whether physical security provider or net threat minimiser or ontological security provider.

This paper tries to look at the state and ontological security from African eyes. There are three important questions that have been picked up in this paper.

- What is the ontological security question in Africa?
- Why is the collective existential anxiety in Africa?

- What are the possibilities of seeing both in oneness rather in duality?
Keywords: Ontological Security, Africa, Existential anxiety, Survival of Being.

Сиим Москвитина Анна Юрьевна
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН;
Санкт-Петербургский государственный университет

АФРАБИЯ: ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ И РЕАЛИИ АФРИКИ

Концепция *афрабия* впервые появилась в работах кенийско-американского африканиста и политолога Али А. Мазруи (1933–2014). Она представляет собой антиориенталистическую интерпретацию культурно-политической истории Африки и формулирует новую конфигурацию цивилизаций. *Афрабия* – это синкретическая культура и тип самосознания, возникшие в результате контактов арабов и африканцев, начавшихся еще в доисламскую эпоху и усилившихся в ходе проникновения ислама на Африканский континент. Бытность *афрабийцем* (англ. *Afrabian*, суах. *Mwafrabia*) реализуется на нескольких уровнях: генеалогическом, культурном и идеологическом. *Афрабия* объединяет в себе не противоречащие друг другу традиционно-африканские и арабо-мусульманские культурные элементы, и принадлежность к ней не определяется по принципу наличия арабской крови, а также по расовому критерию. Арабизированные африканцы и африканизированные арабы в равной степени являются *афрабийцами* (например, суахили в Восточной Африке). В цивилизационном плане *афрабия* противопоставлена «иудео-европейской модели»; их столкновение началось в колониальную эпоху и продолжается до сих пор. Будучи сформулированной в основном на восточноафриканском материале и являясь манифестацией объективно существующего в этом регионе типа идентичности, эта постколониальная конструктивистская концепция созвучна настроениям и вызывает симпатии групп населения в Кении и Танзании. Подвергаясь критике за тенденциозность и некорректные исторические обобщения, *афрабия* тем не менее является частью антиколониального дискурса. В качестве идеи и понятия она находит развитие в ряде историко-политических исследований, предлагающих альтернативное видение национально-освободительных движения и обретения африканскими странами независимости, например, у Хариса Хассани в книге «Прощай, колониализм, прощай, свобода! Занзибар и революция (свержение) *афрабии*» (суах. *Kwaheri Ukoloni, kwaheri Uhuru! Zanzibar na Mapinduzi ya Afrabia*).

Ndubuisi Idejiora-Kalu
Applied Systems Engineering Research Center (ASERC);
International Law, Diplomacy and Economy Research Center (ILDERC),
Abuja, Nigeria

UNRAVELING THE MICROPHYSICS OF DISORDERS IN INSTITUTIONS IN POST-COLONIAL COUNTRIES USING A CSH-BASED TRANSDISCIPLINARY SYSTEMS ENGINEERING PARADIGM – A CASE STUDY OF NIGERIA

Institutions are systems that govern the social, cultural, scientific, economic and political elements and realities of countries. For institutions to work, they must stem from the cultures and philosophies of the people. Wherein this is replaced by foreign ones, there begins an unending experimentation which results to dysfunctional and unexplainably underdeveloped societies with their associated wicked problems.

The paper introduces the use of Critical Systems Heuristics (CSH) (Ulrich & Reynolds, 2010) as an instrument of a transdisciplinary systems engineering paradigm and a better alternative for ex-

plaining the microphysics of these disorders. Critical investigation on wicked problems experienced in post-colonial societies using this approach reveal a certain institutional failure and disorder (*a developmental dissonance*) responsible for the devastating social, cultural, economic and political realities known in popular scholarly and policy making literature as “underdevelopment”. This is in contrast to the perceived “order” of societies and governments in former colonial powers and post-colonial countries like Rwanda and Botswana. This reality is to some extent responsible for the geostrategic and geopolitical stigma of “third world”, “least developed countries”, “less powerful or weaker states”, most times used in socially and diplomatically stratifying these countries, creating imbalances and depriving them of their rights in international affairs.

This disorder is not “reveal-able” using Machine metaphor-based Western scientific paradigm which is “reductionist” (Sutton, 2023). Post-colonial Nigeria is used as a case study where disorder in socio-economic and political institutions and their functionality status is appraised.

Сулейманян Андраник Грантович

Главный редактор журнала «Всемирный путешественник», Москва

ЧЕРНАЯ АФРИКА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ «БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА»: ВРАГИ ИЛИ НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СОЮЗ?

Методологические основы наших размышлений: концепция «культурно-исторических типов» Н.Я. Данилевского и новое осмысление знаменитых «дебатов в Вальядолиде» – первых в истории споров о встрече культур и конкуренции цивилизаций.

Вопросы, на которые до сих пор нет ответа:

- Существует ли единая цивилизация Черной Африки?
- Если существует, то в чем ее самобытность и предназначение во всемирной истории?
- Можно ли утверждать, что «дух Запада» всегда враждебен черной Африке или идеологи негритюда абсолютизируют капиталистический и империалистический период в истории Европы и США и связанный с ним системный постколониализм?
- Миссия России в Африке?
- Какие целевые группы в Черной Африке, России и Европе могут стать ядром союза, если он возможен?

Без научного ответа на эти вопросы невозможна долговременная и плодотворная для всех сторон стратегия в диалоге цивилизаций.

Эта же проблема была ключевой в докладе С. Купера – президента Международного союза психологических наук на Panaфриканском психологическом конгрессе в Дурбане в 2017 г.: «Африканская мечта или ночной кошмар?». Она заключается в отсутствии обоснованной теории и неумении решать практические задачи в африканских обществах, переживающих системный кризис.

С этой точки зрения необходимо изучение теоретического и практического наследия харизматических лидеров Черной Африки – С. Бико и Т. Санкара. Например, Бико верно предсказал, в отличие от Манделы, что, если Южная Африка после апартеида останется капиталистической, появится черная олигархия, но неравенство и бедность сохранятся.

Слова Т. Санкара с трибуны ООН следует отнести не только к Африке: «Я говорю... и от имени художников – поэтов, живописцев, скульпторов, музыкантов и актеров – хороших людей, которые видят, что их искусство «проституируется» алхимией трюков шоу-бизнеса».

Мы полагаем, что современное человечество находится в состоянии «турбулентности», и выход из нее может показать только цивилизация, которая станет лидером и предложит новый универсальный и надэтнический образ будущего, не подавляя и не унифицируя идентичности других культур. Кто же этот флагман и какое знамя он поднимет?

**Секция I-3. Современная Африка
в текущих глобально-стратегических трансформациях**

Panel I-3. Modern Africa in current global strategic transformations

Руководитель/Convenor: Hamdy A. Hassan, Zayed University; Cairo University;
RC44 - Security, Conflict and Democratization (IPSA). United Arab Emirates; Egypt

Bijay Ketan Pratihari

Academy of International Studies –
Jamia Millia Islamia, New Delhi, India

AFRICA AND THE NEW WORLD ORDER

Most African states decried the bipolar split as it played out on their territory, but the rivalry between Moscow and Washington partially served their ends. The new world order taking shape has sparked deep concerns in Africa. Africa's anxieties about the changing international environment are similar to those of other Third World areas. But because the continent has traditionally been a low priority in global politics, Africans feel they have a special cause for concern. There is a palpable fear of impending abandonment or benign neglect as the global competition for aid, trade, and investment intensifies. Indeed, the flow of resources to emerging democracies in Eastern Europe, Central America, and Asia may drive Africa further into the rearguard of history at a time when many of its leaders have committed themselves to economic reform. Both reinforce the perception that today's international order still treats Africans as global second-class citizens.

The illegal invasions of Iraq and Syria stoked violent extremist movements, including al Qaeda and the Islamic State which have since spread like a virus across Africa. Thanks in part to the chaos spawned by intervention in Libya, Islamist terrorism has taken root across the Sahel region, affecting Burkina Faso, Chad, Mali, Mauritania, and Niger. Similarly, in East Africa, religious extremism imported from the Middle East is undermining stability in Kenya, Mozambique, Somalia, and Tanzania, all of which are terrorized by an extremist group known as al Shabab. This discrepancy exposes the lie at the heart of today's international system.

Paulo Gilberto Fagundes Visentini

Universidade Federal do Rio Grande do Sul (Porto Alegre);
Escola de Comando e Estado Maior do Exército (Rio de Janeiro), Brazil

THE AXES OF WORLD POWER AND AFRICA'S NEW ROLE

The transition of the international system is characterized by the interaction of four axes of world power. The first is the *Anglo-Saxon military-rentier axis*: the United States, Canada, the United Kingdom, Australia, and New Zealand. These are the hegemonic nations, possessing military, diplomatic, financial, technological, intelligence, and communications power. Being in the post-industrial rentier phase, they live off the resources of other nations through the mentioned means. The second is the *developed industrial axis* of the European Union, Japan, and the Asian Tigers. These areas exhibit advanced productive industrial capitalism and maintain high social standards. However, they face a limitation in traditional power resources, such as military strength, and experience a lack of full sovereignty; they were defeated in World War II and protected during the Cold War.

The third is the *emerging heterodox industrial axis*, comprised of the BRICS nations, where power structures and state participation in the economy play a significant role. This phenomenon is

referred to as the *semi-periphery*. Finally, the fourth is the *peripheral agrarian, mineral, and demographic axis*, comprising medium and small nations in Latin America, Africa, and geographical Asia (including the Middle East). These nations possess abundant human, agricultural, or mineral resources, including energy, but lack military capacity and diplomatic links.

The African continent, characterized by the highest demographic growth and increasing economic advancements, has capitalized on the emergence of new global divides. In recent years, numerous African nations have taken assertive stances, seeking emancipation from neo-colonial dependency, which has acquired a systemic nature since 2022. While the majority of the Geopolitical South (Third World) follows a similar pattern, Africa has been remarkable in the speed at which it has translated the economic, diplomatic, and security support from the BRICS into its own political project. To what extent are these advances sustainable, given the reactions of the powers on axis 1 and 2? Topic 1 of the paper will investigate this aspect.

**Predrag Obrenović, Dragana Popović, Vesna Rodić,
Filip Stanivuković**
Independent University Banja Luka, Bosnia and Herzegovina

NATIONAL IDENTITY OF AFRICA IN A MULTIPOLAR WORLD – PERSPECTIVES AND CHALLENGES

The understanding of Africa as a continent is tied to a vision of one part of planet Earth, which is considered to be the ancestral homeland of humans with significant natural resources and a rich history. However, when that same expanse is considered from a geostrategic and socio-economic aspect, then a different face of Africa is seen. The face of Africa on which deep marks are visible, left by colonialism in all areas of development of Africa and its peoples. Today, in the contemporary world, due to neocolonial aspirations of past colonizers, Africa still faces limits in using its resources to achieve its development in general. By comparing histories of Africa and the Balkans, certain parallels are visible between the events in the Balkans in the last decade of the 20th century and many earlier events in Africa. The spectre of Balkanization in Africa, alongside the fear of consequences of any change in borders of multinational states, also has some specific sub-Saharan dimensions – it is strongly tied, among other things, to weakness of small states, racism and colonialism. The aim of this paper is to consider the capabilities of Africa and its peoples, to end the collapse of national identities and reverse it in the future through the scientific methods, primarily induction and deduction. Thus, to create the prerequisites for Africa being one of the centers of power in a multipolar world. Strengthening the national identities of Africa will remove the consequences of colonialism and prevent further breakthroughs by neocolonialism and imperialism, and end the process of further Balkanization of Africa itself, which would enable Africa to have a more favorable and respected position in the future global multipolar order.

Rafaela Pinto Serpa
Federal University of Rio Grande do Sul (UFRGS),
Porto Alegre, Rio Grande do Sul, Brazil

PATTERNS OF FOREIGN INTERVENTION AND INTERACTION IN AFRICA WITH THE END OF THE COLD WAR

The conclusion of the Cold War brought about distinct impacts on Africa's relations with major powers, outlining four patterns of foreign intervention and interaction in the region. Western powers

employed three patterns over the past decades. Firstly, there were the so-called Humanitarian Interventions in the 1990s, which, under the auspices of international organizations, advanced the Western democratic-neoliberal model while simultaneously reviving colonial habits and practices, placing sovereignty as relative. The other two patterns unfolded under the agenda of the War on Terror. In the first decade of the 2000s, under the pretext of the global fight against terrorism, Africa became the stage for unilateral military interventions and the establishment of military bases, exemplified by the creation of AFRICOM and the reactivation of the U.S. 4th Fleet. The Arab Spring, starting in 2011, exposed another form of Western powers' intervention in the continent: covert special operations seeking to create instabilities within African countries, coupled with the use of strategic drone bombings against terrorist targets. However, the strengthening of a new axis of global power, composed of Russia, China, India, Brazil, and other regional powers, brought about a significant change, establishing a pattern of cooperation with the African continent. This new dynamic of interaction was defined not only in military, political, and economic terms but also in consideration of the struggle against the persistence of neocolonial structures at all levels. The relationship between weaker and stronger countries can be based on the defense of sovereignty and mutual gains, contrasting with previous patterns of power imbalance. This new balance of power could lead to a more equitable system, ensuring conditions for a multipolar order.

Hamdy A. Hassan
Zayed University, Dubai;
Cairo University

GLOBAL ANARCHY AND THE ROLE OF AFRICA IN RESHAPING THE INTERNATIONAL SYSTEM

With the increasing signs of chaos in the international system following the Cold War era, characterized by the absence of a central authority or governing body capable of imposing rules and regulations on state actions, the discussion about Africa's role and position has become crucial. States now find themselves relying on their strength and resources to protect their interests and ensure their security. In recent years, the rise of China as a global power and the decline of the United States stand out as two major developments influenced by this chaos. This article addresses the turmoil in the international system and its impact on Africa's role and position. The central question posed is: Can Africa reshape the international system to emerge from the prolonged marginalization it has historically endured?

To address this central question, the study adopts a qualitative approach through a literature review, analyzing books, articles, reports, and other sources to elucidate Africa's role and position in reshaping the present international system. Accordingly, the study is structured around three main axes:

- The first axis discusses the nature of the current chaos in the international system, the ongoing debate about the disintegration of the unipolar system's foundations, and the emergence of rising powers such as China, Russia, India, among others. This section also explores the implications for medium and small powers within the system.
- The second axis delves into Africa's potential to reshape the international system, taking into account geopolitical, economic, and political considerations.
- The third axis presents the challenges, obstacles, and future visions of Africa through the "Afrotopia" approach.

The recent expansion of the BRICS Plus Six group indicates a growing alignment of geopolitical and economic agendas within the group, incorporating major global oil producers and amplifying the influence of the Global South. This expansion, which includes the addition of two African

countries – Egypt and Ethiopia – also highlights the continuous efforts by the African Union to foster integration, development, and growth via the African Continental Free Trade Area. Ultimately, Africa’s pursuit of independence and self-determination is vital for navigating the complexities of global power dynamics and advocating for a fairer global governance system.

Aghogho Akpome
University of Zululand, South Africa

**‘AFRICAN THOUGHT’: DECOLONIAL KNOWLEDGE ECOLOGIES FOR AFRICA,
BRICS, THE GLOBAL SOUTH AND BEYOND**

The inadequacy and failure of dominant knowledge systems and international geo-political relations have been forcefully demonstrated by the current revival of decolonial scholarship. This reinforces the need for new systems and models with realistic potentials to transcend and redress the fundamentalist and skewed orientations of the status quo. It places a burden on decolonial scholars who are committed to marginalised epistemologies and an egalitarian planetary system attentive to local peculiarities while remaining international in outlook. This paper responds to this burden and draws on an on-going project at the University of Zululand, South Africa, whose aim is to instrumentalise ‘African Thought’ to enhance sustainable propositional knowledge production for Africa and beyond. The paper explores the opportunities and limits of African thought in planetary scholarship and international relations praxis with particular regard to the evolution of ecologies, not only of ideas, approaches, and knowledge systems, but also of scholars, institutions and networks. The paper seeks to theorise, from the point of view of African thought, a workable template for new cross-continental networks with close attention to the frameworks of BRICS and the Global South as well as the problematic discipline of ‘African studies’. The central question of the paper is: What conceptual and analytic strengths does the approach of African thought afford towards harnessing diverse knowledge systems from Africa and BRICS countries in particular as well as the Global South in general to facilitate the decolonisation of the global higher education sector and international relations today?

Секция I-4. Видение будущего Африки в глобальном и региональном измерениях: условия, возможности, перспективы

Panel I-4. Vision of the future of Africa in the global and regional dimensions: conditions, opportunities, prospects

Руководитель/Convenor: Неклесса Александр Иванович, Институт Африки РАН

Следзевский Игорь Васильевич
Институт Африки РАН

**ПРОБЛЕМАТИКА АФРИКАНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

1. Идея Африканского Возрождения (Ренессанса) прочно вошла в африканский культурный и политический дискурс. Широкую известность этой идее придало выдвижение ее в 1996 г. Президентом ЮАР Т. Мбеки в качестве новой «национальной идеи» страны, призванной определить место и роль ЮАР среди других африканских государств. Новый доктринальный статус идеи породил широкую дискуссию в ЮАР и за ее пределами относительно условий, возможностей и перспектив Африканского Возрождения.

2. Выйдя с начала нового века на передний план научных дебатов в ЮАР, дискуссия по различным аспектам Африканского Возрождения в значительной степени определила и его проблематику в контексте возможностей и перспектив постколониального, независимого развития новой Африки. В национально-политическом плане ключевым предметом дискуссии стал вопрос о роли ЮАР и перспективах ее лидерства в процессах Африканского Ренессанса. В общеафриканском масштабе тема Возрождения приобрела более широкий проблемно-тематический контекст, напрямую связанный с проблематикой выхода Африки на новый этап развития после деколонизации середины XX в. и демократического подъема 90-х годов. Большую остроту приобрел вопрос об истинности или ложности идеи в условиях многостороннего кризиса развития африканских государств. Обсуждение этого вопроса разделило участников дебатов на сторонников жизнеспособности концепции новой Африки – афро-оптимистов («новый век будет веком Африканского Ренессанса») и ее критиков – афро-пессимистов, видящих в концепции лишь романтический политический лозунг.

3. Однако дебаты относительно условий, возможностей и перспектив Африканского Возрождения открыли еще один путь понимания идеи. Обоснованный в работах ряда южноафриканских исследователей, этот подход подразумевает понимание Африканского Ренессанса как привлекательной модели – аттрактора африканского будущего, предполагающей ее продвижение в массовое общественное сознание и поведение людей. Фактически речь идет о масштабном социокультурном проекте или проектах, преобразующих структуры прошлого и настоящего мира чернокожих людей во имя воплощения его идеальной модели.

4. Познавательным преимуществом данного подхода является то, что он позволяет обнаружить в «биографии» идеи Африканского Возрождения устремленность к духовному и общественному обновлению (возрождению) африканского человека и его культуры на путях обращения к африканскому культурно-историческому наследию, его старым и новым традициям. Главным вопросом этого тренда становится проблематика достижения оптимального сочетания культурного наследия африканских народов с вновь возникающими или заимствуемыми формами культурной жизни, проективного и стихийного отбора элементов наследия, возможности преодоления этнической ограниченности и замкнутости локальных структур, языков и обычаев в направлении африканского единства в культурно-цивилизационном уровне.

Неклесса Александр Иванович

Институт Африки РАН;

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации
научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН

АФРИКАНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: АФРОПОЛИТИЗМ, МИГРИТЬЮД И «РЕКОЛОНИЗАЦИЯ МИРА»

1. Комплексная природа деколонизации и многообразие африканских идентичностей в современном мире – это история путей и форм проявления африканской самобытности, стратегий борьбы африканцев за свою репрезентацию и достойное будущее в стремительно меняющемся мире. Миллиардный прилив в глобальном водовороте: беженцы, экономические переселенцы, влиятельные афрополиты меняют демографическую размерность Ойкумены.

2. Сугубый предмет постколониальной практики уже не только политический или экономический национализм, но трансграничный исход от маргинализации, люмпенизации, пессимизма, чаемое избавление от искушений сервильности и коллаборации, прочих оскопляющих достоинство обстоятельств, ревитализация и самостояние личности, деформированной в отчуждающей и отчуждаемой среде. Иначе говоря, это культурный переворот и психологическое возрождение, местами сопровождаемое «комическим катарсисом» – карнавальными, но подчас макабрическими («колониальная месть») коллизиями от сбоев современных регламентов. Цель – отвержение оккупации прошлым и устремленность к будущему.

3. События Новейшего времени при всех трагических изломах истории образуют вектор устремленности к эмансипации («деколонизации») людей и суверенизации народов: демократизация – деколонизация – десегрегация – легитимация инакости – утверждение достоинства личности.

4. В процессе цивилизационного транзита темнокожий универсализм перерастает первоначальные пропорции, демонстрируя существенные изменения в картине мира. «Задолго до рабства мы жили в одной огромной деревне, называемой Африка. Затем пришли чужеземцы и увели многих из нас, рассеяв по земным градам и весям. До прихода чужестранцев та деревня была для нас миром, и другого мы не знали. Сейчас же расселились настолько широко, что Солнце никогда не заходит над потомками уроженцев Африки. Теперь весь мир – наше жилище, и в самом ближайшем будущем собираемся сделать его человечнее» (Али Мазруи).

5. История «бремена темнокожего человека», пройдя в своем африканском аспекте долгим маршем по ступеням панафриканизма, негритьюда, движения «черных пантер», афроцентризма и в прихожей нового века – акционизма *BLM*, приблизилась к воплощению синтеза афрополитизма и мигрительюда с рассеянной по планете Постсовременностью. Сегодня, обращая прежние обременения в ресурс, бывлые обитатели третьего мира осваивают планету, образуя пестрые коалиции конструктивного/деструктивного толка, и, обретая трансконтинентальную субъектность, перехватывают стратегическую инициативу, реализуя своего рода «реколонизацию мира».

Alexander Neklessa

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences;
Chair of the Commission on Social & Cultural Issues of Globalization,
The Academic Council “History of the World Culture”
at the Presidium of the Russian Academy of Sciences

AFRICAN RENAISSANCE IN A GLOBAL DIMENSION: AFROPOLITANISM, MIGRATION AND THE “RECOLONIZATION OF THE WORLD”

1. The complex nature of decolonization and the diversity of African identities in the modern world is the history of ways and forms of manifestation of African identity, strategies of the

struggle of Africans for their representation and a decent future in a rapidly changing world. The billion-dollar tide in the global maelstrom: refugees, economic migrants, influential Afropolitans are changing the demographic dimension of the Ecumene.

2. The main subject of postcolonial practice is not only political or economic nationalism, but a cross-border exodus from marginalization, lumpenization, pessimism, the longed deliverance from the temptations of servility and collaboration, and other circumstances that emasculate dignity, the revitalization and self-standing of the individual, deformed in an alienating and alienated environment. In other words, it is a cultural upheaval and a psychological revival, sometimes accompanied by a “comic catharsis” – carnivalesque, but sometimes macabre (“colonial revenge”) collisions from the failures of modern regulations. The goal is to reject the occupation by the past and look to the future.

3. The events of modern times, with all the tragic twists in history, form a vector of aspiration for the emancipation (“decolonization”) of people and the sovereignization of peoples: democratization – decolonization – desegregation – diversion – dignity.

4. In the process of civilizational transition, dark-skinned universalism outgrows its original proportions, demonstrating significant changes in the picture of the world. “Long before slavery, we lived in one huge village called Africa. Then strangers came and carried away many of us, scattering us throughout the cities and villages of the earth. Before the arrival of strangers, that village was a world for us, and we knew no other. Now they are so widely dispersed that the Sun never sets on the descendants of the natives of Africa. Now the whole world is our home, and in the very near future we are going to make it more humane” (Ali Mazrouei).

5. The history of the “burden of the black man”, having passed in its African aspect by a long march through the steps of Pan-Africanism, Negritude, the Black Panther movement, Afrocentrism and, in the hallway of the new century, BLM actionism, has approached the embodiment of the synthesis of Afropoliticism and Migritude with the Postmodernity scattered around the planet. Today, turning former encumbrances into resources, the former inhabitants of the Third World are exploring the planet, forming motley coalitions of a constructive/destructive nature, and, acquiring transcontinental subjectivity, seize the strategic initiative, implementing a kind of “recolonization of the world.”

Мозговой Сергей Александрович

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В АФРИКАНСКИХ СТРАНАХ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобальные процессы все более охватывают не только экономическую, но и политическую, технологическую и культурную сферы в Африке. Особое место здесь принадлежит развитию систем коммуникации. Но также ответом на глобализационные тенденции является стремление к возрождению и/или сохранению местной культурной идентичности, местный национализм, религиозное многообразие и соперничество, сепаратистские тенденции и ослабление контроля со стороны ряда государств, особенно со слабо развитыми институтами.

В этих условиях особое значение приобретает вопрос об идентичности, включая коллективную идентичность, важнейшим формирующим фактором которой является историческая (коллективная, социальная) память.

Например, используя историческую память, традиции и обычаи, можно содействовать перераспределению доходов от богатых к бедным. Этому в цифровую эпоху могут и, вероятно, будут способствовать новые формы управления глобально взаимосвязанным миром. Поэтому сохраняет свою актуальность и еще более актуализируется реализация концепции устой-

чивого развития, подразумевающая целостностный подход к управлению, в котором сочетаются экономические, социальные и экологические задачи, причем две последние вполне могут опираться на исторический опыт природопользования и межкультурный (межплеменной) опыт коммуникации африканских общностей, проживающих на определенной территории. Это обстоятельство ставит на повестку дня задачу определения идентичности в рамках существующих и новых государств. Другая задача – это создание действующих демократических институтов, нацеленных на эффективное управление. Сегодня созданные по западным лекалам институты в ряде стран являются симулякрами, а влияние на общественные процессы по-прежнему оказывает обычное право и родоплеменные обычаи. Историческая память вбирает в себя обычаи и традиции как объекты нематериального культурного наследия. Исследование вопросов содержания и функционирования исторической памяти как объекта необходимо для понимания менталитета, социальной психологии и поведения отдельных этносов в целях управления.

Нефляшева Наима Аминовна
Институт Африки РАН

ПРОГРАММЫ ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ ИСЛАМИСТОВ В АФРИКЕ В УСЛОВИЯХ АФРИКАНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В условиях Африканского Возрождения превращение терроризма в одну из главных угроз современному миру и безопасности региона подтверждает актуальность реализации программ дерадикализации исламистов. По данным *Global Terrorism Index 2023* самыми активными террористическими группировками в мире в 2022 г. были запрещенная в России организация «Исламское государство» (ИГИЛ) и ее филиалы, боевые группы «Аш-Шабаб», «Армия освобождения Белуджистана» и «Джамаат Нусрат аль-Ислам валь Муслимин». В этом списке ИГИЛ уже восьмой год сохраняет свое лидерство по количеству нападений боевиков, хотя количество погибших от атак ИГИЛ и его филиалов – «Исламское государство – провинция Хорасан», «Исламское государство – провинция Синай» и «Исламское государство Западной Африки» – сократилось. По мере затухания конфликта в Сирии ИГИЛ переключило внимание на страны Африки к югу от Сахары, в частности на регион Сахеля. За последние 16 лет в Сахель стал наиболее проблемным регионом, количество смертей от терроризма выросло более чем на 2000% в период с 2007 по 2022 г. В начале 2000-х годов во многих странах Африки была сформирована антитеррористическая повестка, сформулированы свои как политико-правовые, так и силовые ответы на угрозы терроризма. Все более востребованными становятся программы дерадикализации исламистов, разработанные в странах Африки.

В условиях Африканского Возрождения программы выступают, с одной стороны, как фактор стабилизации политической ситуации. С другой стороны, у программ есть системные недостатки, которые могут нести определенные риски. К ним относятся преобладающая роль военных в управлении программами; непрозрачность управления ими для общества; амнистия бывших террористов без правосудия. Вызывает сложности и реинтеграция бывших боевиков в местные сообщества, их отторжение и стигматизация обществом. Отсутствие механизмов, обеспечивающих вовлечение общественных и религиозных лидеров сообществ в разработку программ, часто нивелирует их цели. Концепция программ не находит поддержки у многих политиков в странах Африки. Наконец, бывшие боевики, прошедшие программу дерадикализации, не могут вписаться в экономические реалии и найти себе применение. При экономических проблемах вероятны риски их возвращения в террористическую группу.

**RELIGIONS IN NIGERIA; THE SYMBIOTIC RELATIONSHIP, THE CONFLICTS,
THE TRANSFORMATION AND THE FUTURE OF THE COUNTRY**

This paper deals with religions and their transformation in Nigeria while culture is treated as a subset simply because religion permeates all aspects of the life of an average Nigerian man. Nigeria, according to some studies is the second most religious country in the world, and this speaks volume about the necessity of interrogating this topic. Simply put, there are three main religious groups in Nigeria, viz: Islamic religion, Christian religion and the traditional religion. Each of these religions has had positive and negative modes of interactions for ages. However, the transformations of these religions have been accelerated through interaction with western culture made possible through globalization and it is due to this that this paper raises few questions:

- What was the nature of these religions in the pre- and post-colonial period?
- What was the nature of relationship existing between the three during these periods?
- To what extent did Western culture contribute to their transformation?
- In what way has globalization impacted the religions in contemporary times?
- And what are the elements of transformation and their impact on Nigeria's future development?

This work mainly analyzes the novels of Adaora Lily Ulasi's *Many Thing You no Understand; Aiye d'aiye Oyinbo* by Isaac Delano; *Kekere Ekun* by Afolabi Olabimtan and Soyinka's *The Jeros Plays*. The paper argues that the transformations recorded in these works, though fictional, bear a segmented and logical growth into what obtains in reality to the inter-relationship between the religious groups in the pre-colonial period. Secondly, the transformation in contemporary times, apart from subsuming Nigerian culture in its orbit, portends grave consequence for economic, social and political existence of the country. The importance of this paper resides in the acute comparison it draws between the religions as obtains in the works and the reality even in contemporary period.

II. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL RELATIONS

Секция II-1. История российско-африканских отношений

Panel II-1. History of Russian-African relations

Руководитель/Convenor: Токарев Андрей Александрович, к.и.н., Институт Африки РАН

Sulemana Nurudeen

Africa-Russia Research Centre, Ghana

RUSSIA IN AFRICA POLITICAL HISTORY

Russia and Africa have had long mutual relationships, Russia – Africa relationships play a key role in Africa independence and liberation. The West seeks to reduce Russia's influence in Africa either to end the relationship or to divide the relationship by political means.

This article therefore seeks to observe the historical perspective of Russia's role in Africa political development. The mechanism of dipolar, unipolar and multipolar order and the role of Africa in this political power struggle are addressed.

Антошин Алексей Валерьевич

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

НАПРАВЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СТРАНЫ АФРИКИ В 1960-е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СПРАВОК-ОБЪЕКТИВОК ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Современные исследователи уделяют значительное внимание вкладу советских специалистов в социально-экономическую и культурную модернизацию стран Африки во второй половине XX в. Во многих научных трудах (в частности, в коллективной монографии «Африка в судьбе России. Россия в судьбе Африки». М.: РОССПЭН, 2019) охарактеризованы особенности пребывания советских врачей, преподавателей, офицеров и т.д. в странах Африки, специфика их взаимодействия с местным населением, восприятие ими обычаев, традиций, культуры питания народов Черного континента. Однако исследователи редко обращаются к вопросу о том, как происходил отбор специалистов для поездки в эти страны. Некоторую информацию об этом дают материалы, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО). В фонде Свердловского областного Совета народного хозяйства (ГАСО. Ф. Р-1966) находятся т.н. справки-объективки на тех сотрудников уральских предприятий, которые в 1960-е годы были рекомендованы для направления в качестве специалистов в разные страны Африки. Нами выявлены такие документы, посвященные направлению уральцев в Объединенную Арабскую Республику (ОАР), Ливию, Гвинею, Мали, Танганьйку. Тот факт, что экономическое развитие Среднего Урала определяется наличием крупных предприятий машиностроения, металлургии, горнодобывающей промышленности обусловил доминирование среди уральцев, направлявшихся в страны Африки, инженерно-технических работников. При этом анализ архивных документов показывает, что эпоха хрущевской оттепе-

ли оказала существенное влияние на выработку критериев, которым должны отвечать советские люди, претендовавшие на возможность работать за рубежом. В справках-объективках фиксировались такие сведения, как привлечение некоторых специалистов к уголовной ответственности в сталинский период, наличие у них близких родственников, побывавших в плену в годы Второй мировой войны. Однако документы не свидетельствуют о том, что эти факты помешали им отправиться в страны Африки.

Мазов Сергей Васильевич
Институт всеобщей истории РАН

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В НИГЕРИИ, 1967–1970

На основе документов из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) автор исследовал позицию и практические действия СССР в связи с гражданской войной в Нигерии (1967–1970). Основное внимание уделено трем аспектам: причины выбора СССР в пользу федерального правительства Нигерии, советская военная помощь нигерийской армии, попытки отделившейся Восточной Нигерии (самопровозглашенной Республики Биафра) сделать Советский Союз нейтральной стороной в нигерийском кризисе.

Установлено, что решение советского руководства поддержать территориальную целостность и не признавать Биафру было обусловлено в первую очередь геополитическими резонами, обоснованными опасениями, что раскол Нигерии усилит позиции США и Великобритании в Западной Африке. Советский Союз поставил федеральному правительству Я. Говона реактивные истребители МИГ-17, учебно-тренировочные самолеты, гаубицы калибра 122 мм, сторожевые катера, автоматы Калашникова, боеприпасы. Советский военный персонал в Нигерии состоял в основном из летчиков и авиационных специалистов. Военно-техническое сотрудничество стало основным фактором расширения и углубления двусторонних связей.

Во время войны советско-нигерийские отношения поднялись практически с нуля на довольно высокий уровень. Однако военная помощь не привела к превращению Нигерии в советского союзника. Нигерийская внешняя политика не претерпела существенных изменений, в ней по-прежнему доминировал западный вектор. Биафра посредством обращений своих общественных организаций пыталась убедить советское руководство признать законность ее права на самоопределение, прекратить снабжать оружием центральное правительство и стать посредником в мирном урегулировании. Советская сторона игнорировала обращения, а оказать влияние на общественное мнение они не могли, поскольку не предавались гласности. Советские власти придерживались нейтральной позиции в отношении конфликтов, периодически возникавших между посольством Нигерии в Москве и учившимися в Советском Союзе нигерийскими студентами-игбо, сторонниками Биафры. Просьбы посольства о высылке из СССР студентов за участие в «сепаратистской деятельности», как правило, не удовлетворялись.

Sergey V. Mazov
Institute of World History, Russian Academy of Sciences

THE SOVIET UNION AND THE NIGERIAN CIVIL WAR, 1967–1970

Drawing on documents housed in the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF), the author examines the Soviet position and behavior amid the Nigerian civil war (1967–1970). It focuses on the following issues: the motives of the Soviet choice in favor of the Federal Military Government of Nigeria, the extent of Soviet military assistance to the Nigerian army, the attempts of seceded Eastern Nigeria (self-proclaimed Republic of Biafra) to make the Soviet Union a neutral side in the Nigerian crisis.

It has been established that the decision of the Soviet leadership to support territorial integrity of Nigeria and not to recognize Biafra was motivated primarily by geopolitical considerations, justified by fears that the split of Nigeria would strengthen the positions of the United States and Britain in West Africa. The USSR delivered to Nigeria MIG-17 jet fighters, training planes, 122 mm howitzers, patrol boats, Kalashnikov automatic rifles and ammunition. Soviet military personnel in Nigeria consisted mostly of pilots and aviation specialists. Military and technical cooperation became the main driver for expanding and deepening bilateral ties.

During the war, Soviet-Nigerian relations rose from practically zero to a fairly high level. However, military aid failed to turn Nigeria into a Soviet ally. The Western vector remained predominant in Nigerian foreign policy. The Biafrans tried to convince the Soviet leadership to acknowledge the legitimacy of Biafra's bid to self-determination, to stop the supply of weapons to the federal army and to become a mediator in a peaceful settlement. Since the dissemination of Biafran propagandists' production was banned in the USSR, they tried to reach the Soviet audience through appeals from Biafran public organizations. The Soviet side ignored the appeals. The Soviet authorities maintained a neutral stance on the conflicts that occasionally arose between the Nigerian Embassy in Moscow and Igbo, pro-Biafra Nigerian students studying in the Soviet Union. Soviet authorities usually refused the Embassy's requests to expel students allegedly involved in "separatist activity".

Mourad Aty

Guelma University, Algeria; Ceap/Porto University, Portugal

ALGERIAN-RUSSIAN RELATIONS: PROSPECTS OF A SIX-DECADE ALLIANCE

The Algerian-Russian Relations date back to the Algerian Revolution against the French colonization. The Soviet Union provided full political and military support to the Algerian cause. The USSR was the first country to recognize the Provisional Government of the Algerian Republic (GPRA) and then the Algerian state after the ceasefire agreement. The two countries established since then diplomatic relations. Shortly after Algeria's independence, the Soviets committed themselves to provide economic and technical assistance to the newly born state. Heavy industries, agricultural development, geological explorations and professional trainings were the main fields of cooperation. The Al-Hajjar huge steel plant exemplifies well the magnitude of the assistance provided. While Algeria played a leading role during the 1960s and the 1970s to rally the third world countries around the Non-aligned Movement, President Houari Boumediene kept close ties with the Soviets. The USSR was the main arm supplier to Algeria since the 1970s. After the turmoil of the so-called Black Decade in Algeria, regimes in both countries pushed towards the tightening of the relations at different levels. Under presidents Tebboune and Putin, both countries pledged to deepen their strategic partnership. This paper traces back the major stages through which the relations were conducted. It provides an understanding of the cooperation mechanisms amidst the different changes at the world arena. The paper also sheds light on the recent geopolitical changes worldwide with a major focus on the cooperation prospects to tighten the long-standing alliance.

Турияница Дарья Андреевна

Институт Африки РАН

СВЯЗИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И СТРАН АФРИКИ НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ «MOSCOW RADIO»

Внешняя политика и история внешнеполитического курса Советского Союза и его связи со странами Африки вызывают интерес среди ученых и исследователей не только западных

стран (будучи во многом «по другую сторону» процесса), но и России. Внимание особо заостряется на изучении активных акторов, которые активно помогали в борьбе против колониализма, расизма и апартеида, как, например, Международный отдел ЦК КПСС и схожие институты. В настоящий момент отдельного внимания заслуживают и неочевидные участники: советские так называемые НКО и другие игроки. Опыт и память людей, работавших в такого рода организациях, связанных с внешней политикой СССР в Африке, к сожалению, до сих пор подробно не рассмотрены. Таким образом, большие пласты локальных историй и результатов дружеских интернациональных связей уходят вместе с их участниками. В частности, заслуживает глубокого анализа работа сотрудников Советского комитета солидарности со странами Африки, Советского фонда мира, Комитета советских женщин, Института общественных наук (Международной Ленинской школы), Высшей комсомольской школы и др.

Кроме того, недостаточно проанализирована работа советских СМИ, публиковавших материалы по проблемам стран Африки, таких как газеты «Правда», «Известия», ТАСС. Весьма интересен и условно главный рупор проведения и распространения советского политического курса – радиовещание. Исследование такого феномена совсем недавно получило распространение в странах юга Африки. В основном данная тематика стала побочной в рамках истории национально-освободительных движений. Радио помогало слушателям из других стран почувствовать себя во многом вовлеченными в борьбу с империалистами и колонистами.

Что касается советских радиоархивов, то они находятся на территории России, бывшего Советского Союза. Часть из них засекречена, поэтому, возможно, местами не может полностью передать личностный характер тех сотрудников, которые работали в редакции Африки. Автор, используя метод *oral studies*, хочет продемонстрировать работу радио через призму личностей ее дикторов, корректоров, журналистов, а также рассказать о судьбе некоторых из них. Автор задается следующими вопросами:

Какие трудности стояли перед первыми «бойцами информационного фронта»?

Каким образом была устроена их работа?

Насколько сотрудники были независимы в своих оценках тех иных событий?

Как менялись или не менялись их взгляды?

Как складывались их отношения с другими редакциями Иновещания?

Как оценивали свою роль в этом глобальном процессе сотрудники «радиофронта»?

Подкопаев Данила Витальевич
ГАУГН, Москва

КОРРЕСПОНДЕНТСКИЕ ПУНКТЫ СОВЕТСКИХ СМИ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ В 1960-х – 1970-х ГОДАХ

Отделения новостных агентств начали появляться в странах Восточной Африки практически сразу после обретения независимости странами региона. До этого момента новости из африканских стран попадали в советские газеты из зарубежных изданий – из западных или социалистических стран. Советскому государству было необходимо получать оперативные новости с востока и юга Африканского континента. Установление дипломатических отношений с Танганьикой, Занзибаром, Угандой и Кенией влекло за собой в том числе и открытие корреспондентских пунктов в вышеуказанных странах. Корреспондентские пункты в Кампале, Дар-эс-Саламе и Найроби максимально оперативно передавали новости, приходящие из Анголы и Мозамбика, ЮАР, Северной и Южной Родезии.

**ПОМОЩЬ СССР В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ТАНЗАНИИ
В ПЕРИОД 1960–1980-х ГОДОВ
(НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ГАРФ)**

Советско-танзанийские отношения в сфере развития танзанийского образования условно можно разделить на несколько аспектов: командирование советских преподавателей в Танзанию для работы в учебных заведениях страны, строительство учебных заведений на территории Танзании при финансовой поддержке СССР, снабжение танзанийских школ учебным инвентарем и оборудованием, помощь в составлении учебного материала и организации учебного процесса.

В 1968–1969 гг. СССР и Танзания после переговоров оформили контракт о командировании советских преподавателей по линии Министерства просвещения СССР для работы в танзанийских средних учебных заведениях. Он был утвержден и подписан двумя сторонами 27 января 1969 г. Контракт с некоторыми дополнениями продолжал действовать на протяжении 1970–1980-х годов и стал основой для работы всех последующих групп советских учителей в Танзании. Количество советских преподавателей в Танзании варьировалось от двадцати до сорока человек из года в год. Существовала тенденция увеличения штата учителей к 1980-м годам.

СССР содействовал в строительстве учебных заведений на территории Танзании, в частности, технического колледжа города Мбея.

Танзанийские школы активно снабжались учебным инвентарем и оборудованием, обычно через советских преподавателей, работавших в танзанийских учебных заведениях. В похожем формате танзанийские школы и колледжи снабжались учебными материалами, которые создавались и распространялись самими советскими учителями на местах. Учебный процесс мог организовываться как на местах, так и группами советских преподавателей путем принятия соответствующих решений на методических семинарах в Дар-эс-Саламе.

Таким образом, СССР во многом содействовал развитию танзанийского образования, особый вклад в которое внесли работавшие в Танзании советские учителя.

Субачев Юрий Петрович
Военный университет МО РФ

**СОВЕТСКАЯ БАЗА ВМФ В БЕРБЕРЕ (СОМАЛИ)
И УСИЛЕНИЕ ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ США В ИНДИЙСКОМ ОКЕАНЕ**

После Второй мировой войны Соединенные Штаты Америки стремились к созданию и укреплению своих позиций в мире и обеспечению своего военного присутствия в стратегически важных регионах планеты.

Одним из таких регионов правительство США считало зону Индийского океана, где планировало создать крупную военно-морскую базу. Среди вероятных объектов для этого был выбран остров Диего-Гарсия (архипелаг Чагос).

С начала 1970-х годов министерство обороны США добивалось одобрения Конгресса на создание на острове такой базы. Конгресс, однако, действовал осторожно, полагая, что односторонние действия США по расширению своего военного присутствия в Индийском океане могут привести к опасному соперничеству с СССР.

Для ускорения принятия Конгрессом положительного решения министр обороны США Д. Шлезингер предоставил разведданные о том, что в Бербере (Сомали) Советский Союз

строит крупные объекты, способные обеспечивать деятельность советских ВМФ и ВВС в северо-западной части Индийского океана и осуществлять контроль над стратегически важным транспортным маршрутом Европа – Азия (через Суэцкий канал). В случае подтверждения этой информации военно-политическое руководство США считало вполне оправданным снятие всех ограничений на строительство базы в Индийском океане.

Чтобы развеять подозрения, правительство Сомали направило приглашение членам Палаты представителей и Сената «приехать и увидеть все своими глазами». Группа представителей Сената и специалистов во главе с сенатором Бартлеттом посетила Сомали в период с 2 по 6 июля 1975 г. с целью подтвердить или опровергнуть утверждение министра обороны Шлезингера.

По итогам визита сенатор Бартлетт заявил, что его инспекция «абсолютно точно подтверждает» данные Пентагона о том, что русские устанавливают там объект для обслуживания, дозаправки и хранения советских ракет класса «земля-земля», приемо-передающий зональный узел связи и ведут строительство аэродрома.

Таким образом, военная деятельность СССР в Сомали и, в частности, в Бербере послужила своего рода «оправданием» для американского правительства, чтобы активизировать работы по созданию военной базы США на острове Диего-Гарсия, которая со временем стала главным арсеналом для сил быстрого развертывания в этом регионе и одной из крупнейших баз ВС США в мире, позволяющей обеспечивать деятельность как элементов сил общего назначения, так и стратегических ядерных сил.

Сидоров Василий Александрович
Институт Африки РАН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ЮАР И СССР/РОССИЕЙ В КОНЦЕ XX ВЕКА

В 1960 г. советские организации прекратили подписывать контракты с южноафриканскими компаниями и перестали отвечать на предложения посредников. Т.е. фактически в начале 1960-х СССР ввел эмбарго на экономические связи с ЮАР.

Но к концу 1980-х режим бойкота стал разрушаться. Во многом это происходило без официальных разрешений.

Ключевая дата в восстановлении экономических связей СССР с ЮАР связана с алмазным концерном «Де Бирс». В июне 1990 г. «Де Бирс – Сентинари» – швейцарская дочерняя компания «Де Бирс» подписала 5-летний контракт на закупку советских алмазов.

Далее начались и другие послабления в отношении ЮАР.

В августе 1990 г. СССР посещает министр торговли, промышленности и туризма ЮАР К. Дюрр. Возглавляемая им делегация официально была приглашена в СССР руководством «Экопрома», созданного для решения проблем экологии.

В октябре 1991 г. Москву, Санкт-Петербург и Киев посетила крупная делегация представителей южноафриканского бизнеса.

Окончанием экономического бойкота ЮАР можно считать установление дипломатических отношений между Российской Федерацией (РФ) и ЮАР в феврале и подписание торгового соглашения между РФ и ЮАР во время визита президента ЮАР Де Клерка в Москву в июне 1992 г. И визит К. Дюрра, и установление дипотношений с ЮАР противоречили традиционной позиции СССР.

Возвращаясь к сделке с «Де Бирс» в мае 1993 г., глава Российского комитета по драгоценным металлам и драгоценным камням (Комдрагмет) Е. Бычков сказал, что его ведомство собирается бороться за «равноправные отношения» с компанией «Де Бирс». В ответ представители «Де Бирс» обвинили российскую сторону в саботаже соглашения с ними.

В октябре 1993 г. было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве. В рамках соглашения был создан Смешанный межправительственный комитет (МПК) по торгово-экономическому сотрудничеству.

Также с 1993 по 1999 г. Аэрофлот выполнял регулярные рейсы в Йоханнесбург.

В 1995 г. в Москве открыл свой офис южноафриканский Стандарт Банк.

В целом следует отметить, что процесс восстановления экономических отношений был очень противоречивым, в нем участвовало много авантюристов. Политика правительства Ельцина была, очевидно, негативной.

Токарев Андрей Александрович
Институт Африки РАН; Военный Университет

К ИСТОРИИ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СССР С ПОРТУГАЛОЯЗЫЧНЫМИ СТРАНАМИ АФРИКИ

Военное сотрудничество СССР с португалоязычными странами началось еще на этапе антиколониальной вооруженной борьбы на территории португальских владений в Африке. Оказанная Советским Союзом антиколониальным силам военно-политическая и военно-техническая помощь способствовала их военно-политическим успехам, ускоряя демократические преобразования в Португалии, а также прекращению колониальных войн и провозглашению независимости португалоязычными странами Африки.

С обретением португалоязычными странами Африки (страны ПАЛОП) независимости начался новый период в двустороннем военном сотрудничестве. СССР оказывал помощь в создании и обучении вооруженных сил этих государств, их оснащении военной техникой и подготовке кадров. Направления и содержание этого сотрудничества будут раскрыты в выступлении.

Секция II-2. Направления и перспективы современных российско-африканских отношений

Panel II-2. Directions and prospects of modern Russian-African relations

Руководитель/Convenor: Волков Сергей Николаевич, к.э.н., Институт Африки РАН

Корендясов Евгений Николаевич
Институт Африки РАН

РОССИЙСКО-АФРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

Состоявшиеся в 2019 и 2023 гг. 1-й и 2-й саммиты Россия – Африка открыли новую страницу в развитии российско-африканских отношений. Однако ее заполнение и для России, и для африканских государств сопряжено с преодолением ряда вызовов и рисков. На саммитах было задекларировано стремление придать российско-африканским отношениям структурный и стратегический характер, обозначены пути и методы достижения этих целей. Нарастание инвестиционного и технологического сотрудничества выдвигается в качестве фундаментального фактора формирующейся модели российско-африканского партнерства. Континент вступил в новый период своего развития, характеризующийся ускорением темпов развития, расширением возможностей проведения национально ориентированной стратегии, модернизационных преобразований, утверждения своей международной субъектности, потенциала отстаивания и продвижения своих интересов на международном пространстве и, в частности, в институтах глобального регулирования. Однако преодоление экономической отсталости, низкого уровня человеческого развития идет медленно. Африка остается континентом, подверженным внутренним конфликтам, эпидемиям, массовому недоеданию. Влияние внешних факторов на положение дел на континенте остается преобладающим.

Хотя контуры взаимозависимости и взаимной востребованности уже достаточно четко обозначились, имеющиеся возможности остаются, по преимуществу, незадействованными. Сказывается ограниченность ресурсов у России в связи с преобладанием в структуре ее экономики ресурсного добывающего сектора. Следует также подчеркнуть сдержанность самого российского бизнеса по отношению к Африке, связанную с недооценкой африканского фактора, а также со слабой информированностью об имеющихся на континенте возможностях для расширения российского присутствия. Новые целеполагания требуют придания российско-африканским отношениям стратегического характера, перенесения центра тяжести сотрудничества в сферу производства, эффективного использования потребительского спроса, формирования достаточно значимых и современных программ в сфере технологического обновления, в области здравоохранения и образования.

Условия для следования такому курсу есть. В России недооценка африканского фактора преодолевается. С развитием отношений с африканскими странами связываются, в частности, планы преодоления трудностей в стабилизации обеспечения минеральными ресурсами инновационной реиндустриализации, расширения сотрудничества в сфере реализации технологических и других конкурентных преимуществ российской промышленной продукции, выполнении совместных программ в сфере сельского хозяйства и агробизнеса. В 2000-х годах в африканских странах были осуществлены сотни реформ. В результате показатели ведения бизнеса существенно улучшились. Однако в общем рейтинге по индексу делового климата большинство стран континента находятся во второй половине списка. Важным инструментом привлечения иностранных инвесторов, особенно в сфере промышленного развития, внедрения передовых технологий, остаются в африканских условиях СЭЗ. Они обладают значительным потенциалом в стимулировании международного сотрудничества, и России следует активно их использовать.

РОССИЙСКО-АФРИКАНСКОЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Однополярный мир, возникший в результате крушения мировой системы социализма и развала Советского Союза, после недолгого периода господства на наших глазах постепенно сдает одну позицию за другой формирующемуся многополярному мироустройству. Одним из его будущих полюсов призван стать Африканский континент. Важное место в нем займет и Россия, играющая, без всякого преувеличения, ведущую роль в становлении нового многополярного мира.

Одним из важнейших элементов формирующейся многополярности станет российско-африканское взаимодействие, которое будет продолжаться базироваться на двух основополагающих принципах. Первым из них является суверенное равенство сторон, который означает, что вступающие в отношения страны обладают равными правами и обязанностями. В свою очередь, равноправное сотрудничество требует взаимовыгодности, что является вторым основополагающим принципом российско-африканского сотрудничества.

При сохранении в неизменности принципов российско-африканского взаимодействия его целеполагание претерпит изменение. В условиях обострения борьбы африканских стран и России, стремящихся к формированию многополярного мироустройства, против попыток коллективного Запада сохранить однополярный мир с гегемонией США, они должны нацелить свое сотрудничество на обоюдное укрепление суверенитета.

Именно таким образом и формулирует основную задачу российско-африканского сотрудничества принятая в марте 2023 г. новая Концепция внешней политики России, соответствующая основным тенденциям и перспективам развития современного мира. Значительное внимание в ней уделяется выстраиванию отношений с Африкой.

«Российская Федерация, – декларирует этот документ, – намерена способствовать дальнейшему становлению Африки в качестве самобытного и влиятельного центра мирового развития», при этом в качестве главной цели российско-африканского сотрудничества определена поддержка «в обеспечении суверенитета и независимости заинтересованных государств Африки»⁷.

Российско-африканское взаимодействие будет осуществляться как на различных уровнях (страновом или региональном), так и по различным направлениям. Продолжат расти объемы торговли, причем ее номенклатура значительно расширится. Ускоренными темпами будет развиваться инвестиционное сотрудничество, крайнюю заинтересованность в котором проявляют африканские страны. На новые рубежи выйдет научное сотрудничество, а также подготовка Россией национальных африканских кадров как в нашей стране, так и в Африке. Усилится также российский вклад в укрепление африканских систем здравоохранения.

Мосейко Аида Николаевна
Институт Африки РАН

ЦЕННОСТНО-ЭТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКО-АФРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Одним из элементов стратегии России в сотрудничестве с Африкой должны быть ценностно-этические компоненты, подчеркивающие общность и взаимопонимание России и Африки в

---

⁷ <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>

культурно-историческом контексте. В документе Африканского союза «Повестка-2063», посвященном стратегическим планам развития Африки на период до 2063 года, в числе приоритетных задач – «формирование африканской модели развития и преобразования, основанной на panaфриканских ценностях». Эта задача предполагает возвращение к исходным, сформированным многовековым опытом развития, традиционным общафриканским ценностям и определение их современного значения. Знание системы африканских ценностей и специфики африканской этики (Убунту) необходимо для понимания африканцев, для выстраивания с ними правильной стратегии взаимодействия. В наше время мир стремительно меняется; события, подчас катастрофические, затрагивающие миллионы людей, сменяют друг друга. И столь же стремительно меняется шкала ценностей. Пандемия, события, связанные с Украиной, палестино-израильский конфликт, многочисленные очаги напряжения в мире высветили вечные ценности, о которых, к сожалению, люди вспоминают перед лицом катастроф: ценность самой жизни и связанная с ней ценность человеческой солидарности, взаимопомощи, сочувствия, доброты, заботы. На второй план отходят ценности личного успеха, богатства, славы. В Африке проблемы выживания и ценность Жизни в течение веков были вписаны в африканскую повседневность. Современная Африка страдает от тяжелейших эпидемий. В различных регионах Африки вспыхивают локальные войны, очаги терроризма и голода. В самых сложных жизненных обстоятельствах традиционные ценности определяют человеческую деятельность и мотивы человеческих поступков. В основе африканской традиционной системы ценностей лежит этика, которая придает этим ценностям нравственный смысл. Можно с уверенностью сказать, что в запросе африканцев на сотрудничество с иностранными деловыми и политическими партнерами всегда будет присутствовать нравственно-этическая составляющая как представления о справедливости, уважении, солидарности.

Aida N. Moseyko

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

THE VALUE-ETHICAL COMPONENT IN THE STRATEGY OF RUSSIAN-AFRICAN COOPERATION

One of the elements of Russia's strategy in cooperation with Africa should be value-ethical components that emphasize the commonality and mutual understanding of Russia and Africa in the cultural and historical context. In the document of the African Union "Agenda 2063", dedicated to the strategic plans for the development of Africa for the period up to 2063, among the priorities is "the formation of an African model of development and transformation based on pan-African values". This task involves returning to the original, formed by centuries of development experience, traditional pan-African values and determining their modern meaning. Knowledge of the system of African values and the specifics of African ethics (Ubuntu) is necessary to understand Africans, to build the right strategy of interaction with them. Nowadays, the world is changing rapidly; events, sometimes catastrophic, affecting millions of people, are replacing each other. And the scale of values is changing just as rapidly. The pandemic, the events related to Ukraine, the Palestinian-Israeli conflict, and numerous hotbeds of tension in the world have highlighted eternal values that, unfortunately, people remember in the face of disasters: the value of life itself and the value of human solidarity, mutual assistance, compassion, kindness, and care associated with it. The values of personal success, wealth, and fame fade into the background. In Africa, the problems of survival and the value of Life have been written into African everyday life for centuries. Modern Africa is suffering from severe epidemics. Local wars, hotbeds of terrorism and famine are breaking out in various regions of Africa. In the most difficult circumstances of life, traditional values determine human activity and the motives of human actions. The African traditional value system is based on ethics, which gives these values a moral meaning. It is safe to say that in the request of Africans for cooperation with foreign business and political partners, there will always be a moral and ethical component as ideas of justice, respect, solidarity.

中俄对非合作：基础、机遇与挑战

摘要：非洲国家需要更多的合作伙伴，非洲欢迎各方开展对非合作。中俄两国在近年来风云变化的国际环境中不断深化合作，也包括在世界多边舞台和不同地区间的广泛合作，对非洲合作也是其中的重要内容。中俄在非洲不存在根本的政治利益分歧。中俄对非经贸合作亦不存在结构性冲突。中俄在对非合作中具有共同的历史认同。中国和俄罗斯都没有殖民过非洲国家，没有历史心理包袱。中俄及非洲国家都追求独立自主发展，积极推动多极。中俄在对非合作中都有共同的发展理念和目标。认同合作促进发展，认同发展解决困境，应对形形色色的保护主义，消除霸权主义、强权政治和新干涉主义等人类共有的挑战，维护世界和平、促进共同发展是中俄的共识。中俄在对非合作中也有一些挑战值得注意克服，例如非洲国家的疑虑与关切、中俄自身的限制、个别理念的分歧、美国和欧洲等国家的掣肘等。

КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С АФРИКОЙ: ОСНОВЫ, ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Африканским странам нужно больше партнеров, Африка приветствует сотрудничество со всеми сторонами. В последние годы Китай и Россия постоянно углубляют свое сотрудничество в бурной меняющейся международной обстановке, в то же время оно включает в себя широкое взаимодействие на мировой многосторонней арене между различными регионами, в этом сотрудничестве Африка является важным партнером. Между Китаем и Россией нет принципиальных различий в политических интересах в Африке. В сотрудничестве с Африкой Китай и Россия имеют общую историческую идентичность. Ни Китай, ни Россия никогда не колонизировали африканские страны, и у них нет исторической психологической нагрузки. Китай, Россия, и африканские страны стремятся к независимому и самостоятельному развитию и активно продвигают многополярность. В сотрудничестве с Африкой Китай и Россия придерживаются общих концепций и целей развития. Китай и Россия согласны с тем, что сотрудничество способствует развитию, что развитие – это выход из трудных ситуаций, что необходимо бороться с протекционизмом во всех его формах и проявлениях, отказаться от гегемонизма, силовой политики и неоинтервенционизма, устранить общие для всего человечества вызовы для того, чтобы сохранить мир во всем мире и способствовать общему развитию. В сотрудничестве с Африкой перед Китаем и Россией стоят такие трудности, как опасения и озабоченность африканских стран, собственные ограничения Китая и России, различия в концепциях отдельных государств, а также ограничения со стороны США, Европы и других стран.

CHINA-RUSSIA COOPERATION WITH AFRICA: FOUNDATIONS, OPPORTUNITIES AND CHALLENGES

African countries need more partners, and Africa welcomes cooperation with all sides. China and Russia have been deepening their cooperation in the stormy international environment of recent years, which also includes extensive cooperation on the world's multilateral stage and among different regions, and cooperation with Africa is also an important component. There are no fundamental differences in political interests between China and Russia in Africa. Nor is there any structural conflict in Russian-Chinese economic and trade cooperation with Africa. China and Russia share a common historical identity in cooperation with Africa. Neither China nor Russia has ever colonized an African country, they are free from the original sin of the colonizers. Both China and Russia, as well as African countries, are pursuing independent and autonomous development and actively promoting multi-polarization. China and Russia share common development concepts and goals in their cooperation with Africa. China and Russia agree that cooperation promotes

development, that development is the solution to difficult situations, that we should deal with protectionism in all its forms and manifestations, and that we should eliminate the challenges common to all mankind such as hegemonism, power politics and neo-interventionism, so as to safeguard world peace and promote common development. China and Russia also have some challenges to overcome in their cooperation with Africa, such as the misgivings and concerns of African countries, China's and Russia's own constraints, differences in individual philosophies, and the constraints of the United States and Europe.

Analúcia Danilevicz Pereira

Universidade Federal do Rio Grande do Sul, Porto Alegre;
Army Command and General Staff College, Rio de Janeiro;
Brazilian Center of African Studies, CebrAfrica;
Brazilian Journal of African Studies (Rbea), Brazil

RUSSIA-AFRICA RELATIONS IN THE 21ST CENTURY: A BRAZILIAN PERSPECTIVE

This paper aims to analyze the relations between Russia and Africa since the 2000s. Both Russia and Africa underwent significant transformations during that period. The issue gained prominence in the media in an instrumental manner in the context of the Russo-Ukrainian War. Unfortunately, it appears to have also influenced hurried academic debates, including those in Brazil. Based on theoretical and analytical references, it becomes evident that the end of the Cold War and its multidimensional crises exacerbated the already existing international inequalities. In this context, there is a shared understanding that overcoming the challenges posed by neoliberal globalization is imperative. With greater or lesser capacity, the tendency is for states to seek support and subsidies to deal with them. Failure to do so may result in their political orders being threatened by growing governability issues. Consequently, they will have to work from a strategic perspective that involves identifying the most dynamic economic hubs, particularly in the technological field. Simultaneously, efforts should be made to mitigate the impact of conflicts within their regional spaces.

Similar to Brazil, Russia possesses political capital and strategic significance in Africa and has pursued a comprehensive approach to the continent. However, in contrast to Brazil, Russia's actions in Africa have been discreet, yet steadily expanding and profound. When analyzing Russian-African relations, the resumption and increase in cooperation is the most visible layer of a profound change. Russia identified Africa's demand for a polycentric and more egalitarian order, while Brazil oscillated once again in its perception of Africa's role as a strategic space. The eradication of neo-colonialism, conflict stabilization, and ensuring food and energy security as prerequisites for development are sensitive issues for Africans. The patterns of Russian cooperation can serve as indicators and facilitators for a new vision of these relations for Brazil. In this manner, **political-diplomatic** and **military-strategic** relations will serve as the foundation for a novel form of **economic-commercial** integration. Will the BRICS play a central role in Africa?

Ненашев Сергей Васильевич

Институт Африки РАН

РОССИЙСКО-АФРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2022–2023 гг. – ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Взаимоотношения России с государствами Африканского континента в 2022–2023 гг. в контексте конфронтационной политики коллективного Запада в отношении нашей страны

войдут в историю как период испытания на прочность и подтверждения обоюдной заинтересованности в их дальнейшем развитии.

Введенные против Российской Федерации широкомасштабные санкции в связи с проведением специальной военной операции на Украине, а также давление, оказанное США и странами Европейского союза на правительства государств Африки с целью подрыва их связей с Россией, определили характер международно-политического климата, в котором продолжилось российско-африканское сотрудничество в последние пару лет.

Позиция африканских государств при голосовании 2 марта 2022 г. на специальной сессии Генассамблеи ООН по проекту первой антироссийской резолюции под названием «Агрессия против Украины» дала повод для многочисленных спекуляций относительно перспектив развития российско-африканских отношений. Действительно, в поддержку документа в силу целого ряда причин высказались 28 из 54 стран Африки. Однако анализ итогов голосования в целом свидетельствует о том, что африканские страны по сравнению с государствами других регионов мира заняли более благоприятную для России позицию. Резолюцию поддержали в общей сложности 73% государств – членов ООН, из которых участники региональной африканской группы, представляющие около 28% членов организации, составили лишь 14,5%. При этом на страны Африки пришлось около половины всех воздержавшихся и две трети не принявших участия в голосовании.

В целом аналогичных позиций африканцы придерживались в ООН и при рассмотрении трех последующих инициированных западными странами антироссийских проектов резолюций в связи с проведением СВО на Украине. Но это не стало определяющим в отношениях России с государствами Африки в прошедшие два года. Главное, что, несмотря на беспрецедентное давление со стороны коллективного Запада, ни одна африканская страна не присоединилась к введенным им санкциям против России.

Более того, африканские руководители разного уровня неоднократно демонстрировали свою заинтересованность в дальнейшем развитии отношений с Россией, осудили разработанный в США закон о противодействии вредоносному влиянию России в Африке. Попытки изолировать нашу страну на Африканском континенте потерпели крах.

Об этом, в частности, свидетельствуют совершенные министром иностранных дел России С.В. Лавровым в 2022–2023 гг. визиты в страны Черного континента, где он, помимо переговоров со своими коллегами, был принят их главами государств и правительств, а также многочисленные встречи с африканскими представителями в Нью-Йорке в период проведения в ООН недель высокого уровня. Ряд руководителей стран Африки и их внешнеполитических ведомств были в этот период приняты в Москве.

В 2022–2023 гг. состоялось около десяти заседаний межправительственных комиссий по сотрудничеству со странами Африканского континента, были подписаны или находились в стадии согласования соглашения о создании дополнительно к существующим новых МПК.

Поддерживались связи по парламентской линии, расширилось сотрудничество в сфере высшего образования, здравоохранения, активизировалась деятельность на Африканском континенте Русской православной церкви.

Важнейшим событием в российско-африканских отношениях в рассматриваемый период стал состоявшийся в Санкт-Петербурге в июле 2023 г. 2-ой саммит Россия – Африка, в котором приняли участие делегации 49 из 54 признанных международным сообществом государств континента. На его площадках состоялись заинтересованный и конструктивный обмен мнениями по всему спектру партнерства России и стран Африки, обсуждение широкого круга актуальных вопросов мировой политики и экономики, результаты которых нашли отражение в принятых участниками саммита документах. Встреча в Санкт-Петербурге заложила хорошую основу для дальнейшего углубления российско-африканского взаимодействия, в том числе и по утверждению в мире новой справедливой системы международных отношений.

Есть все основания утверждать, что отношения России и стран Африки в непростой обстановке прошедших двух лет в целом успешно прошли испытание на прочность.

НОВАЯ АРХИТЕКТУРА СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ СО СТРАНАМИ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

Архитектура взаимодействия России со странами Африканского континента на современном этапе включает несколько направлений, составляющих комплекс усилий, предполагающих долгосрочный характер взаимодействия со странами-партнерами во всех возможных сферах сотрудничества:

- политико-экономический аспект;
- геополитический аспект;
- энергетический аспект;
- инструменты «мягкой силы».

Концепция внешнеполитической деятельности РФ в части, касающейся стран Африки, определяется несколькими ключевыми константами работы загранпредставительств и бизнеса на континенте:

- невмешательство во внутренние дела суверенных государств Африканского континента;
- дружественный обоюдovýгодный принцип взаимодействия;
- соблюдение международных договоренностей;
- соразмерность усилий РФ реальному их значению для обеспечения внешнеполитических интересов страны;
- поддержание принципа многополярности.

Усилия, предпринимаемые российской стороной в новую эпоху, предполагают укрепление взаимодействия и планирование комплексных двусторонних инициатив:

- списание долга африканским странам;
- противодействие террору;
- встречи на высоком/высшем уровне;
- побуждение руководства африканских государств к решению проблем собственными силами.

В числе перспектив возвращения России в Африку можно выделить несколько важнейших стратегических инициатив, предполагающих переосмысление сути партнерства:

- поиск рынков сбыта высокотехнологичной, современной, востребованной продукции и адаптация технологий под специфические условия потребителя (ВТС, с/х, энергетика и пр.);
- отстаивание интересов РФ на стратегически важных рынках (нефтегазовая сфера / атомная отрасль / гидроэнергетика);
- устранение комплекса проблем «ресурсного голода» российской экономики в широком диапазоне и на дальнюю перспективу;
- создание «положительного имиджа» РФ за рубежом;
- обеспечение стратегической безопасности рубежей РФ и стран-партнеров с опорой на ВМС и ВКС.

Сложности взаимодействия с африканскими странами, которые предстоит совместно преодолеть, новая архитектура отношений, создаваемая обоюдными усилиями, не умаляют значимости и статуса отношений. Особое внимание при подготовке и разработке инициатив разного уровня, на наш взгляд, стоит уделить следующим факторам, тормозящим развитие континента:

- нестабильная политическая ситуация в странах Африки южнее Сахары;
- высокие риски сотрудничества и инвестиций;
- недостаточность информационной поддержки проектов;
- неготовность африканской элиты к самостоятельному принятию решений по целому ряду внутренних проблем;
- отсутствие системной взаимной государственной поддержки инициатив стратегического сотрудничества;

- разработка альтернативных транспортных коридоров (МТК) в обход санкций и развитие торговых отношений на Африканском континенте.

Харитоновна Елена Владимировна
Институт Африки РАН

**К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ СОПРОВОЖДЕНИИ
РОССИЙСКО-АФРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА)**

Знание о том, какие формы социальной ответственности бизнеса африканские партнеры считают «правильными», а какие неприемлемыми, может стать конкурентным преимуществом в налаживании российско-африканских деловых отношений.

Целью исследования является выявление представлений о социальной ответственности бизнеса африканской стороной (африканским менеджментом, государственными служащими и студентами) и сравнение полученных результатов с представлениями российской стороны (представителей российского бизнеса и сотрудников посольств). Эмпирической базой исследования выступили массивы данных, собранных автором и исследовательской группой под руководством автора во время командировок в страны Африки (ЮАР, Намибию, Зимбабве, Уганду и Сенегал). Особое внимание уделено социальным проблемам африканских стран, которые определяют контекст исследования. Использован метод структурированного интервью по авторской методике. Анкета состоит из тезисов, описывающих 6 моделей социальной ответственности бизнеса. Результаты демонстрируют значительные различия в представлениях о социальной ответственности у африканских и российских респондентов. В отдельных случаях получены диаметрально противоположные результаты. На уровне социальных представлений выявлена проблемная зона, которая может быть основой конфликта и непонимания между российской и африканской сторонами.

По мнению африканской стороны, иностранный бизнес должен включаться в решение социальных проблем африканских стран и таким образом «оплачивать» возможность вести бизнес в Африке и иметь доступ к ее ресурсам. Ожидается не только формальная уплата налогов, но и действия, которые помогут Африке решить социальные вопросы. У представителей российского бизнеса представления прагматичные (хотя есть исключения). У работников посольств РФ представления реалистичные, в них подчеркивается роль взаимодействия бизнеса и государства, причем государству отводится регулирующая роль.

Бизнесмены должны уметь говорить с представителями африканского бизнеса и государственными чиновниками, зная проблемное поле, в котором им предстоит работать. Бизнес с помощью предоставленной научной информации может построить эффективные отношения с государственными и деловыми структурами африканских стран и получить преимущество в конкурентной борьбе за влияние на Африканском континенте.

Elena V. Kharitonova
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

**ON THE ISSUE OF SCIENTIFIC SUPPORT OF RUSSIAN-AFRICAN RELATIONS
(USING THE EXAMPLE OF AN EMPIRICAL STUDY OF IDEAS
ABOUT THE SOCIAL RESPONSIBILITY OF RUSSIAN BUSINESS)**

Knowledge on what forms of social responsibility of business are considered “correct” by African partners and what are considered unacceptable can become a competitive advantage in establishing Russian-African business relations.

The purpose of the study is to identify the ideas of the social responsibility of business by the African side (African management, civil servants and students) and compare the results with the ideas of the Russian side (representatives of Russian business and embassy staff). The empirical basis of the study was the arrays of data collected by the author and the research team under the author's leadership during business trips to African countries (South Africa, Namibia, Zimbabwe, Uganda and Senegal). Special attention is paid to the social problems of African countries, which determine the context of the study. The method of structured interview according to the author's methodology was used. The questionnaire consists of theses describing 6 models of business' social responsibility. The results demonstrate significant differences in the perceptions of social responsibility among African and Russian respondents. In some cases, diametrically opposite results were obtained. At the level of social perceptions, a problem zone has been identified, which may be the basis of conflict and misunderstanding between the Russian and African sides.

According to the African side, foreign business should be involved in solving the social problems of African countries "paying" this way for the opportunity to do business in Africa and have access to its resources. Not only the formal payment of taxes is expected, but also actions that would help Africa solve social issues. Representatives of Russian business have pragmatic ideas (although there are exceptions). The officials of the embassies of the Russian Federation have realistic ideas, they emphasize the role of interaction between business and the state, and the state is assigned a regulatory role.

Businessmen should be able to talk to representatives of African business and government officials, knowing the problem field in which they will work. Business, with the help of the scientific information provided, could build effective relationships with government and business structures of African countries and gain an advantage in the competition for influence on the African continent.

Мархутова Юлия Волеславовна
Региональная общественная организация
«Общество дружбы с народом Маврикия»

МАВРИКИЙ ТОЖЕ АФРИКА: ОБЩЕСТВО ДРУЖБЫ КАК НОВЫЙ ВИТОК НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Работа посвящена исследованию такого явления, как Общества дружбы в народной дипломатии. Материалом исследования является Региональная общественная организация «Общество дружбы с народом Маврикия». Общества дружбы были полностью уничтожены при распаде СССР, лишились поддержки, финансирования, помещений, а ведь это некоммерческие организации.

Рассматриваются перспективы развития российско-африканских отношений в свете такого инструмента, как общество дружбы. Проводится сравнение двух обществ дружбы – РОО «Общество дружбы с народом Маврикия» и РОО «Общество дружбы и развития культурно-деловых отношений с Объединенной Республикой Танзания», их сходство, различия, цели и задачи. Анализируются исторические формы и специфика таких Обществ, процесс их становления, государственная важность укрепления российско-африканских отношений посредством обществ дружбы. В связи со спецификой современного этапа мирового развития предложены пути решения проблемы создания таких обществ и привлечения молодежи к этому процессу. Новизна данной работы состоит в том, что новые мировые вызовы и этапы развития общества диктуют необходимость новых нестандартных подходов, объединения усилий, поиска путей развития в российско-африканских отношениях.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СТРАНАХ ФРАНКОФОННОЙ АФРИКИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ВЫЗОВЫ

Хотя в Африке другие европейские языки распространены куда шире, чем русский, те идеи и ценности, которые транслирует Россия, становятся близкими сердцу все большего числа африканцев. Это, в свою очередь, порождает интерес и к языку, на котором, по оценкам Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, в 2022 г. говорило 255 млн человек, а также русский стал наиболее популярным языком Интернета после абсолютного монополиста – английского.

В докладе подробно рассматривается опыт Советского Союза в подготовке кадров для Африканского континента, проводятся параллели с современным состоянием российско-африканского сотрудничества в области образования. В последнее время число студентов, решивших связать свою жизнь с русским языком, стало больше и колеблется в районе 10% относительно других специальностей. Больше возможностей изучать язык появилось и на самом континенте. Россия инициирует новые проекты по популяризации языка, а также увеличивает количество квот на обучение в вузах для абитуриентов из стран Африки.

Географически рамки данного доклада охватывают франкофонные западноафриканские страны, в частности, автор фокусируется на Мали и Сенегале. В этих странах русский язык можно начать изучать еще в школьном возрасте, однако и это не позволяет избежать всех проблем, с которыми сталкиваются абитуриенты российских вузов и кафедр русского языка в самой Африке. Среди них – недостаточный уровень владения языком, не позволяющий выпускникам средних образовательных учреждений изъясняться свободно; относительно низкая квалификация преподавателей из-за отсутствия программ профессиональной подготовки и возможностей посетить Россию для языковой практики; методология преподавания и т.д. В качестве подтверждения автор доклада приводит результаты интервью с изучающими и преподающими русский язык африканцами.

Бережнов Андрей Игоревич
Институт Африки РАН

ОБРАЗ ВТОРОГО САММИТА И ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ГУМАНИТАРНОГО ФОРУМА РОССИЯ – АФРИКА В АФРИКАНСКИХ ГАЗЕТАХ

27–28 июля 2023 г. в Санкт-Петербурге прошел второй Саммит и Экономический и гуманитарный форум Россия – Африка. Россия высоко оценила итоги работы саммита. Но какие оценки саммит получил у африканцев? Каков африканский взгляд на это событие? Изучение этих вопросов позволит посмотреть на это мероприятие с другой стороны и поможет понять, что нужно сделать, чтобы следующий саммит Россия – Африка прошел еще лучше.

Данное исследование выполнено на материалах крупнейших африканских газет, что позволяет понять, как события саммита освещаются в Африке. Сначала стоит отметить, что не во всех выбранных электронных изданиях упоминается второй Саммит и Экономический и гуманитарный форум Россия – Африка. Также его описание сильно зависит от страны, в которой зарегистрирована та или иная газета. Например, в кенийских изданиях события саммита практически не освещаются или делается упор на Африканскую мирную инициативу и прекращение боевых действий между Россией и Украиной. В африканских СМИ можно часто встретить похожие заголовки: «Война России на Украине мешает проведению саммита Россия – Африка».

Были даны и положительные оценки проведению саммита. Например, в угандийской газете *The Monitor* вышла целая серия статей, посвященных саммиту и переговорам между президентами Уганды и России. Африканские СМИ придавали большое значение участию в саммите делегации от своей страны и публиковали фото- и видеоматериалы встреч с российскими высокопоставленными лицами. Во многих статьях подчеркивалось, что саммит был перенесен и должен был состояться осенью в 2022 г. в Аддис-Абебе, также упоминается о том, что изменились даты его проведения с 26–29 июля на 27–28 июля. Это говорит о том, что африканцы очень болезненно относятся к такого рода переносам.

Andrei Igorevich Berezhnov

Institute for African Studies, Russian Academy Of Sciences

IMAGE OF THE SECOND SUMMIT AND THE RUSSIA – AFRICA ECONOMIC AND HUMANITARIAN FORUM IN AFRICAN NEWSPAPERS

On July 27–28, 2023, the Second Summit and the Russia – Africa Economic and Humanitarian Forum were held in St. Petersburg. Russia greatly appreciated the results of the summit. But how did Africans assess the summit? What is the African perspective on this event? By examining these issues, we can analyze a different view of this event and gain insight into the necessary measures to enhance the next Russia – Africa summit.

This study was carried out using materials from major African newspapers, which help to understand how the events of the summit are covered in Africa. It is worth noting that not all electronic publications mention the Second Summit and the Russia – Africa Economic and Humanitarian Forum. Furthermore, its description strongly depends on the country in which a particular newspaper is registered. For instance, in Kenyan newspapers, the summit's events are largely neglected, and emphasis is placed on the African Peace Initiative and the cessation of hostilities between Russia and Ukraine. It is not uncommon to see similar headlines in the African media: “The Russian war in Ukraine dampens the Russia – Africa summit.”

Positive assessments of the summit were also given. For example, the Ugandan newspaper *The Monitor* published several articles devoted to the summit and negotiations between the presidents of Uganda and Russia. African media attached great importance to the participation of their country's delegation in the summit and published photos and videos of meetings with Russian high-ranking officials. Numerous articles emphasized that the summit was postponed and was originally scheduled to take place in the fall of 2022 in Addis Ababa. It was also mentioned that the dates for its holding had changed from July 26–29 to July 27–28. This suggests that Africans possess a high degree of sensitivity towards such changes.

Секция II-3. Страны Азии и Африки в новом мироустройстве: векторы отношений

Panel II-3. Countries of Asia and Africa in the new world order: vectors of relations

Руководитель/Convenor: Кобзева Ольга Петровна, д.и.н, профессор Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Дейч Татьяна Лазаревна
Институт Африки РАН

КИТАЙ В АФРИКЕ В УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ ЗА НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК

Гегемония «коллективного Запада» неуклонно уходит в прошлое, и суверенные государства Африки являются частью этого глобального процесса. Разрыв с Западом и переформатирование мирового порядка побуждают Россию обратить растущее внимание на Африканский регион. Как заявил глава МИД КНР Ван И, Китай вместе с Россией и другими заинтересованными государствами готов содействовать развитию многополярной международной системы. Провозгласив стратегию «выхода за рубеж», Китай стремится упрочить свои международные позиции в противодействии попыткам США руководить миром. Торгово-экономические отношения Китая со странами Африки, пережившие спад в связи с пандемией, снижением цен на сырье и другими причинами, претерпевают изменения; следствием стал рост китайско-африканской торговли на 8,9% в 2023 г. Китай – главный торговый партнер, один из ведущих доноров и инвесторов стран Африки. Китайские *SOE* практически захватили африканский рынок инвестиционных проектов, многие из которых осуществляются китайскими компаниями и с помощью китайского финансирования. Китай стал крупнейшим игроком в инфраструктуре Африки; при этом доля Европы снизилась с 44 до 34%, доля контракторов США – с 24 до 6,7%. Важным стимулом китайско-африканского экономического сотрудничества стала реализация Пекином проекта «Один пояс – один путь», который предполагается ввести в строй в 2023 – начале 2024 г. На 2022 год 52 страны Африки подписали с Китаем соглашения о сотрудничестве в рамках проекта – самое большое количество стран на одном материке стали участницами китайского глобального внешнеполитического проекта. На китайские компании приходится, по оценкам, 1/8 промышленного производства континента. Созданная с китайской помощью цифровая инфраструктура играет ведущую роль для платформ, на которых держится цифровизация в Африке. Однако китайское кредитование сокращается: основная причина – рост долговой зависимости стран Африки. Заметно крепнут политические связи Китая с Африкой, а также сотрудничество в военной сфере и в области безопасности. Успешное развитие российско-китайских отношений открывает возможность экономического и политического сотрудничества двух стран в Африке. Пекин хочет объединить усилия с Москвой, чтобы развивать Африканский регион, поддерживать в нем благополучную и мирную обстановку.

Tatiana L. Deych
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

CHINA IN AFRICA IN CONDITIONS OF THE STRUGGLE FOR THE NEW WORLD ORDER

The “collective West” hegemony is steadily becoming a thing of the past, and African sovereign states are part of this global process. The break with the West and the reformatting of the world order are prompting Russia to pay increasing attention to the African region. As Chinese Foreign Minister Wang Yi said, China, together with Russia and other interested states, is ready to promote the

development of multipolar international system. By declaring a strategy of “going abroad,” China seeks to strengthen its international position in countering US attempts to lead the world. China’s trade and economic relations with African countries, which have experienced a decline due to the pandemic, lower prices for raw materials and other reasons, are undergoing changes; the result is an increase in Chinese-African trade by 8.9% in 2023. China is the main trading partner, one of the leading donors and investors for African countries. China has become the largest Africa’s infrastructure player; Chinese SOEs have virtually captured African market for investment projects, many of which carried by Chinese companies and with Chinese finances. At the same time the share of Europe countries decreased from 44% to 34%, the share of US contractors – from 24% to 6.7%. An important incentive for Chinese-African economic cooperation was Beijing’s implementation the One Belt One Road project, which is expected to be put into operation in 2023 – early 2024. As of 2022, 52 African countries have signed cooperation agreements with China under the project – the largest number of countries on the same continent became participants in the Chinese global foreign policy project. Chinese companies account for an estimated 1/8 of the continent’s industrial output. The digital infrastructure created with Chinese aid plays a leading role in the platforms that support African digitalizing. But the Chinese credits are shorten. The main reason is the African debts problem.

The political ties and contacts in security problems between China and African countries are developing. The China – Russia relations in last years create the opportunities for the both countries cooperation in Africa. China wants to unite efforts with Moscow to develop African region and to support the well-being and peace in Africa.

Андреев Лев Андреевич
МИД России

ИРАН И АФРИКА: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В условиях широкой имплементации санкционных методов в международных экономических отношениях актуальным становится изучение практики взаимодействия различных стран с партнерами, рассматривавшимися ранее как неприоритетные. Опыт сотрудничества Ирана с богатыми ресурсами странами Африки в этой связи наиболее интересен, поскольку многолетнее пребывание в разнообразных санкционных списках позволило Тегерану наиболее четко определить преимущества и риски работы со всевозможными контрагентами.

ИРИ с Африкой сближает общность историко-культурного контекста. Наибольшее внимание Иран уделяет развитию партнерских отношений с прибрежными государствами, в то время как с центральноафриканскими странами контакты почти отсутствуют. Так, главными торговыми партнерами Тегеране на Африканском континенте являются Алжир, Египет, Кения, Кот-д’Ивуар, Малави, Намибия, Нигер, Нигерия, Сомали, Судан, Сьерра-Леоне, Танзания, Эритрея и ЮАР.

Среди ключевых векторов внешнеэкономической политики Ирана в Африке выделяются проекты в области развития сельских территорий, производства продуктов питания, сельскохозяйственного машиностроения, образования, а также консультирования по финансово-экономическим вопросам. Кроме этого, Тегеран экспортирует в регион продукцию своей нефтяной, нефтехимической, металлургической, фармацевтической и легкой промышленности, а также строительные материалы. Из Африки в Иран ввозятся драгоценные металлы и сельскохозяйственные товары. В связи с санкциями торговля с Африкой идет не только напрямую, но и через страны-посредники. По разным данным, суммарный экспорт иранских товаров в 2021 г. достиг 3,7 млрд долл. США. Вместе с тем на Иран приходилось лишь немногим более 0,6% импорта на континент. Несмотря на это, проводимая Ираном, в том числе посредством открытия новых диппредставительств, внешнеполитическая линия может при должных усилиях увеличить количественные показатели имеющегося взаимодействия.

HOW INDIA – AFRICA PARTNERSHIP CAN TRANSFORM BOTH REGIONS FOR THE BETTER

India and Africa share a deep and historical connection and there is a vast potential for further cooperation and partnership between the two regions. India can play a significant role in supporting Africa's development and growth in various domains.

1. **Economic Cooperation and Trade:** India can enhance its economic engagement with Africa by expanding trade, promoting investment and facilitating technology transfer. This can involve establishing free trade agreements, encouraging joint ventures, sharing expertise in areas like agriculture, manufacturing and infrastructure development.

2. **Capacity Building and Skill Development:** India can assist African countries in enhancing their human capital by providing training programs, educational scholarship and vocational courses, this can help build a skilled workforce, improve productivity and foster innovation across various sectors.

3. **Healthcare and Pharmaceutical support:** India's robust pharmaceutical industry and expertise in generic drug manufacturing can be leveraged to improve healthcare access and affordability in Africa. This can involve providing affordable medicines, establishing healthcare infrastructure and sharing knowledge in disease prevention and treatment.

4. **Agriculture Development and Food Security:** India's agriculture experience and expertise in sustainable farming practice can be shared with African countries to boost agricultural productivity and address food security challenges. This can involve sharing knowledge in irrigation techniques, crop diversification and post-harvest management.

5. **Digital Connectivity and Infrastructure:** India's advancement in digital technology can be utilized to bridge the digital divide in Africa and enhance connectivity. This can involve collaborating on infrastructure project, providing affordable access to digital services and promoting digital literacy initiatives.

6. **Peacekeeping and Security Cooperation:** India can contribute to peace and stability in Africa by participating in peacekeeping missions, providing training and equipment to African peacekeeping forces and engaging in regional security initiatives.

7. **Cultural and Knowledge Exchange:** Strengthening cultural ties and fostering knowledge exchange between India and Africa can promote mutual understanding, appreciation and collaboration in various fields such as education, research and arts.

India's support for Africa can extend beyond these specific areas encompassing a wide range of initiatives that foster sustainable development, empower communities and strengthen the bond between the two regions. By working together India and Africa can create a more prosperous and equitable future for all.

Birendra Kumar Pandey
Arun Jaitley National Institute of Financial Management, India

INDIA AND AFRICAN CONTINENTAL FREE TRADE AREA (AfCFTA): CHALLENGES, PROSPECTS, AND STRATEGIES FOR ENHANCED COOPERATION

This paper aims to investigate the potential impact of the African Continental Free Trade Area (AfCFTA) on Africa's economy and explore the prospects for enhanced trade and investment relations between India and African nations.

The study will adopt a comprehensive approach, combining a literature survey, data analysis, and a forward-looking perspective to assess the current state of trade and investment between Africa and India, identify barriers and opportunities, and propose strategies and recommendations for

enhancing trade and investment collaboration between India and African countries, considering factors such as infrastructure development, investment opportunities, and capacity building. It will analyze the current trade and investment relationship between Africa and India, including the volume of trade, major export and import sectors, and existing trade policies.

Усов Вячеслав Александрович
Российский институт стратегических исследований (РИСИ)

КУЛЬТУРНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ИНДИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В АФРИКЕ

По мнению Нью-Дели, одной из важнейших целей индийской политики в Африке является укрепление человеческого и гуманитарного потенциала африканцев. Это, с точки зрения Индии, отличает ее позицию от подходов других крупных держав, в частности Китая. Рассматривая африканские страны как своих важных политических и экономических партнеров, Индия акцентирует внимание не только на сходстве задач и целей нынешнего развития или текущих вызовах, но и на своих традиционных связях с народами Африки, исторических и культурных контактах, общности использования английского языка и даже взаимного стремления сторон к демократическому устройству. Цифровые технологии, проверенные практики в области образования и медицины также являются неотъемлемыми элементами индийской «мягкой силы». Вместе с тем по мере усиления позиций Индии в мире и роста присутствия на континенте она все больше начинает рассматривать себя как некую «новую нормативную силу», способную предложить развивающимся, в первую очередь африканским, государствам собственную модель развития.

Vyacheslav A. Usov
Russian Institute for Strategic Studies (RISS)

CULTURAL AND HUMANITARIAN ASPECTS OF INDIAN POLITICS IN AFRICA

According to New Delhi, one of the most important goals of Indian policy in Africa is to strengthen the human and humanitarian potential of Africans. From India's point of view, this distinguishes its position from the approaches of other major powers, in particular China. Considering African countries as its important political and economic partners, India focuses not only on the similarity of development goals and objectives or current challenges, but also on its traditional ties with the peoples of Africa, historical and cultural contacts, the use of the English language and even a common desire for a democratic system. Digital technologies, proven practices in the field of education and medicine are also integral elements of Indian "soft power". At the same time, as India's status in world affairs grows, as well as its presence on the continent, it increasingly begins to perceive itself as a kind of "new regulatory force" capable of offering developing, primarily African states, its own development model.

Володин Андрей Геннадиевич
ИНИОН РАН

ИНДИЯ-АФРИКА: СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Индию и Африканский континент связывают прочные исторические, культурные и экономические связи. На континенте проживает около 3 млн человек индийского происхождения,

и Индия является вторым по важности торговым партнером Африки после Китая. Южная и Восточная Африка, в частности, установили глубокие связи с Индией и большим индийским населением с семьями на обоих континентах. Короче говоря, существует множество экономических и социальных путей проникновения индийского варианта *COVID* в Африку.

Поэтому правительствам африканских стран и должностным лицам общественного здравоохранения необходимо активизировать все этапы внедрения вакцины против *COVID-19* – информирование и просвещение общественности, выявление уязвимых групп населения для определения приоритетов, а также материально-техническую подготовку и аутич-пропаганду – для массовой вакцинации, чтобы охватить как можно большую долю их населения. Хорошо зарекомендовавшие себя сети местных медицинских работников в Африке обеспечивают жизненно важную основу, а также надежный и основанный на опыте механизм оказания помощи для успешного достижения этих целей. При технической, финансовой и логистической поддержке со стороны внешних партнеров кампании вакцинации в Африке смогут справиться с этой задачей. Богатый опыт Индии в этой области, как положительный, так и отрицательный, может быть своевременным и актуальным.

Отношения Индии и Африки на протяжении многих лет развивались динамично и непрерывно, демонстрируя как изменения, так и преемственность. В колониальный период они были сосредоточены на освобождении и борьбе с колониализмом с точки зрения солидарности между колонизированными народами во всем мире. Вскоре после обретения Индией независимости индо-африканское взаимодействие сосредоточилось на освобождении африканских стран. Только в эпоху после окончания холодной войны, когда Индия и большое количество африканских стран превратились в динамичные переходные общества и глобализированные экономики, отношения стали развиваться по-настоящему динамично и быстро. Сотрудничество в области развития в сфере здравоохранения сегодня занимает важное место в динамичных межконтинентальных отношениях Индии и Африки.

Кобзева Ольга Петровна

Национальный университет Узбекистана
им. Мирзо Улугбека, Узбекистан, Ташкент

РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН СО СТРАНАМИ АФРИКИ

Несмотря на географическую отдаленность Республика Узбекистан имеет давние исторические и культурные связи со странами Африканского континента, в частности Магриба, и обладает значительным потенциалом для увеличения взаимного товарооборота в различных сферах. К 2023 году Республика Узбекистан установила дипломатические отношения с 20 странами Африки (Египет, Алжир, Тунис, Марокко, ЮАР, Ангола, Эфиопия, Чад, Судан, Сенегал, Нигерия, Мали, Мавритания, Маврикий, Зимбабве, Замбия, Гвинея, Гана, Бенин, Сьерра-Леоне). В Ташкенте имеются посольства Алжира и Египта.

Посольство Узбекистана в Каире является крупнейшим дипломатическим представительством Узбекистана на Африканском континенте и обслуживает консульские округа во всех странах Африки (кроме ЮАР). Узбекистан и страны Африки являются членами таких международных организаций, как ООН, Движение неприсоединения, ОИС, МВФ.

Наиболее динамично на современном этапе развиваются взаимоотношения Узбекистана и Египта. В 2018 г. состоялся официальный визит президента Арабской Республики Египет Абдул-Фаттаха Ас-Сиси в Ташкент впервые за 60 лет, а в 2023 г. – визит президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёева в Египет, что ознаменовало новый этап в развитии связей между странами. Определены 5 направлений взаимодействия в газохимической, текстильной, электротехнической, ювелирной и фармацевтической отраслях.

Большую заинтересованность в расширении торгово-экономического, научно-технического сотрудничества, взаимодействия в сфере трудовой миграции с Узбекистаном проявило руководство Замбии. Эта развивающаяся южноафриканская страна является активным членом Соглашения о свободной торговле *COMESA* африканских стран, а также одним из государств-основателей Сообщества развития юга Африки. В Замбии успешно работают более 500 высококвалифицированных узбекских специалистов в городах Лусака, Китве и Ндола в сфере предпринимательской деятельности, внося вклад в развитие медицины, горнодобывающей, строительной отраслей экономики страны. Узбекистан заинтересован в развитии всестороннего партнерства со странами Сообщества развития юга Африки, в числе которых перспективными партнерами представляются Замбия, Ангола, ЮАР, Конго и другие государства.

В 2018 г. состоялся визит в Узбекистан представителей бизнес-кругов Южно-Африканской Республики, который способствовал расширению договорно-правовой базы торгово-экономического сотрудничества в целях развития деловой активности между двумя странами. С 2019 г. граждане ЮАР могут оформлять электронную визу для въезда в Узбекистан, а также получать вид на жительство при условии приобретения недвижимости. Приоритетными направлениями сотрудничества с ЮАР определены нефтегазовая, торговая и туристическая области.

Алиназарова Дилдора Валишеровна
Национальный университет Узбекистана
им. Мирзо Улугбека, Узбекистан, Ташкент

НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ УЗБЕКСКО-АФРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Отношения между Африкой и Узбекистаном развиваются как на двусторонней основе, так и в рамках многосторонних площадок. ЮАР признала суверенитет Узбекистана 12 августа 1992 г., дипломатические отношения были установлены в 1992 г., а также в Ташкенте открылось посольство и почетное консульство ЮАР. Две страны взаимодействуют на площадках ООН (с 2004 г.).

8 марта 2018 г. в Министерстве внешней торговли Узбекистана состоялась встреча с Чрезвычайным и Полномочным Послом ЮАР в Республике Узбекистан с резиденцией в Анкаре Пуле Исааком Малефаном. В ходе встречи южноафриканская сторона была ознакомлена с проводимой в Узбекистане работой по реформированию и либерализации экономики. Обе стороны выразили интерес к укреплению торгово-экономического сотрудничества.

27 августа 2020 г. Посол Узбекистана в Египте Ойбек Усманов встретился с Послом Замбии в Каире Топпли Лубаей. Цель встречи – расширение географии торгово-экономического, научно-технического сотрудничества, а также налаживание взаимодействия в сфере трудовой миграции республики со странами Африки. Посол Т. Лубая подчеркнул большую заинтересованность руководства Замбии в налаживании двустороннего сотрудничества с Узбекистаном. Он сообщил, что наиболее развитыми отраслями экономики в Замбии являются горнодобывающая, сельскохозяйственная, ирригационная и фармацевтическая, имеется огромный потенциал для развития туристической отрасли, в стране есть живописные водопады, заповедники и охотхозяйства, привлекающие иностранных туристов.

Посол О. Усманов проинформировал замбийских коллег об увеличении экспортного потенциала нашей страны, создании благоприятного климата для иностранных инвесторов. Особый интерес у посла Замбии вызвала информация о том, что в Узбекистане впервые создан Фонд поддержки работающих за рубежом граждан, для этих целей выделено более 100 млрд сумов. Отмечалось, что в Замбии успешно работают более 500 высококвалифицированных узбекских специалистов, являющихся прочным мостом в налаживании долгосрочного сотрудничества между нашими странами. Узбекские граждане также трудятся в городах Лусака, Китве и Ндола. Узбекистан заинтересован в развитии всестороннего партнерства со

странами Сообщества развития юга Африки: Замбией, Анголой, ЮАР, Конго и другими государствами.

Акрамова Фазилат Артикбаевна
Национальный университет Узбекистана
им. Мирзо Улугбека, Узбекистан, Ташкент

РАСТУЩАЯ РОЛЬ АФРИКИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ВЗГЛЯД ИЗ АФРИКИ И УЗБЕКИСТАНА

Африка обладает огромным потенциалом для экономического роста, может стать новой глобальной экономической державой, имеющей огромное значение в политической сфере, заявил премьер-министр Эфиопии Абий Ахмад на открытии третьего форума международного сотрудничества, который проходил в рамках инициативы «Единое пространство – один путь». «Африка с населением 1,4 млрд человек становится мировым экономическим игроком и, несомненно, станет следующим приграничным рынком, – сказал он. – Африка, некогда бывшая источником сырья, сейчас реализует свой потенциал. Континент, который до сих пор оставался в стороне при присвоении его природных ресурсов, быстро становится глобальной экономической, социальной и политической силой. Остальная часть мирового сообщества сталкивается с серьезными кризисами – изменением климата, структурными изменениями и глобальной нестабильностью. В таких условиях необходимы совместные согласованные действия для решения общих проблем. Такой подход ранее обеспечивал стабильность во всем мире. Как мировые лидеры, мы должны принять принципы гуманизма, справедливости, инклюзивности, равенства и сопереживания».

6 марта 2018 г. в Министерстве внешней торговли Республики Узбекистан состоялась встреча с Чрезвычайным и Полномочным Послом Южно-Африканской Республики в Узбекистане (штаб-квартира находится в Анкаре) Пуле Айзеком Малэфане. В ходе встречи южноафриканская сторона была ознакомлена с работой по реформированию и либерализации экономики в Республике Узбекистан. В частности, особое внимание было уделено созданию благоприятной среды для либерализации экономики Узбекистана, привлечения инвестиций и повышения международной деловой активности. Делегация ЮАР была приглашена Узбекистаном для рассмотрения вопросов расширения договорно-правовой базы сотрудничества с целью создания благоприятных условий для активизации торгово-экономических отношений между обеими странами.

Несмотря на географическую удаленность, наши страны обладают значительным потенциалом для расширения взаимной торговли в различных областях. Визиты представителей деловых кругов Узбекистана и Южной Африки позволят вам ознакомиться с торговыми и инвестиционными возможностями двух стран и задействовать существующие резервы.

Ваисова Нодирабегим Авазовна
Национальный университет Узбекистана
им. Мирзо Улугбека, Узбекистан, Ташкент

ЕГИПЕТ КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ХАБ В АФРИКУ ДЛЯ УЗБЕКИСТАНА

Узбекистан и Египет связывает многовековая история. Особенно активными были взаимоотношения двух государств в период мусульманского Ренессанса и эпохи Темуридов. Важным этапом были экономические и культурные связи в советский период, когда сотни египетских студентов прошли обучение в ВУЗах Узбекистана.

26 декабря 1992 г. Египет первым среди арабских государств признал независимость Узбекистана. Уже 23 января 1993 г. между странами были установлены дипломатические отношения.

Новый импульс двусторонним связям придали официальные визиты президента Египта Абдулфаттаха ас-Сиси в Ташкент в 2018 г. и визит в Каир президента Узбекистана Ш. Мирзиёева в 2023 г..

В ходе визитов было подписано более 58 межправительственных договоров, на рынок Узбекистана вышли такие крупные египетские компании, как *Elsewedy Electric, El Araby Group, Orascom Construction, Polyserve Group, Al-Rowad, Lotus Garments Group*. Были достигнуты конкретные договоренности по реализации более 20 соглашений и контрактов на общую сумму 1,6 млрд долларов, количество совместных проектов и предприятий выросло в 6 раз. Имеются широкие возможности для промышленной кооперации в энергетической, электротехнической, химической, горнодобывающей, текстильной, сельскохозяйственной, фармацевтической и кожевенно-обувной отраслях.

Особым динамизмом отличается узбекско-египетское сотрудничество в культурно-гуманитарной сфере. Сотрудничество в этом направлении основывается на Соглашении между правительствами Республики Узбекистан и Арабской Республики Египет о культурном сотрудничестве (от 6 ноября 2003 г.), а также исполнительном Протоколе между правительствами Республики Узбекистан и Арабской Республики Египет о культурном сотрудничестве на период 2007–2010 гг. (от 18 апреля 2007 г.).

С 1993 г. Фонд технического сотрудничества со странами СНГ при Министерстве иностранных дел Египта на регулярной основе организывает различные курсы по повышению квалификации для узбекских специалистов.

В последние годы стало доброй традицией проведение в Ташкенте праздника «Дни культуры Египта». Узбекистан придает особое значение развитию отношений с Египтом, рассматривая его в качестве одного из ведущих государств арабского мира и ворот на Африканский континент.

Эгамбердиева Гузаль
Национальный университет Узбекистана
им. Мирзо Улугбека, Узбекистан, Ташкент

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО УЗБЕКИСТАНА И ЕГИПТА

Узбекистан и Египет, несмотря на немалое расстояние между ними, связывают историческая и культурная близость, традиционная дружба и тесное сотрудничество. Благодаря географическому положению страны являются транспортно-логистическими хабами в Центральной Азии и на Ближнем Востоке соответственно.

За последние пять лет общий товарооборот между Узбекистаном и Египтом вырос в 3,2 раза – с 10 млн долларов в 2017 г. до 30,5 млн по итогам 2022 г. При этом узбекский экспорт в Египет за тот же период увеличился в 16 раз: с 1,4 млн долларов до 23,2 млн долларов.

Плодотворным стал и прошедший в преддверии государственного визита главы нашего государства в Египет бизнес-форум, в результате которого подписано свыше 20 документов на сумму более 1,6 млрд долларов, что свидетельствует о наличии огромных возможностей и ресурсов в сфере узбекско-египетского торгово-экономического сотрудничества.

Между Узбекистаном и Египтом достигнуты договоренности о создании благоприятных условий для привлечения взаимных инвестиций. Для этого с учетом взаимодополняемости экономик двух стран определены пять конкретных направлений сотрудничества в газохимической, текстильной, электротехнической, ювелирной и фармацевтической отраслях. Согласно этим документам, предусматривается создание в египетском Порт-Саиде узбекских текстильных предприятий для последующего экспорта в африканские и ближневосточные страны.

ПЕРСПЕКТИВЫ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ТОРГОВЛЕ ЧАЕМ С АФРИКАНСКИМИ СТРАНАМИ

Начиная с древних времен чай был лекарственным напитком для долголетия, улучшения пищеварения и бодрости. В эпоху Средневековья торговцы везли чай по Великому шелковому пути через Центральную Азию до Северной Африки. Сегодня чай остается самым любимым и широко распространенным напитком среди народов Евразии и Африки. Потребность в его производстве и импорте в странах Центральной Азии, в частности, в Узбекистане все возрастает.

Постановление Кабинета Министров РУз «О мерах по организации производства чая и обеспечения населения качественным чаем и чайной продукцией отечественного производства» от 30 июня 2018 г. нацеливает на то, что в период 2018–2025 гг. общая площадь чайных плантаций в Узбекистане будет увеличена и доведена до 283 га, а производство чая в 2021–2025 гг. – до 189 т. Чай в Узбекистане сегодня выращивают в Навоийской, Джизакской, Ташкентской и Сурхандарьинской областях.

Для реализации чайного дела в 2018 г. был создан Научно-производственный центр по развитию производства чая при участии научных учреждений, фермерских хозяйств и предпринимателей. Основными направлениями его деятельности являются:

- организация заготовки семян и рассады чая и их поставка хозяйствам и предпринимателям;
- разработка технологии выращивания чая с учетом климата и других условий страны, организация промышленных чайных плантаций, постепенное увеличение объемов производства чая;
- внедрение современных линий промышленной переработки и упаковки чайной продукции;
- разработка маркетинговой системы для поддержания высокого качества продукции на экспорт в зарубежные страны;
- установление масштабных международных отношений с производителями чая по всему миру для обмена опытом, выращивания чая и привлечения проверенных современных технологий в производство чайной продукции.

В настоящее время для реализации этих проектов в Зааминском районе Джизакской области Научно-производственному центру развития чайного дела выделены земельные участки для сбора семян и посадки рассады чая. Завод по переработке и производству чая находится в Ташкенте.

Несмотря на вышесказанное, потребность Узбекистана в поставках качественных чаев остается высокой. Именно поэтому импортные операции по торговле африканскими чаями со странами Центральной Азии, а именно с Узбекистаном, проводятся начиная с 2001 г., и кенийский чай был первым африканским чаем, поставляемым в республику. Начиная с 2018 г. появились на узбекских рынках марокканские чай и только в 2019 г. – чай из ЮАР. В январе–сентябре 2022 г. Узбекистан импортировал 23,6 тыс. т чая из 24 стран и Кения экспортировала 1,2 тыс. т, занимая 2-е место. По данным статистики, в начале 2023 г. (январе–феврале) Узбекистан импортировал 6,7 тыс. т чая из 23 стран, из них Кения занимает 3-е место среди импортеров. Кенийские чай сегодня постпают на узбекские рынки под брендами *Amir*, *Flecha*, *Toza*, *Beta Tea*, *Champion Gold Keniya Sunset*.

Секция II-4. Сотрудничество латиноамериканских и африканских стран

Panel II-4. Cooperation between Latin American and African countries

Руководитель/Convenor: Claudio Ruff, Universidad Bernardo O'Higgins, Santiago, Chile

Claudio Ruff
Universidad Bernardo O'Higgins,
Santiago, Chile

SOUTH-SOUTH RELATIONS, SOUTH AMERICA – AFRICA. REALITY AND PERSPECTIVES

The dynamism of South-South relations has received increasing attention in academic research, especially regarding bilateral relations between South America and Africa. The objective of this research is to analyze the dynamics of economic relations between these two continents. The methodology used involves an exhaustive review of documents, the application of mathematical techniques and models to evaluate the variables that best capture the complexity of international relations, and the use of advanced multivariate analysis techniques.

Preliminary findings suggest that Africa is consolidating its infrastructural power in South-South relations. In addition, there is a strengthening of democratic institutions in several African countries, which contributes to the insertion of their populations into international consumption flows. Trade with Africa offers significant economic and strategic opportunities for businesses and countries. As the region continues to develop and grow, trade with Africa is likely to remain a priority for many nations and companies around the world.

The African continent is now seen as an emerging market, with a population of more than 1.3 billion people who can also deliver talent and human resources. As the middle class grows in Africa, there is a significant opportunity for companies wishing to expand their operations and sell products and services in the region. As the continent is rich in natural resources, it allows companies to diversify their markets, generate employment through trade, improve infrastructure, and promote the development of skills and technology in African countries, thus expanding international collaboration. Multivariate and correlational statistical techniques will be used to analyze the main import and export indicators of the South-South bloc.

This dynamic in South America – Africa relations presents a fascinating and complex picture that deserves close analysis and continued attention in academic research.

Сапунцов Андрей Леонидович
Институт Африки РАН

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО БРАЗИЛИИ СО СТРАНАМИ АФРИКИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

На протяжении последнего десятилетия наблюдается усиление сотрудничества бразильских многонациональных предприятий (МНП) со странами Африки и поступление в них прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Экономика Африки получает примерно четверть бразильских ПИИ в свое сельское хозяйство – такие явления служат положительным примером углубления бизнес-отношений между странами Глобального Юга. Политика Бразилии основана на поддержании тесной связи с бывшими колониями Португалии, с которыми ее объединяют языковые и отчасти культурные традиции. Некоторые страны Африки, такие как Ангола

и Мозамбик, по климату и природным условиям схожи с Бразилией, что открывает широкие возможности для ведения совместного аграрного бизнеса и внедрения передовых бразильских технологий. При этом не стоит забывать, что на инвестиционном рынке Африки обостряется конкуренция не только между МНП из бывших государств-метрополий, но и между «новыми» инвесторами из Китая, Индии и других развивающихся стран.

Институциональной основой для реализации инвестиционных проектов Бразилии за рубежом служит Агентство Бразилии по сотрудничеству (АВС), а также основанная в 1973 г. бразильская компания по сельскохозяйственным исследованиям *Embrapa*, которая реализует проекты в Гане и Мозамбике, предоставляет африканцам техническую помощь и передовые технологии. Совместно с Японией Бразилия реализует проект *ProSAVANA* в Мозамбике, где на 14,5 млн га выращиваются соя, пшеница, подсолнечник и хлопок. Несмотря на поступление ПИИ в указанный проект и проведение научных исследований по аграрным наукам в Мозамбике, высказывались негативные мнения о вышеуказанном проекте из-за захвата иностранными инвесторами земельных участков у африканцев. В настоящее время отмечается региональная диверсификация направлений сотрудничества Бразилии на Африканском континенте: например, ее проект со странами *Cotton-4 (C-4)* – Бенином, Буркина-Фасо, Мали и Чадом, где осуществляется совместное выращивание хлопка.

Современная Бразилия смогла практически полностью решить проблему голодания своего населения, трансформировавшись с 1970-х годов из нетто-импортера продовольствия в крупнейшего экспортера сои, кофе, сахара, мяса птицы и говядины. Территориальная близость между Южной Америкой и Африкой выступает преимуществом при перевозке сельскохозяйственной продукции в сравнении с более длинными маршрутами перевозок в Азию. Технологический и управленческий опыт бразильских аграрных МНП может продуктивно применяться в странах Африки и принести много полезного для ее агропромышленного комплекса.

Vinicius Zanchin Baldissera
Federal University of Rio Grande do Sul (UFRGS);
Brazilian Center for African Studies
(CEBRAFRICA/UFRGS), Porto Alegre, Brazil

BRAZIL-AFRICA RELATIONS IN A WORLD SYSTEM IN TRANSITION: THE POTENTIAL AND CHALLENGES FOR COOPERATION IN THE SOUTH ATLANTIC

The emergence of Africa in the 21st century has significant implications for international relations and the world system, since the continent's states have robust economic growth, abundant natural resources and geostrategic potential. Added to this is the moment of crisis and transition in the international order, where states on the periphery and semi-periphery find opportunities to conduct a more assertive foreign policy, with possibilities for bargaining with new and old poles of power.

In this context of broad global strategic transformations, Brazil and African countries have good reasons to maintain continuous and close relations with each other, given that both share a very important geographical space to their security and economy: the South Atlantic. Therefore, the improvement of these relations, whether bilateral or multilateral, would have much to contribute to strengthening this strategic region, promoting its sovereignty in the face of the interests of Western powers present in the South Atlantic. In fact, this association between Brazil and Africa along the lines of South-South Cooperation offers both parties opportunities for international insertion towards the development of the periphery and of a multipolar order.

However, after the euphoria of the first decade of the 21st century, Brazil-Africa relations cooled down, largely due to the fluctuations in Brazilian foreign policy towards Africa in subsequent years.

It appears that the lack of a coordinated and consistent Brazilian strategy for the African continent 1) impedes the development of Brazil-Africa relations; 2) weakens its international projection capacity; as well as, 3) reduces the potential for cooperation in the South Atlantic, directly affecting the economic and security interests of countries in the region. It is suggested that Brazil should better observe how international changes can interfere in the country's position and its relations with Africa, with impacts on its strategic environment.

Токарев Андрей Александрович
Институт Африки РАН;
Военный университет

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА И ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СООБЩЕСТВА ПОРТУГАЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН (СПЛП)

Одна из наиболее важных сфер сотрудничества португалоязычных стран как в рамках Сообщества (СПЛП), так и в двусторонних отношениях – военная. Участниками Сообщества были созданы и успешно действуют структуры, занимающиеся военно-политическим анализом и оценкой ситуации в мире и регионах, подготовкой военных кадров, поставками вооружения и военной техники, планированием и проведением совместных учений. Подробнее эти направления будут рассмотрены в выступлении.

Секция II-5. Стратегии европейских стран в Африке

Panel II-5. European strategies in Africa

Руководитель/Convenor: Азербайев Салават Губайдуллович, Казахский
Университет международных отношений и мировых языков имени Абылай-хана

Карнаухова Оксана Сергеевна
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

МЕЖДУ ДОНОРОМ И ПАТРОНОМ: СТРАНЫ АФРИКИ В ОРБИТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ

За последнее десятилетие мировое сообщество предприняло значительные шаги по реформированию системы международного сотрудничества с целью повышения уровня ее согласованности и эффективности. Парижская декларация 2005 года, принятая в 2008 году Аккрская программа действий и Пусанское партнерство для эффективного сотрудничества в целях развития 2011 года подразумевают ребалансировку отношений между странами-реципиентами и донорами. Тем не менее недавние оценки этого процесса показали, что достигнутые успехи оказались меньше, чем первоначально предполагалось донорами. При объяснении причин неэффективности предложенной политики выделилось два подхода. Апологеты «донор-реципиентных отношений» используют идею о том, что помощь может предоставляться по геополитическим причинам, не связанным с экономическими показателями страны (голосование в ООН, является ли страна-получатель членом или подписантом стратегического альянса, была ли она колонией донора, и есть ли у донора и получателя общий язык); в том время как «патронаж» предполагает потоки помощи, мотивированные геостратегическими соображениями доноров, которые могут предоставляться странам-получателям не для целей развития, а для создания и поддержания политических альянсов (переменные колониального наследия могут оказывать прямое каузальное воздействие на рост, например, определяя начальный уровень технологического прогресса).

Эволюция европейской политики развития в Африке обусловлена противоречием между смыслом существования данной политики как конкретного выражения региональной солидарности и ее растущей инструментализацией на службе европейских экономических интересов и интересов безопасности. Борьба между принципами солидарности и инструментализма превратила политику развития ЕС в невероятно сложную арену конкурирующих норм, практик и институтов, что нивелирует предпринимаемые усилия и усиливает негативные тенденции в системе макрорегиональных отношений.

Oxana S. Karnaukhova
Southern Federal University, Rostov-on-Don

BETWEEN DONOR AND PATRON: AFRICAN COUNTRIES IN THE ORBIT OF EUROPEAN DEVELOPMENT POLICY

Over the past decade, the global community has taken significant steps to reform the international cooperation system to make it more coherent and effective. The 2005 Paris Declaration, the 2008 Accra Agenda for Action and the 2011 Busan Partnership for Effective Development Cooperation imply a rebalancing of relations between recipient and donor countries. However, recent evaluations of this process have shown that the progress achieved has been less than originally envisaged by donors. Two approaches have emerged to explain the reasons for the ineffectiveness of the

proposed policy. Apologists for “donor-recipient relations” use the idea that aid can be provided for geopolitical reasons unrelated to a country’s economic performance (UN voting, whether the recipient country is a member or signatory to a strategic alliance, whether it was a colony of the donor, and whether the donor and recipient have a common language); while “patronage” involves aid flows motivated by donor geostrategic considerations, which may be provided to recipient countries not for development purposes but to build and maintain political alliances (colonial legacy variables can have a direct causal impact on growth, for example by determining the initial level of technological progress).

The evolution of European development policy in Africa is driven by the tension between the *raison d’être* of the policy as a tangible expression of regional solidarity and its increasing instrumentalisation in the service of European economic and security interests. The struggle between the principles of solidarity and instrumentalisation has turned EU development policy into an incredibly complex arena of competing norms, practices and institutions, which is levelling the efforts made and reinforcing negative trends in the system of macro-regional relations.

Годованюк Кира Анатольевна
Институт Европы РАН

СТРАТЕГИЯ БРИТАНИИ В АФРИКЕ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Интерес Британии к Африке обусловлен рядом факторов, в том числе экономическими перспективами и богатой ресурсной базой, что приобретает особое значение в эпоху коренной трансформации современной системы международных отношений, и глобальной экономической, инфраструктурной и технологической конкуренцией. В 2018 г. британское правительство поставило цель стать крупнейшим (из стран Группы семи) инвестором в Африку. В 2024 г. в Лондоне пройдет второй инвестиционный форум Британия – Африка. В ходе первого форума в 2020 г. Соединенное Королевство (при правительстве Б. Джонсона) поставило цель стать «партнером выбора» (*partner of choice*) на фоне усиливающейся конкуренции вне-региональных игроков (США, ЕС, Китая, России).

При отсутствии комплексной стратегии в отношении Африки сменяющиеся консервативные правительства подтверждают заинтересованность в выстраивании особых партнерств с африканскими странами. Так, в ходе 4-дневного турне Дж. Клеверли летом 2023 г. было объявлено о новом партнерстве Великобритании и Замбии в области чистой энергетики, программе по борьбе с незаконной добычей золота, а также поддержки малого бизнеса в Гане.

Африканские страны ожидают от Великобритании ряд уступок, в первую очередь в части либерализации рынка для африканских товаров и миграционных правил въезда в Соединенное Королевство. На практике Британия ищет возможности сократить нетто-миграцию за счет снижения притока нелегальных мигрантов, в том числе стремится преодолеть внутреннюю оппозицию для сотрудничества с Руандой в части оффшорной обработки ходатайств о статусе беженцев и переселения нелегальных мигрантов.

Особое значение в диалоге со странами Черного континента приобретает риторика продвижения зеленой повестки и помощи в борьбе с эпидемиями. Дискуссионным, однако, остается вопрос о том, в какой степени гуманитарные программы Великобритании и содействие международному развитию смогут внести вклад в достижение стратегических целей Лондона в Африке, учитывая сокращение расходов на международную помощь до 0,5% ВВП.

На смену дискурсу о «Глобальной Британии», в котором многие усматривают неокOLONIALНЫЕ коннотации, правительство Р. Сунака заявило о стремлении продвигать «терпеливую дипломатию», выстраивать долгосрочные партнерства, ориентированные в том числе на помощь в Африке. Великобритания не может конкурировать с Китаем по масштабу торговых и

инвестиционных возможностей. Лондон видит стратегическую важность предоставления альтернатив инициативе «Пояс и путь» в Африке. Особый акцент британская дипломатия делает на том, что такие партнерства будут препятствовать российскому влиянию в странах Глобального Юга.

Кулькова Ольга Сергеевна
Институт Африки РАН

ЕВРОСОЮЗ: ПОПЫТКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЯ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

Конкуренция Евросоюза с Россией в Африке в последние несколько лет нарастает и, вероятно, будет только усиливаться. Развитие партнерства РФ со странами Африки за последнее десятилетие, растущее влияние России на континенте расценивается Евросоюзом как стратегическая угроза. Безусловно, наша страна и многие ее африканские партнеры видят в подобной политической линии Евросоюза неокOLONиалистический уклон.

Президент России В. Путин неоднократно обвинял Запад в том, что тот несет ответственность за сбои в глобальных цепочках поставок из-за антироссийских санкций. В свою очередь, эти сбои больше всего ударили по африканским государствам, которые особенно сильно зависят от импорта пшеницы и зерна.

Лидеры ЕС не согласны с аргументами Москвы и считают их пропагандистскими. В соответствующем ключе они общаются и с африканскими партнерами. Вместе с тем африканцы делают собственные выводы и видят европейский «вклад» в подпитку проблемы продовольственной безопасности.

По мнению европейских экспертов, Россия давно использует «дипломатию памяти» в Африке, но именно после начала российско-украинского конфликта эта тактика действительно начала приносить плоды. Они считают ключевой причиной того, что некоторые пророссийские нарративы о событиях на Украине и их последствиях нашли отклик, особенно в странах Африки и Юго-Восточной Азии, успешное использование ими ранее циркулировавших в этих обществах антиамериканских и антизападных настроений.

Официальные лица ЕС призвали к более активному противодействию «дезинформации и пропаганде». «Глобальная битва нарративов идет полным ходом, и пока мы не побеждаем», – вскоре после этого признал главный дипломат ЕС Жозеп Боррель.

В феврале 2023 г. с этой целью при Европейской службе внешних действий (*European External Action Service, EEAS*) был создан Центр обмена и анализа информации (*Information Sharing and Analysis Center*), иначе именуемый платформой для борьбы с «российской и китайской дезинформацией».

Боррель также объявил, что планирует усилить делегации ЕС за рубежом так называемыми экспертами по противодействию дезинформации, «чтобы наш голос был лучше слышен», в «долгосрочной битве», которую «не выиграть за одну ночь». «Это одна из битв нашего времени, и эту битву нужно выиграть», – заявил он, озвучив общую позицию ЕС.

Olga S. Kulkova
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

EUROPEAN UNION: ATTEMPTS TO COUNTERACT RUSSIAN POLICY TOWARDS AFRICA AS MANIFESTATIONS OF NEO-COLONIALISM

Competition between the European Union and Russia on the African continent has been growing over the past few years and is likely to only intensify. The development of Russia's partnership with

African countries over the past decade and Russia's growing influence on the continent are regarded by the European Union as a strategic threat. Of course, our country and many of its African partners see a neocolonialist bias in such a political line of the European Union.

Russian President Vladimir Putin has repeatedly accused the West of being responsible for disruptions in global supply chains due to anti-Russian sanctions. In turn, these disruptions have hit African states that are particularly reliant on wheat and grain imports the hardest.

EU leaders do not agree with Moscow's arguments and consider them propaganda. They communicate with African partners correspondingly. At the same time, Africans draw their own conclusions and see the European "contribution" to fuel the food security problem.

According to European experts, Russia has long been using "memory diplomacy" in Africa, but it was after the outbreak of the Russian-Ukrainian conflict that this tactic really began to bear fruit.

They believe that a key reason why some pro-Russian narratives about events in Ukraine and their consequences have resonated, especially in countries in Africa and Southeast Asia, is their successful exploitation of previously circulating anti-American and anti-Western sentiments in these societies. EU officials called for greater action against "disinformation and propaganda". "The global battle of narratives is in full swing and we are not winning yet," EU chief diplomat Josep Borrell admitted.

In February 2023, for this purpose, the European External Action Service (EEAS) launched the Information Sharing and Analysis Center, otherwise known as a platform to combat "Russian and Chinese disinformation".

Borrell also announced plans to strengthen EU delegations abroad with so-called counter-disinformation experts "to make our voices heard better" in a "long-term battle" that "will not be won overnight." "This is one of the battles of our time, and this battle must be won," he said, epitomizing the EU's overall position.

Азербайев Салават Губайдуллович

Казахский университет международных отношений и
мировых языков имени Абылай-Хана

УЧАСТИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ КОМПАНИЙ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ АФРИКАНСКИМ СТРАНАМ В ДЕЛЕ РАЗВИТИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ (ВИЭ)

Активное развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в Африке было стимулировано проведением Выставки ЭКСПО-2017 в Астане, посвященной теме «Развитие энергии будущего: новые виды энергетики». В ходе этого процесса финансовую поддержку оказывают европейские страны, вкладывая средства в солнечные и ветряные электростанции на Африканском континенте, включая Германию, Великобританию, Францию, Италию, Данию, Бельгию и Швецию.

Европейские банки также участвуют в развитии ВИЭ в Африке. Например, Всемирный банк выделил средства для обеспечения энергией более 1,1 млн человек в Гамбии, Мали и Гвинее-Бисау⁸.

Королевству Марокко было предоставлено финансирование в размере 135 млн евро на проект *Noor Atlas* с мощностью электростанции 2000 МВт. Кения получила \$75 млн на строительство двух электростанций мощностью 40 МВт в регионе Эльдорет, а Замбия получила \$11,75 млн на строительство электростанции *Ngonye* мощностью 34 МВт⁹.

---

⁸ *Jean Marie Takoulevu*. GAMBIA: World Bank and Europe allocate €164 million to renewable energy. <https://afrik21.africa/en/gambia-world-bank-and-europe-allocate-e164-million-to-renewable-energy/>

⁹ *Boris Ngounou*. AFRICA: EIB financed 1600 MW of clean energy in 2018. <https://www.afrik21.africa/en/africa-eib-financed-1600-mw-of-clean-energy-in-2018/>

В октябре 2019 г. Европейский союз выделил Нигерии финансирование в размере 150 млн евро для решения проблем, связанных с изменением климата¹⁰.

Немецкая компания *Cronimet Mining Power Solution* построила солнечную электростанцию в северной Намибии¹¹.

Французская компания *Engie* планирует строительство солнечных электростанций в Сенегале в регионах Кахоне и Каеле¹².

Энергетические объекты, введенные в эксплуатацию, существенно снизили выбросы диоксида углерода в атмосферу, что положительно сказывается на экологии планеты. Таким образом, развитие ВИЭ дает надежду на значительное улучшение климата Земли.

---

¹⁰ *Boris Ngounou*. NIGERIA: EU provides new support of \$150 million for renewable energy. <https://afrik21.africa/en/nigeria-eu-provides-new-support-of-150-million-for-renewable-energy/>

¹¹ *Jean Marie Takouleu*. NAMIBIA: Cronimet to build a photovoltaic plant for Chobe Water Villas. <https://afrik21.africa/en/namibia-cronimet-to-build-a-photovoltaic-plant-for-chobe-water-villas/>

¹² *Jean Marie Takouleu*. SENEGAL: Engie will supply 60 MW to Senelec from two solar power plants. <https://afrik21.africa/en/senegal-engie-will-supply-60-mw-to-senelec-from-two-solar-power-plants/>

III. ЭКОНОМИКА И ТЕХНОЛОГИИ ECONOMICS AND TECHNOLOGY

Секция III-1. Экономическое многообразие Африки

Panel III-1. Africa's Economic Diversity

Руководитель/Convener: Морозенская Евгения Викторовна, к.э.н., Институт Африки РАН

Мельянцев Виталий Альбертович
ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова

АФРИКА ЮЖНЕЕ САХАРЫ В 1980–2020-е гг.: ВАЖНЕЙШИЕ ТРЕНДЫ И ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Африка южнее Сахары (АЮС), больше других регионов Востока и Юга пострадавшая от колониализма и многовековой практики работорговли, негативные последствия которых сказываются до сих пор, в последние четыре-пять десятилетий развивалась сравнительно медленно. АЮС, отставая от развивающихся стран Азии (РСАЗ) по *качеству основных институтов* и *доле занятых в индустриальном секторе* в среднем в полтора–два раза, среднегодовому темпу прироста (СГТП) *индекса человеческого развития* в 2,5 раза, по *доле готовых изделий в товарном экспорте* втрое, *доле расходов на НИОКР в ВВП* вчетверо, по СГТП *капиталооборуженности труда* в пять раз, в 1980–2022 гг. примерно на порядок (в 7–9 раз) уступала в целом РСАЗ по СГТП *совокупной факторной производительности* (0,2–0,3% vs 2%).

Если *общая* доля бедных в РСАЗ в 1981–2021 гг. сократилась примерно с 9/10 численности их населения до 1/2, то в целом по Африке показатель остался на уровне 9/10. При этом, если в среднем по РСАЗ на 1% населения приходится 35% *национального богатства*, то в Африке – 44%. В 2023 г. *доля т.н. «хрупких» государств ('fragile states')* в Африке (прибл. 2/3) оказалась вдвое больше, чем в РСАЗ (прибл. 1/3). Если в целом по РСАЗ в 2011–2022 гг. *профицит платежного баланса по текущим операциям (ПБТО)* к ВВП составлял 2,3%, то по АЮС, наоборот, *дефицит ПБТО* достигал 2,5%. Однако *официальная помощь развитию* странам АЮС сократилась в последние два–три десятилетия примерно с 4–5% до 3% их ВВП, что явно недостаточно для существенного улучшения в них экономической и социальной ситуации.

Не решив проблемы Африки, доля которой в *приросте численности населения планеты* вырастет, по прогнозам, с 1/4 в 1980–2022 гг. не менее чем до 3/5 в 2023–2050 гг., человечество не только не сможет уменьшить масштаб нарастающих глобальных проблем, но и определенно рискует попасть в водоворот взаимно усиливающихся экономических, экологических, социальных и политических шоков и кризисов.

Vitalii A. Meliantsev

Institute of Asian and African Studies; Lomonosov Moscow State University

SUB-SAHARAN AFRICA IN THE 1980s – 2020s: THE MOST IMPORTANT TRENDS AND FACTORS OF ECONOMIC AND SOCIAL DEVELOPMENT

Sub-Saharan Africa (SSA), which suffered more than other regions of the East and South from colonialism and the centuries-old practice of the slave trade, the negative consequences of which are still felt, has developed relatively slowly over the past four to five decades.

SSA, lagging behind the developing countries of Asia (ASDCS) in terms of the *quality of basic institutions* and the *share of employment in the industrial sector* by an average of 1.5–2 times, the average annual growth rate (AAGR) of the *human development index* by 2.5 times, the *share of finished goods in merchandise exports* by 3 times, the share of *R&D expenditure in GDP* by 4 times, the AAGR of *capital-labor ratio* by 5 times, in 1980–2022 was on average progressing in terms of the AAGR of *total factor productivity* 7 to 9 times slower than ASDCS (0.2–0.3% vs 2%).

While the *total share of the poor* in the ASDCS in 1981–2021 decreased from approx. 9/10 of their population to 1/2, in Africa as a whole the figure remained at 9/10. If on average in the ASDCS 1% of the population accounts for 35% of the *national wealth*, then in Africa it is 44%. In 2023 the *share of the so-called “fragile states”* in Africa (approx. 2/3) was twice as many as in the ASDCS (approx. 1/3). While in ASDCS in 2011–2022 the *current account balance sheet (CABS) surplus* to GDP was 2.3%, in SSA, on the contrary, the *CABS deficit* reached 2.5%. However, *official development assistance to SSA countries* has decreased in the last two or three decades from 4–5% to 3% of their GDP, which is clearly not enough to significantly improve their economic and social situation.

Without solving the problem of Africa, whose *share in the world’s population growth* is projected to increase from 1/4 in 1980–2022 to at least 3/5 in 2023–2050, humanity will not only be unable to reduce the scale of growing global problems, but also definitely risks falling into a whirlpool of mutually intensifying economic, environmental, social and political shocks and crises.

Дегтерев Денис Андреевич
Институт Африки РАН;
МГИМО МИД России; НИУ ВШЭ

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ АФРИКИ 2.0? НЕЗАПАДНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЛОВУШКИ ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

После реализации программ структурной перестройки экономики в 1980–1990-е годы страны Африки фактически прошли процесс «реколонизации», но уже не со стороны бывших метрополий, а в рамках коллективного и деперсонифицированного неокOLONИализма, проводниками которого стали безликие администраторы Институтов Бреттон-Вудса. Отмена мер по защите местной промышленности обратила вспять масштабные усилия, в т.ч. в рамках советских программ структурной помощи, по индустриализации формально освободившихся стран. Под лозунгами о безальтернативности либеральных реформ (“*There is no alternative*”, *TINA*) в 1990-е годы большинство стран континента вернулось к традиционному периферийному статусу со специализацией на добыче сырья и сельском хозяйстве, неформальной экономике в духе постдевелопментализма.

Перекосы либеральных реформ впоследствии были частично устранены в рамках Пост-Вашингтонского консенсуса, однако конвенциональные рамки «развития» практически не изменились. В XXI веке странам континента рекомендуется «индустриализация без дымовых труб»¹³, предполагающая постепенное развитие легкой промышленности и узкопрофильную интеграцию в западнцентричные производственно-сбытовые цепочки. Перманентный дефицит электрогенерации в русле императивов развития зеленой энергетики явно не способствует повышению доли природных ресурсов, перерабатываемых на месте.

В этой ситуации подходы, предлагаемые западными державами во главе с РФ и КНР, принципиально отличаются и направлены на укрепление комплексного, в т.ч. экономического (энергетического, финансового, технологического, продовольственного), суверенитета аф-

---

¹³ Industries without Smokestacks. Industrialization in Africa Reconsidered. Ed. by Richard S. Newfarmer, John Page, and Finn Tarp. Oxford: Oxford University Press, 2018.

риканских стран. Каковы будут контуры социально-экономических моделей африканских стран, выбравших в качестве приоритетных партнеров западные центры силы? Как это отразится на их месте в мир-системе? С какими возможностями и рисками они столкнутся? Эти вопросы находятся в центре внимания настоящего доклада.

Кузнецов Алексей Владимирович

Институт научной информации по общественным наукам РАН

АФРИКАНСКИЕ ТНК – НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ПРОЦЕССОВ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ БИЗНЕСА

По данным ЮНКТАД, к концу 2022 г. накопленные прямые иностранные инвестиции (ПИИ), экспортированные из стран Африки, достигли 283 млрд долл., причем за один 2022 г. вывезено почти 6 млрд долл. Реальностью международного бизнеса стали не только южноафриканские ТНК, но и прямые инвесторы из Нигерии, Марокко, Египта, Алжира, Анголы, Того, Кот-д’Ивуара и др.

В докладе будет представлена статистическая картина географического распределения ПИИ из разных стран Африки. Отдельно будет рассмотрена роль Маврикия, Сейшельских островов и Либерии как «перевалочных» баз для ПИИ третьих стран. Поскольку южноафриканские ТНК по-прежнему доминируют в этих потоках, для них будет дана наиболее детальная характеристика, включающая оценку трансформаций, произошедших в 2010-е – начале 2020-х годов. Особое внимание будет уделено также североафриканским и нигерийским ТНК, их типологическим особенностям, роли (в частности, олигархических групп) в развитии национальных экономик.

Кратко будет затронут вопрос расширения присутствия южноафриканских и североафриканских прямых инвесторов в России, особенно в условиях «войны санкций» с коллективным Западом и ставки на усиление международного веса расширенного БРИКС.

Цаценко Наталья Андреевна

НИУ ВШЭ

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЙ ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ЭКОНОМИКИ ГАНЫ

Поиск ответа на вопрос «Что такое экономическое чудо?» в странах Африки к югу от Сахары (АЮС) в начале XXI века неразрывно связан с пониманием природы структурной трансформации и процессов перераспределения работников между секторами. Растущий объем научной литературы по вопросам структурных изменений в странах АЮС можно классифицировать по следующим направлениям: феномен преждевременной деиндустриализации; вопросы низкой производительности труда в рыночных и нерыночных секторах сферы услуг; возрождающаяся роль обрабатывающего сектора и фокус на взаимосвязь между сельским хозяйством и новой волной индустриализации. Все вышеуказанные процессы тесно связаны между собой.

Отметим, что длительное время многие страны АЮС характеризовались аграрным производством, до 70–80% занятости приходилось на сельское хозяйство. С 2000-х годов стремительно развиваются секторы сферы услуг, которые занимают второе место, в некоторых странах АЮС – первое в создании рабочих мест. Такое значительное увеличение рабочей си-

лы в секторах сферы услуг называется явлением преждевременной деиндустриализации¹⁴. Важно указать, что ключевая характеристика преждевременной деиндустриализации в контексте африканских стран – это отсутствие индустриализации или неактивной фазы индустриализации в процессе перехода с аграрного уклада на более современный этап развития.

Цель данной работы – рассмотреть явление преждевременной деиндустриализации и выявить, какие проблемы и возможности для устойчивого экономического развития несет в себе переход экономики с доиндустриального уклада хозяйственных связей на новый этап, на котором ведущую роль в создании рабочих мест играют секторы сферы услуг. Для более детального рассмотрения явления берется экономика Ганы.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

1. Описать ключевые тренды, которые могут быть включены в процесс преждевременной деиндустриализации в странах АЮС.
2. Выявить особенности преждевременной деиндустриализации на примере экономики Ганы.
3. Провести сопоставление результатов исследования странового кейса с регионом в целом.

Natalia A. Tsatsenko

Higher School of Economics University (HSE University)

RESEARCH OF PREMATURE DEINDUSTRIALIZATION PROCESS IN THE CASE OF THE GHANAIAN ECONOMY

The search for an answer to the question “What is the economic miracle?” in Sub-Saharan Africa (SSA) at the beginning of the 21st century is inextricably linked to understanding the nature of structural transformation and the processes of labor reallocation across sectors. As the growing body of academic literature on structural change issues in the context of SSA could be classified in the following directions: the phenomenon of premature deindustrialization; issues of low productivity in market and non-market service sectors; the reemerging role of the manufacturing sector; and a focus on the relationship between agriculture and the new wave of industrialization. All of the above-described processes are closely linked.

It should be noted that for a long time many SSA countries were characterized by the agricultural production. For example, up to 70–80% of employment share was accounted for agriculture. Since the 2000s, the service sectors have been growing rapidly. At present time, it takes the second place in creating jobs or the first place in some SSA countries. This significant increase in the labor force in the service sectors is referred to as the phenomenon of premature deindustrialization¹⁵. It is important to point out that the key characteristic of premature deindustrialization in the context of African countries is the absence of industrialization or the non-active phase of industrialization during the transition from agrarian to more modern stage of development.

The purpose of this paper is to examine the phenomenon of premature deindustrialization and to identify the challenges and opportunities for sustainable economic development. One can assume that the transition from pre-industrial agrarian sector to service sectors should be considered as a new stage of development for the region. The focus of analysis is the Ghanaian economy. In order to achieve the set goal, the following objectives are set:

1. To describe the key trends that can be included in the process of premature deindustrialization in SSA countries.
2. To identify the features of premature deindustrialization on the example of the Ghanaian economy.
3. To compare the results of the country case study with the region as a whole.

---

¹⁴ Rodrik D. (2016). An African growth miracle? *Journal of African Economies*, 27(1), pp. 1–18. doi.org/10.1093/jae/ejw027

¹⁵ Ibidem.

АФРИКАНСКИЙ БАНК РАЗВИТИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В СТРАНАХ АФРИКИ

Африканский банк развития (АфБР) уже более полувека планирует, оценивает и реализует проекты в экономике африканских стран. За все время работы банка (на 2022 г.) было реализовано 5280 проектов по следующим направлениям: сельское хозяйство, коммуникации, окружающая среда, финансы, промышленность, добыча полезных ископаемых, производство электроэнергии, коммуникации, транспорт, городское развитие, водоснабжение и канализация и др. Общая сумма инвестиций АфБР составила примерно \$88,5 млрд (за все время работы банка). Именно проекты в африканских странах и обеспечивают экономический рост. АфБР при планировании и реализации проектов делает акцент на основных направлениях, связанных с производством продуктов питания, выработкой электроэнергии, созданием рабочих мест и др. Для каждой страны банк готовит стратегию сотрудничества (СС), определяющую на пять лет сегменты экономики, в которых будут реализовываться проекты. Инклюзивность экономического роста (ИЭР) связана с тем, что благоприятными последствиями роста могут воспользоваться все слои населения (включая бедняков). Количественно ИЭР может быть измерена с помощью ряда экономических и социальных индикаторов. Для обобщенной оценки текущего уровня ИЭР в странах Африки, автор предлагает использовать кластерный анализ. Тогда появляется возможность прогнозировать (с помощью имеющихся статистических данных) влияние проектов подготовленной СС на индикаторы, положение страны в пространстве индикаторов ИЭР. Прогноз позволит отбирать и включать в СС (с учетом последовательности реализации) те проекты, которые, предположительно, обеспечат наилучшее положение страны в пространстве индикаторов ИЭР.

Морозенская Евгения Викторовна
Институт Африки РАН

ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СТРАН АФРИКИ

Главным показателем национальной безопасности страны считается уровень экономической активности, характеризующийся изменениями в объемах производства, масштабах капиталовложений и производительной занятости населения. На динамику этого показателя оказывают влияние внутренние и внешние факторы экономической безопасности.

Характерное для большинства африканских стран неудовлетворительное состояние внутренних факторов (уровень и качество жизни основной части населения) создает угрозу возникновения социальных и межнациональных конфликтов, чреватых сокращением национального человеческого капитала или его деградацией. Кроме того, из-за слишком низкого уровня затрат на поддержание и воспроизводство природно-экологического потенциала в Африке сохраняется опасность необратимого разрушения элементов природной среды, следовательно, утраты жизненно важных ресурсных источников экономического роста.

К внешним угрозам экономической безопасности африканских государств по-прежнему относятся издержки ускоренной глобализации, проявляющиеся в неблагоприятных изменениях мировых финансовых потоков и товарных рынков, в неравноправной политике, проводимой международными экономическими организациями и отдельными государствами. Сохраняющееся, а в ряде случаев возрастающее влияние всех этих факторов тесно связано с не-

устойчивостью и неоднородностью африканских экономик. В условиях технологического перехода это предопределяется их отставанием в создании конкурентоспособного научно-технического, инновационного, инвестиционного и образовательного потенциала, в т.ч. из-за недостаточного финансирования научных исследований, развития сферы общего и профессионального образования, использования предпочтений для местных предприятий, внедряющих технологические достижения в производство, и т.д.

Решению проблем экономической безопасности может способствовать расширение сотрудничества африканских государств с обладающими конкурентным потенциалом, производственными мощностями, высокими компетенциями и опытом российскими государственными и частными компаниями, а также с ведущими российскими вузами, прежде всего инженерного и сельскохозяйственного профиля.

Evgenia V. Morozenskaya

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

DYNAMICS OF THE MAIN INDICATORS OF ECONOMIC SECURITY AS A REFLECTION OF THE SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL CAPABILITIES OF AFRICAN COUNTRIES

The main indicator of a country's national security is the level of economic activity, characterized by changes in the volume of production, the scale of capital investment and productive employment of the population. The dynamics of this indicator is influenced by internal and external factors of economic security.

The unsatisfactory state of internal factors (the standard and quality of life of the majority of the population), which is characteristic of most African countries, creates a threat of social and interethnic conflicts fraught with a reduction in national human capital or its degradation. In addition, due to the very low level of expenditure on the maintenance and reproduction of natural and ecological potential in Africa, there is still a risk of irreversible destruction of elements of the natural environment, hence the loss of vital resource sources of economic growth.

External threats to the economic security of African states continue to include the costs of accelerated globalization, manifested in adverse changes in world financial flows and commodity markets, and in unequal policies pursued by international economic organizations and individual states. The persistent, and in some cases increasing, influence of all these factors is closely linked to the fragility and heterogeneity of African economies. In the context of technological transition, this is predetermined by their lag in creating a competitive scientific, technical, innovative investment and educational potential, including due to insufficient funding for scientific research, the development of general and vocational education, and the use of preferences for local enterprises, introducing technological advances into production, etc.

The solution of economic security problems can be facilitated by expanding cooperation between African states and Russian state and private companies with competitive potential, production capacities, high competencies and experience, as well as with leading Russian universities, primarily in engineering and agriculture.

Калиниченко Людмила Николаевна
Институт Африки РАН

ВОЗРАСТАЮЩАЯ РОЛЬ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ УСЛУГ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН АФРИКИ

Обеспечение надежной, доступной и современной энергии в странах Африки имеет основополагающее значение для достижения Целей устойчивого развития ООН. По мере расширения

промышленного производства, сельского хозяйства, транспортных перевозок, стремительного роста населения и процессов урбанизации спрос на энергетические услуги увеличивается быстрыми темпами. Учитывая тот факт, что в настоящее время 43% населения Африки не имеют доступа к источникам энергии, согласно расчетам Международного энергетического агентства для того, чтобы гарантировать к 2030 г. удовлетворение потребности всех жителей континента в электроэнергии, необходимо ежегодно обеспечивать подключение к ее источникам 90 млн человек. Для достижения данной цели требуются ежегодные инвестиции в размере примерно \$25 млрд, что составляет около 1% мировых капиталовложений в энергетику. Спрос отраслей экономики на различные виды энергии возрастет, по оценкам, на 40% к 2030 г.

В последнее десятилетие в энергобалансе стран Африки все большую роль играет природный газ и возобновляемые источники энергии. Потенциал освоения новых разведанных ресурсов природного газа и обширных гидроэнергоресурсов открывает возможности строительства дополнительных энергоустановок. Внедрение эффективных технологий эксплуатации энергообъектов постепенно позволяет оптимизировать потребление энергии.

Важное значение для населения континента имеет оснащение бытового сектора современными электроприборами, показатели использования которых в странах Африки в настоящее время гораздо ниже, чем в других развивающихся странах. Большой проблемой по-прежнему остается применение примитивной биомассы в качестве топлива для приготовления пищи.

Расширение национальных энергосетей и объединение их в рамках энергетических пулов в сочетании с созданием автономных сетей, мини-гидроэлектростанций и фотоэлектрических систем в удаленных сельскохозяйственных районах выступают в качестве основных направлений реализации целей энергоснабжения. Африканские энергетические компании на основе создания совместных предприятий стремятся к внедрению передовых технологий и собственных разработок, в частности, страны континента имеют значительный потенциал для производства в будущем экологически чистого водородного топлива с использованием своих богатых возобновляемых ресурсов.

Liudmila N. Kalinichenko

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

THE GROWING ROLE OF ENERGY SERVICES IN ENSURING AFRICAN COUNTRIES' ECONOMIC SECURITY

Providing reliable, affordable and modern energy for African countries is fundamental factor for achieving the UN Sustainable Development Goals. With the expansion of industrial and agricultural production, transport development, rapid population and urbanization growth, the demand for energy services is increasing at a rapid pace.

Considering that 43% of Africa's population currently lacks access to energy, the International Energy Agency estimates that 90 mln people need to be connected to its sources every year to meet the electricity needs of all the continent's inhabitants by 2030. Achieving this goal will require an annual investment of approximately \$25 bln, which represents about 1% of global energy investment.

Over the past decade, natural gas and renewable energy sources have played an increasingly important role in African countries' energy balance. The potential for developing new proven natural gas deposits and vast hydropower resources opens up the opportunities of building additional energy capacity. The introduction of efficient technologies for operating energy facilities gradually makes it possible to optimize energy consumption.

It is important for the continent's population to equip the household sector with modern electrical appliances, the use rates of which in Africa are much lower than in other developing countries. A big problem still remains the primitive biomass usage as fuel for cooking.

Expansion of national energy grids and their integration within energy pools, combined with the creation of stand-alone networks, mini-hydroelectric power plants and photovoltaic systems in remote

agricultural areas, act as the main directions for realizing energy supply goals. African energy companies, through the creation of joint ventures, are striving to introduce global advanced technologies and their own developments, in particular, the countries of the continent have significant potential for the future production of environmentally friendly hydrogen fuel using their rich renewable resources.

Tyoyima John Ayua
University of The Gambia;
Moses Eterigho Emetere
Bowen University Iwo, Nigeria

HYBRID GREEN ENERGY UTILIZATION IN THE GAMBIA AGRICULTURE SECTOR

Green energy is vital at all levels of agriculture, including production of inputs, processing and transporting of the products, and even marketing to final consumption. Most time, fossil fuel generators are used to power agriculture equipment which leads to massive emissions of greenhouse gases into the atmosphere. The Sustainable Development Goals (SDG-NO.7) borders on clean energy that many nations have embraced. In this study, the agriculture sector chains that are considered are the production and processing stages. About 90% of the problems in the production and processing of agricultural products in developing countries are linked to energy inadequacies which can be tackled with the hybrid energy system that comprises solar energy, wind energy, and diesel generators as presented in this study. Application of hybrid energy in The Gambia may be difficult because of fundamental issues such as high photovoltaic (PV) module damage due to high infrared radiation and low wind speed in most regions of the country. The focus of the study is on how to optimize PV module and wind generation systems to improve power delivery and boost agriculture production. The study is also a roadmap for decarbonizing the food supply chain and the framework that now governs food policy. If the various tools and systems used in agricultural farming are arranged with appropriate agrarian loads, then renewable energy technologies (RETs) and renewable energy sources can reduce the CO₂ emissions of the agriculture sector. The study is salient and timely as it is cost-effective in the long run and prevents damage to agriculture products production and processing due to erratic power supply. Furthermore, the actualization of this project will increase the profit margin of farmers as less expenditure is devoted to energy and repairs of the equipment in rural and urban settlements.

Скубко Юрий Сергеевич
Институт Африки РАН

ЮАР: ЭСКОМ КАК ДИАГНОЗ ПРОСЧЕТОВ РАЗВИТИЯ

Обрушение в ноябре 2022 г. дымохода (воздуховода) высотой 220 м и последующее закрытие нескольких энергоблоков на «новейшей», но строящейся с 2008 г. и до сих пор недостроенной гигантской электростанции Кусиле в ЮАР стало еще одним серьезным ударом для энергетического холдинга ЭСКОМ и причиной нового витка веерных отключений электроснабжения и сброса мощностей, подрывающих экономику страны вот уже более полутора десятилетий.

История ЭСКОМ (*ESCOM, ESKOM*) – это демонстрация в миниатюре того, что пошло не так с Южной Африкой после ликвидации апартеида. Энергетическая компания во главе единой энергосистемы страны, которая долгое время успешно развивалась, обеспечивая дешевой электроэнергией быструю индустриализацию страны, больше не может «держат свет включенным» и теперь постепенно истощает экономику ЮАР, блокируя экономический

рост. ЭСКОМ пронизан коррупцией, неэффективен и неуклонно теряет свой технологический багаж.

Переход к нерасовой демократии и отмена международных санкций с ликвидацией в 1994 году режима апартеида открывали путь для превращения ЮАР в локомотив развития континента и образец общества расовой гармонии, как об этом мечтал Нельсон Мандела, но этого, увы, не произошло как по внутренним, так и по внешним геополитическим причинам. В южноафриканском симбиозе первого и третьего миров (колониализм особого типа с метрополией и колонией внутри одной страны) все же доминировал первый, двигавшийся по пути модернизации и НТР, хотя и с «обременением» в виде расово-дискриминационной политики апартеида. Включение нового руководства страны в неокOLONиальную парадигму «Вашингтонского консенсуса» привела к переходу из «первосортности» в «третьесортность». Самый вопиющий просчет в энергетике – продавленный гринписовским лобби отказ от развития атомной энергетики страны (с 1984 г. в ЮАР – единственная в Африке АЭС) и поддержанный ведущими странами Запада безумный проект полной декарбонизации энергетики ЮАР к 2050 г. Сегодня мы имеем в ЮАР стагнирующую экономику, разгул коррупции и преступности, рекордно высокий уровень безработицы и социального неравенства как из-за политических просчетов власти и издержек наследия апартеида, так и ввиду выбора руководством страны (во многом вынужденного после распада СССР) нелиберальной неокOLONиальной модели социально-экономического развития, выдавливающей ее в зависимую периферию мировой капиталистической экономики.

Володина Мария Андреевна
Институт Африки РАН

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ РАЗВИТИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ МАГИСТРАЛЕЙ)

Поступательное развитие африканских обществ напрямую зависит от формирования современных механизмов для поступательной модернизации всех сфер общественной жизни на Африканском континенте. Так, первостепенная роль на пути модернизации и развития Африки отводится именно инфраструктурным проектам, реализуемым совместными усилиями африканских государств и международных компаний.

Поскольку Африканский континент представляет собой регион, обладающий огромным потенциалом как по ресурсам, так и по человеческому капиталу (африканские общества состоят преимущественно из молодых когорт); африканские лидеры совместными усилиями разработали и приняли стратегические планы для успешной реализации инфраструктурной модернизации в Африке.

На Африканском континенте реализуются несколько амбициозных инфраструктурных проектов в сфере железнодорожного сообщения. В Западной Африке, например, необходимо модернизировать железную дорогу между Дакаром и Бамако. Однако существуют серьезные проблемы, препятствующие реализации проекта, – отсутствие четкого представления о подходящей модели модернизации (восстановление или создание абсолютно новой железнодорожной сети). Иностранным компаниям необходим совместный проект для реализации довольно сложного проекта.

Создание транспортных коридоров, соединяющих несколько африканских стран, является приоритетным направлением для инфраструктурных проектов. Подобные коридоры являются своеобразным мультимодальным путем решения нескольких стратегических задач: возможность быстрой доставки грузов (поступающих морским путем) вглубь африканских стран, создание разветвленной сети для оказания услуг по сборке и сбыту, привлечение инве-

стиций, возможность приобщения африканских компаний к технологическому опыту иностранных фирм, ускорение интеграционных процессов в Африке.

Модернизация железнодорожного транспорта на Африканском континенте требует колоссальных финансовых вложений. Многие страны уже активно участвуют в разработке новых моделей проникновения на Африканский континент, уделяя особое внимание модернизации инфраструктуры и транспортно-логистических систем африканских стран. Крупные европейские корпорации оказывают всестороннюю помощь в реформировании транспортных сетей в Африке, передавая опыт и новые технологии для комплексной модернизации всего континента. Западные компании выполняют мультимодальные проекты, привлекая представителей разных стран, специализаций и сфер деятельности. Тем самым создаются уникальные решения для транспортно-логистической систем с учетом специфики каждой африканской страны, с заботой об экологии и будущем континента. Реализация новых инфраструктурных проектов позволит подготовить и трудоустроить молодых специалистов, что является первоочередной задачей руководителей всех африканских государств, поскольку именно безработица среди молодых когорт (крайне высокая во многих странах Африки, что продемонстрировали события «арабской весны») способствует стремительному росту оттока молодых африканцев на Запад в поисках работы, а также активизации террористических группировок.

Влияние Китая на Африканском континенте усиливается с каждым годом, что объясняется китайской стратегией Морского шелкового пути из Азии в Европу. Китай также заинтересован в доступе к ресурсам африканских стран.

Точигин Михаил Юрьевич
Институт Африки РАН

РАЗВИТИЕ АВИАТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА КАК ЭЛЕМЕНТ АФРИКАНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ. УСЛОВИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АВИАТРАНСПОРТНОГО СООБЩЕНИЯ В АФРИКЕ

Значимость данной темы подтверждается незавершенностью процесса обретения независимости африканскими государствами от стран-метрополий. Добившись политической независимости, африканские страны должны пройти путь к подлинной экономической и духовной независимости. Одним из элементов достижения подлинной независимости африканских стран является как становление и развитие транспортных и авиатранспортных путей внутри Африканского континента, так и организация транспортных связей с другими регионами планеты.

1. Состояние авиатранспортного сообщения в глобальном и региональном измерении на текущий момент:

- проблемы с безопасностью;
- недостаточное финансирование;
- неразвитость инфраструктуры;
- политические и экономические барьеры как внутри Африканского континента, так и за его пределами;
- колониальная транспортная инфраструктура.

2. Возможности для развития авиатранспортного сообщения внутри Африканского континента и в глобальном масштабе как элемента Африканского Возрождения:

- относительная дешевизна создания транспортной инфраструктуры, учитывая климатические условия и доступность и дешевизну материалов и рабочей силы;
- удобный транзитный хаб для международной торговли и туристической индустрии;

– хорошие климатические условия круглый год, что исключает риски издержек на задержку рейсов из-за погоды.

3. Перспективы возрождения и развития авиатранспортного сообщения в региональном и глобальном измерениях:

– создание сети внутриконтинентальных аэропортов и сопутствующей инфраструктуры;

– создание межгосударственных авиакомпаний для снижения издержек и повышения конкурентоспособности;

– увеличение объема грузоперевозок, что позволит повысить скорость доставки товаров и услуг.

Вывод: колониальное наследие оставило уродливую и слабо развитую транспортную систему. Учитывая понимание правительствами многих стран важности влияния развития транспортной системы, в том числе авиатранспортного сообщения, на возрождение Африканского континента в глобальном и региональном измерениях и вложения средств в этот процесс, можно с уверенностью сделать вывод, что авиатранспортное сообщение активно развивается и имеет все перспективы роста и выхода на мировой уровень по предоставлению авиатранспортных услуг, что, несомненно, окажет влияние на Африканское Возрождение.

**Секция III-2. Передовые технологии
как драйвер экономического развития Африки**

Panel III-2. Advanced technologies as a driver of economic development in Africa

Руководитель/Convenor: Панцеров Константин Арсеньевич, д.п.н.,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

**Приходько Дмитрий Валентинович,
Шеров-Игнатьев Владимир Генрихович**
Санкт-Петербургский государственный университет

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА СТРАН АФРИКИ

Для современного мира процесс цифровизации уже не является чем-то новым и необычным. Многочисленные исследования показывают, что цифровизация становится важным фактором экономического роста. Африканские страны не исключение, хотя исследований на их примере проведено не так много. В этих исследованиях приводятся как оказывающие влияние показатели цифрового развития, так и показатели экономического роста, на которые они оказывают влияние. Одним из наиболее популярных инструментов является корреляционный анализ, используемый как зарубежными, так и отечественными авторами.

В рамках самостоятельно проведенного исследования была выполнена оценка взаимосвязи между долей пользователей сети Интернет и такими показателями, как ВВП на душу населения, ВНД на душу населения и внешнеторговый оборот товаров и услуг на душу населения. Корреляционный анализ был проведен на основе данных за 2000–2021 гг. по всем странам Африки и субрегионам, а также по региону в целом. Результаты анализа получились неоднозначными и лишь частично подтвердили имеющиеся результаты исследований по этой теме. Например, наблюдается достаточно низкая взаимосвязь между цифровизацией и экономическим ростом в ЮАР и Алжире, где коэффициент корреляции не превысил 0,5. Однако сразу для 39 стран Африки цифровизация имеет заметное значение, теснота связи по ним варьируется от средней до очень высокой. На субрегиональном уровне можно выделить Восточную Африку, для которой характерна высокая теснота связи цифровизации и экономического роста, чего не скажешь о Центральной Африке, где наблюдаются самые низкие показатели взаимосвязи. Чаще всего низкая теснота связи – у стран-экспортеров сырья, волатильность цен на которое оказывает основное влияние на динамику макроэкономических показателей. Так или иначе, сегодня Африка – это один из самых стремительно развивающихся регионов мира. Однако в регионе по-прежнему остается множество барьеров, препятствующих развитию процесса цифровизации, среди которых: ограниченный доступ к электричеству, низкий уровень развития Интернет-инфраструктуры, гендерный разрыв в использовании цифровых технологий, а также недостаточный уровень финансирования цифровой трансформации. Тем не менее уже сейчас понятно, что цифровизация является важным фактором экономического роста стран Африки.

Панцеров Константин Арсеньевич
Санкт-Петербургский государственный университет

**ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
КАК ДРАЙВЕР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АФРИКИ**

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) рассматриваются африканскими странами в качестве ключевого инструмента, который способен придать новый импульс развитию их

экономики, сделав ее более инновационной. В этой связи многие африканские страны стали предпринимать различные шаги по развитию своего научно-технологического потенциала. В них постепенно начинают создаваться научно-образовательные центры, занимающиеся разработкой технологий, работающих на основе ИИ, и подготовкой высококвалифицированных специалистов, способных работать с этими технологиями. Кроме этого, во многих африканских странах происходит активное внедрение технологий ИИ в промышленность.

Однако, несмотря на эти усилия, перед странами Африки по-прежнему стоит целый ряд серьезных проблем: это и обеспечение широкополосного высокоскоростного доступа к сети Интернет, и подготовка высококвалифицированных ИТ-специалистов, и создания ИИ-лабораторий и центров обработки данных, и разработка отечественного программного обеспечения (ПО), которое является непременным условием обеспечения технологического суверенитета для любого государства. Связано это с тем, что исключительно отечественное ПО будет максимально адаптировано к местным условиям. В настоящее же время основными поставщиками ПО для стран Африки остаются *Microsoft* и другие западные корпорации, лицензии которых, как правило, не предполагают или прямо запрещают вносить изменения в программный код компьютерных программ.

Очевидно, что для решения этих задач требуются прочные финансовая и материально-технологическая базы, которыми страны Африки не обладают. В результате в основе любых технологических новаций в Африке зачастую лежат западные технологии, а крупнейшие мировые ИТ-компании, такие как *Microsoft*, *IBM* и *Google*, под предлогом внедрения и локализации своих инновационных технических решений в ИТ-сектор стран Африки стремятся прочно закрепиться на перспективном африканском рынке, ставя африканские страны в зависимое положение от западных технологий и инвестиций.

С точки зрения автора, решение этой проблемы носит комплексный характер, и правительства африканских стран должны привлекать к их решению все заинтересованные стороны: академические круги, бизнес, гражданское общество, политиков и регулирующие органы. Но самое главное – это привлечение в ИТ-проекты местных, африканских инвесторов. На наш взгляд, только в этом случае можно обеспечить технологический суверенитет африканских стран.

Konstantin A. Pantserov
St. Petersburg State University

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A DRIVER FOR AFRICA'S ECONOMIC DEVELOPMENT

Artificial intelligence (AI) is considered by African countries as a key tool that can give a new impetus to the development of their economy, while making it more innovative. In this regard many African countries have begun to take various steps to develop their scientific and technological potential: a number of scientific and educational centers engaged in the development of AI-based technologies and the training of highly qualified specialists capable of working with these technologies have been created in those countries. Besides, AI technology is being actively implemented into industry in many African countries.

However, despite these efforts, African countries still face a number of serious problems: providing broadband high-speed Internet access, training highly qualified IT specialists, creating AI laboratories and data processing centers, and developing domestic software, that should be considered as an indispensable condition for ensuring technological sovereignty for any state. This is due to the fact that only domestic software would be maximally adapted to local necessities. Nowadays Microsoft and other Western IT corporations still remain the key software suppliers for African countries, whose licenses, as a rule, do not imply or directly prohibit making any changes to the program code of computer programs.

It is evident that, in order to solve these tasks, strong financial and technological bases are required, which African countries do not possess. As a result, any technological innovations in Africa are

still based on Western technologies, and the world's largest IT companies, such as Microsoft, IBM and Google, under the pretext of introducing and localizing their innovative technical solutions in the IT sector of African countries, seek to gain a firm foothold in the promising African market, making African countries dependent on western technologies and investments.

From the author's point of view, the solution of this problem should be considered as a complex one, and African governments should involve all stakeholders in this process: scholars, business, civil society, politicians and regulatory authorities. But the most important thing is to attract local African investors to the implementation of IT projects. In our opinion, only in this case it is possible to ensure the technological sovereignty of African countries.

Усачева Вероника Владимировна

Институт Африки РАН;

Финансовый университет при Правительстве РФ

ВОПРОСЫ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА СТРАН АФРИКИ: НАСЛЕДИЕ КОЛОНИАЛИЗМА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

После провозглашения независимости африканские государства приступили к созданию национальных, независимых от бывших метрополий, служащих новым странам, масс-медиа, рассматривая их как средство укрепления национального единства, создания и поддержания национальной культурной идентичности. Более того, национальные медиасистемы должны были поддерживать развитие африканских стран, проводя программы просвещения населения, а в ряде случаев – поддерживать антиколониальную борьбу во всем мире (особенно борьбу panafricanски настроенных государств и правительств).

Задачи преодоления наследия колониализма осложнялись тем, что сами различные медиа в Африке были продуктом колониализма; как правило, они были созданы самими колонизаторами и служили им. Вновь создаваемые или реформатируемые для новых задач, стоящих перед независимыми странами, СМИ и медиасистемы столкнулись с труднопреодолимыми препятствиями в осуществлении своей деятельности. Трудность в получении и распространении информации, неграмотность населения, недостаточный профессионализм самих журналистов приводили к элитарности масс-медиа, однообразности содержания и в целом упрощенности контента, а укрепление национального единства подчас превращалось в информационное обеспечение поддержки новой власти.

В целом эпоха обретения независимости была заряжена высокими идеями: мир, свобода, справедливость и социальный прогресс – основы борьбы с колониализмом. И эти идеи транслировались масс-медиа. Но, как оказалось, создание неколониальных институтов на основе, созданной колониализмом, было сложной, подчас невыполнимой задачей.

Современный этап развития информационной сферы во всем мире, не только в Африке, ставит вопросы способности масс-медиа поддерживать национальный суверенитет. Новые масс-медиа, социальные сети и платформы, мобильная связь не только открывают новые возможности перед обществами и государствами, но и несут новые угрозы. Наиболее радикальные критики утверждают, что глобальные СМИ и экономическая экспансия, облегченная либерализацией и приватизацией медиасистем по всему миру и развитием кабельных и спутниковых технологий, снижают способность государств в Африке осуществлять свои властные полномочия в полной мере и поддерживать суверенитет.

В докладе обсуждаются вопросы правомочности существования термина «информационный суверенитет», роль традиционных и новых СМИ в поддержании национального суверенитета, обеспечения информационной безопасности как условия существования суверенных государств.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ИНСТИТУТОВ СИСТЕМЫ ООН АФРИКАНСКИМ СТРАНАМ: ПРИОРИТЕТЫ И РОЛЬ В ДОСТИЖЕНИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Под технической помощью понимаются предоставляемые развивающимся странам на грантовой или льготной основе образовательные и консультационные услуги. Смежным ей понятием является наращивание потенциала, означающее помощь в подготовке человеческих ресурсов для повышения эффективности работы государственного аппарата и подготовки кадровой базы структурной трансформации экономики или общества. Техническая помощь и наращивание потенциала, в зависимости от их приоритетов и конкретных инструментов, могут служить как социально-экономическому прогрессу, так и навязыванию иностранных правовых, политических и экономических нарративов реципиентам.

Крупнейшими поставщиками технической помощи на Африканском континенте, помимо крупных внерегиональных государств, являются институты системы ООН, Бреттон-Вудса и ОЭСР. Наиболее разнообразная и комплексная работа ведется органами, специализированными учреждениями и программами ООН – от семинаров для госслужащих по борьбе с наркоторговлей до публикации Добровольных национальных обзоров, рассматривающих актуальные социально-экономические и политические изменения в комплексе. Поскольку техническая помощь институтов ООН часто представлена открытой аналитикой, практически каждое структурное подразделение играет роль ее провайдера – Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН (один из главных аналитических центров), Центр ООН по региональному развитию, Экономическая миссия для Африки ООН, Управление ООН по правам человека и т.д. Крупнейшим и наиболее систематическим донором такой помощи выступает ЮНКТАД, который в 2023 г. израсходовал более 17 млрд долл., большая часть этой суммы была выделена на техническую помощь и наращивание потенциала.

В XXI веке вместе с тенденцией роста доли двусторонней помощи в общем ее объеме возросло использование государствами отдельных фондов и программ ООН для направления помощи – Программы развития ООН, Программы ООН по населенным пунктам, Мировой продовольственной программы. Вместе с тем уменьшалась доля «свободной технической помощи», т.е. предоставлявшейся в качестве отдельных проектов. Соответственно, страны включали собственную техническую помощь, в частности, аналитику и инжиниринг, реализуя проекты через программы ООН и проводя свое видение социально-экономических изменений. Соответственно, приоритеты и инструменты определяются отдельными странами, что обусловило специфику т.н. много-двусторонней помощи.

Техническая помощь институтов ООН достаточно разнонаправленная и дисперсная из-за большого количества организаций, привлечения внешнего финансирования и реализации проектов отдельных государств в рамках структуры помощи ООН. В совокупности это снижает влияние фактора навязывания нарратива в результате технической помощи, что характерно для более централизованных и однородных Всемирного банка и ОЭСР и отражается в более фритрейдерских подходах к экономическим реформам. В то же время отсутствие четких и долгосрочных приоритетов технической помощи ООН вредит системному подходу. С целью исправления такого положения дел в 2015 г. было установлено 17 целей устойчивого развития, в последней из которых («Партнерство в интересах устойчивого развития») центральное место занимает именно наращивание потенциала.

ЦИФРОВЫЕ УСЛУГИ В ТУРИСТИЧЕСКОМ БИЗНЕСЕ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АФРИКИ

В ряде стран Африки туристический бизнес является одним из важнейших секторов для экономического развития с точки зрения вклада в ВВП, экспортных доходов, развития сферы услуг. Внедрение цифровых технологий в сферу услуг внесло кардинальные изменения в организацию ведения бизнеса, в процесс продвижения и реализации продукта, в вопросы кадрового обеспечения.

Взаимодействие сферы услуг с цифровыми и информационными технологиями породило принципиально новую экономическую категорию – электронные цифровые услуги. Она характеризует особое направление развития в условиях цифрового общества, сопровождаемого стремительным распространением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Система цифровых услуг в туризме включает онлайн резервирование, информационное управление, телеконференции, электронные денежные переводы для оплаты туров, электронные системы авиакомпаний, телефонные сети и др.

В системе цифровых услуг в туристическом бизнесе очень важным компонентом стала компьютерная система бронирования. Система пришла на смену бумажной и телефонной системам, уже не справлявшимся с обслуживанием возрастающего потока пассажиров в процессе развития отрасли. Система, в функции которой входит бронирование билетов на транспорт, мест в гостиницах, аренды автомобилей, переживает настоящий бум в своем развитии.

Африканское интернет-пространство (*Afra-Net*) обеспечивает мировому сообществу широкие возможности для привлечения зарубежных туристов в форме интернет-сайтов для презентаций онлайн. Туристический бизнес все более активно использует информационно-коммуникационные возможности и компьютеризацию, активизирующие интеграционные механизмы для общества, бизнеса, отдельных граждан.

В информационной повестке туризм занимает одно из центральных мест. Чтобы оживить сектор туризма, африканские туроператоры используют новые технологии, позволяющие иностранным туристам визуально посетить достопримечательные места той или иной страны. Этим обусловлен характер информации на этих сайтах: сведения о визовом режиме, местных достопримечательностях, государственной структуре, экономическом состоянии интересующей страны.

В продвижении туризма значительная роль отводится сотовым телефонам. Более половины телекоммуникационного рынка Африки приходится на сектор мобильной связи. Около 60% местных операторов связаны с крупнейшими международными операторами. В программах экономического развития стран континента важное место отводится росту информационно-коммуникационной индустрии и созданию национальных технологических парков с целью организации производства компьютеров и программного обеспечения.

Секция III-3. Сельское хозяйство и продовольственная безопасность стран Африки

Panel III-3. Agriculture and food security in Africa

Руководитель/Convenor: Мухаметзянов Рафаил Рувинович, к.э.н.,
Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева

Бутовский Руслан Олегович
ФГБУ «ВНИИ Экология»;
Бутовская Марина Львовна
Институт этнологии и антропологии РАН

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ АФРИКИ КАК ОСНОВА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Проблема снабжения необходимыми ресурсами для развития населения Африки, в первую очередь стран Субсахарского региона, является одной из ключевых тем в повестке заседаний ООН. В течение двух последних десятилетий в Африке отмечаются бурные темпы экономического роста, однако она также является единственным регионом, в котором наблюдается рост масштабов крайней нищеты. Разнообразные экосистемы Африки создают поток товаров и услуг, которые играют важную роль в снабжении населения продовольствием, водой и энергоресурсами. Они являются основой африканской экономики и стратегическим ресурсом для устойчивого развития региона, при том что в Африке более 62% населения проживает в сельских районах и напрямую зависит от этих услуг. Вместе с тем Субсахарская Африка является самым дефицитным регионом мира с точки зрения обеспечения продовольствием – 25% населения голодает и недоедает.

Африканский континент характеризуется разнообразием экосистем и является последним местом на Земле, где сохранилось большое разнообразие мегафауны млекопитающих. 23% африканской суши занимают леса и 27% – возделываемые земли. На остальной части суши расположены саванны, пастбища и пустыни. В Африке находятся разнообразные водно-болотные угодья, реки, озера и заливы, разбросанные по всему континенту, среди которых реки Конго, Нил, Замбези, Нигер и озера Танганьика, Чад, Ньяса, Виктория являются одними из крупнейших источников пресной воды в мире. Африканские страны отнесли к разряду охраняемых 14,7% земель континента и 5,4% площади морей в пределах национальной юрисдикции.

К благоприятным условиям для достижения целей в области устойчивого развития относится высокий уровень биоразнообразия и экосистем, а также наличие площадей возделываемых земель, которые служат фундаментом устойчивого развития. Вместе с тем неблагоприятные факторы, такие как отсутствие на континенте институционального потенциала для эффективного и продуктивного природопользования, могут нанести ущерб процессу устойчивого развития.

Ruslan O. Butovsky
FSBI “VNIi Ekologiya”;
Marina L. Butovskaya
Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

AFRICA’S NATURAL RESOURCES AS THE BASIS FOR FOOD SECURITY

The problem of providing with the necessary resources for development to the population of Africa, first of all, the countries of the Sub-Saharan region, is one of the key topics on the agenda of the UN meetings. Africa has experienced rapid economic growth over the past two decades, but it is

also the only region experiencing an increase in extreme poverty. Africa's diverse ecosystems create a flow of goods and services that play an important role in supplying the population with food, water and energy resources. They are the backbone of the African economy and a strategic resource for the sustainable development of the region, despite the fact that in Africa more than 62% of the population live in rural areas and directly depend on these services. At the same time, the countries of Sub-Saharan Africa are the most food-deficient region in the world, with 25% of the population starved and malnourished.

The African continent is characterized by a variety of ecosystems and is the last place on Earth where a high diversity of megafauna of mammals has been protected. 23% of the African land area is occupied by forests and 27% is cultivated land. The rest of the land is covered with savannas, pastures, and deserts. Africa has a variety of wetlands, rivers, lakes and bays scattered throughout the continent, including the Congo, Nile, Zambezi, Niger and lakes Tanganyika, Chad, Nyasa, Victoria that are among the largest sources of fresh water in the world. African countries have classified 14.7% of the continent's lands and 5.4% of the area of the seas within national jurisdiction as protected.

Favorable conditions for achieving the Sustainable Development Goals include the presence of a high level of biodiversity and ecosystems, as well as areas of cultivated land that serve as the foundation for sustainable development. However, adverse factors, such as the lack of institutional capacity on the continent for effective and productive environmental management, may be detrimental to the process of sustainable development.

Ajene Abongo Mashood

Russia-Africa Research Centre, Ghana;
Tver State University

PROBLEM OF FOOD SECURITY IN AFRICA, A VIEW FROM AFRICA AND RUSSIA

Africa has been faced with problems of food security in recent years and it is estimated that Africa will face additional environmental problems due to global warming, this will put millions of Africans into food hunger.

This research seeks to establish the problems affecting Africa food production. In order to mitigate the problem facing Africa food security, the research seek to establish the role that Africa-Russia relations can play to mitigate the problem of food security for mutual benefit for both Russia and Africa.

Сугаков Глеб Константинович

Институт Африки РАН

РОЛЬ РЫБНЫХ РЕСУРСОВ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АФРИКИ

Африканские страны обладают высоким природно-ресурсным потенциалом, что относится не только к их территориям, но и к акваториям (прежде всего, в рамках исключительных экономических зон). Использование ресурсов Мирового океана может способствовать развитию многих сфер в государствах макрорегиона, в частности, энергетики, транспорта, туризма и др. В данном исследовании внимание уделяется одной из важнейших проблем, а именно продовольственной безопасности, без обеспечения которой едва ли возможно говорить о комплексном социально-экономическом развитии.

Рыбные ресурсы Мирового океана и крупнейших внутренних водоемов Африки могут сыграть ключевую роль для повышения уровня продовольственной безопасности. Рыба, как

правило, дешевле мяса, что очень важно в контексте наименее развитых стран. При этом она является источником белка, полезных микроэлементов и жиров, и, таким образом, неотъемлемым элементом полноценного и здорового питания.

Несмотря на значительный потенциал находящихся в юрисдикциях африканских стран акваторий, в настоящее время душевое потребление рыбы в Африке (около 10 кг/чел. в год) более чем в два раза уступает ее потреблению в развитых странах и является недостаточным. Автор предлагает выделить как минимум два направления, работа в рамках которых может способствовать улучшению ситуации.

Во-первых, таковым является развитие аквакультуры (рыбоводства). На сегодняшний день увеличить промышленный вылов в подавляющем большинстве районов Мирового океана уже невозможно, при этом численность населения, и, следовательно, потребность в рыбе, продолжает расти. Сектор аквакультуры в большинстве африканских стран практически не развит, хотя каких-либо природно-климатических препятствий для этого нет.

Во-вторых, следует рассмотреть структуру потребления и переработки рыбы в африканских странах. Значительные объемы пригодных в пищу видов рыбы (таких как, например, сардинелла, бонга и др.) используются для производства рыбной муки, прежде всего, для европейского рынка, в результате чего местный потребитель недополучает их в качестве продукта питания.

Таким образом, рыбные ресурсы могли бы существенно способствовать повышению продовольственной безопасности стран Африки при более эффективном использовании имеющихся объемов в интересах местного населения и путем общего увеличения производства за счет аквакультуры.

Мухаметзянов Рафаил Рувинович

Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева

ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ АФРИКИ В ОБЩЕМИРОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПЛОДООВОЩНОЙ ПРОДУКЦИИ

Производство плодоовощной продукции имеет большое значение с точки зрения как продовольственного обеспечения жителей стран мира, так и формирования их занятости и доходов в процессах ее товародвижения, в том числе за рубежом. Для некоторых из них экспорт товаров этой продовольственной группы выступает также существенным источником валютной выручки. В последние десятилетия увеличилось значение Африки в глобальных валовых сборах плодоовощной продукции. Однако во многих государствах этого континента также наблюдался существенный рост населения, который несколько нивелировал достижения в соответствующих направлениях сельского хозяйства с точки зрения продовольственной обеспеченности. Кроме того, в Африке существует проблема неравномерного распределения плодоовощной продукции. В некоторых странах наблюдается избыток производства и развитие экспортного потенциала, в то время как в других – дефицит. Это связано с недостаточным развитием в последних сельского хозяйства и использованием устаревших методов выращивания.

К тому же Африка сталкивается с проблемами в экспорте своей продукции на мировые рынки. Это связано с недостаточно развитой инфраструктурой и технологическими проблемами, которые препятствуют эффективной транспортировке и хранению плодоовощной продукции.

Для того чтобы решить эти проблемы, необходимо проводить мероприятия по развитию сельского хозяйства и повышению уровня технологической оснащенности. Это позволит увеличить производительность и качество продукции, а также обеспечить ее эффективную транспортировку и хранение. Однако государства этого континента могут нарастить произ-

водственный и экспортный потенциал плодоовощного хозяйства, в том числе для поставок продукции в Россию.

Гаврилова Нина Германовна
Институт Африки РАН

ОТСТАЛОСТЬ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАК ФАКТОР ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ НЕОБЕСПЕЧЕННОСТИ СТРАН АЮС

Оценка причин низкой обеспеченности Африканского континента продовольствием показала, что наибольшее влияние на нее оказывают климатические потрясения, региональные конфликты, эпидемии, дестабилизация глобальных продовольственных систем и различные структурные факторы, характеризующие состояние сельского хозяйства. К причинам отсталости сельского хозяйства Африки можно причислить низкую производительность, высокий уровень бедности фермеров, неразвитость сельской инфраструктуры, нехватку кадров в сельском хозяйстве, в т.ч. квалифицированных, недостаточный уровень образования населения и многое другое. В 2022 г. каждый третий африканец был ограничен в доступе к достаточной и качественной пище, каждый четвертый испытывал значительную нехватку продовольствия, каждый пятый страдал от голода. Некоторый рост аграрного производства в Африке все же происходит, но он достигается за счет следования по экстенсивному пути, то есть за счет расширения земель и истощения природных ресурсов, а не применения достижений научно-технического прогресса. Таким образом, африканское сельское хозяйство развивается недостаточными темпами для обеспечения продовольственной безопасности населения. Исправить ситуацию может только повсеместное развитие сельского хозяйства, связанное с переходом с экстенсивного на интенсивный путь развития. Такое развитие может обеспечить, прежде всего, наличие грамотных специалистов во всех отраслях сельскохозяйственного производства.

Как показали Саммиты Россия – Африка, прошедшие в Сочи в октябре 2019 г. и в Санкт-Петербурге в июле 2023 г., развитие агропромышленного комплекса – одно из самых перспективных направлений двустороннего сотрудничества между странами Африканского континента и Россией. Расширение сотрудничества РФ и стран Африканского континента видится, прежде всего, в области аграрного образования, его распространении в африканском образовательном пространстве и адаптации к современным реалиям. Наличие квалифицированных кадров подтолкнет сельское хозяйство Африки к использованию достижений современного научно-технического прогресса, и это сыграет ключевую роль в производстве продуктов питания. Помимо совместной деятельности, для укрепления собственного сельскохозяйственного производства и повышения продовольственной безопасности континента требуются эффективные действия африканских правительств. Они должны сосредоточиться на структурных преобразованиях аграрного сектора за счет увеличения инвестирования в него и проведения соответствующих реформ.

Гомбо Тиаго Франшишко
Ангола, Российский университет дружбы народов

ИЗМЕНЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ И ПИЩЕВОЙ ЦЕННОСТИ РАЦИОНА ПИТАНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКИ

Центральная Африка – регион, известный своими богатыми природными ресурсами и многообразной культурой. Согласно современной классификации ООН в него входят 9 стран: Ангола, Камерун, Центрально-Африканская Республика, Чад, Конго, Демократиче-

ская Республика Конго, Габон, Сан-Томе и Принсипи, Экваториальная Гвинея. Однако в большинстве этих государств ярко выражена проблема обеспечения продовольственной безопасности как относительно среднеафриканского, так и среднемирового уровня. Прежде всего, она связана с недостаточным доступом к пище среднестатистического жителя этого региона и низким уровнем ценности рациона питания. Он не удовлетворяет потребности организма в необходимых питательных веществах согласно рекомендуемым медицинскими организациями нормам. Это связано с тем, что многие люди в Центральной Африке живут в условиях бедности и потребляют недостаточное количество калорий, что приводит к энергодиффициту и слабости. Это является причиной различных заболеваний и нарушений в организме. Для того чтобы улучшить ситуацию, необходимо проводить мероприятия по повышению доступности продовольствия, борьбе с бедностью, внедрению современных технологий производства, хранения и переработки продукции сельского хозяйства.

Константинова Ольга Владимировна
Институт Африки РАН

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АФРИКИ

В настоящее время мы являемся свидетелями резкого изменения климата. Более быстрое потепление за последние тридцать лет наблюдалось в Африке – в среднем на $0,3^{\circ}\text{C}$ ¹⁶. Повышение температуры привело к снижению производительности в сельском хозяйстве Африки с 1961 г. на 34%, что больше, чем в любой другой части мира. Прогнозируется сохранение этой тенденции в будущем, что может увеличить риск недоедания и снизить уровень продовольственной безопасности. Ожидается, что глобальное потепление на $1,5^{\circ}\text{C}$ приведет к снижению на 20–60% урожая пшеницы в Северной и Южной Африке, на 9% урожая кукурузы в Западной Африке и более 12% потенциального морского улова в нескольких западноафриканских странах¹⁷.

Поскольку африканские страны в большинстве своем являются нетто-импортерами продовольствия, проблема продовольственной безопасности для Африканского континента актуальна и требует принятия незамедлительных мер. Полагаем, что для повышения производительности в африканских фермерских хозяйствах необходимо применение современных технологий, среди которых механизация, ирригация, внесение удобрений, технологии по сбору, транспортировке и хранению урожая, улучшение семенного и племенного фондов, геопространственные технологии, дистанционное зондирование, использование ферм с контролируемой средой.

Кроме того, необходимо финансирование и инвестиции, направленные на совершенствование ведения сельского хозяйства, закупку оборудования и машин, насосных установок, семян и племенного поголовья, а также кредитование и страхование рисков.

Правительства многих стран Африки не могут оказать должную поддержку сельскому хозяйству из-за политической нестабильности, коррупции, длительных тендеров, низкого уровня финансирования, слаборазвитой инфраструктуры, отсутствия информационного обеспечения фермеров, низкого уровня применения земледельцами сельскохозяйственных технологий.

---

¹⁶ State of the Climate in Africa 2021. World Meteorological Organization. Geneva. P. 6. https://library.wmo.int/viewer/58070/download?file=1300_State_of_the_Climate_in_Africa_2021_en.pdf&type=pdf&navigator=1 (accessed 08.10.2023).

¹⁷ Ibidem, P. 32.

Несомненно, тесное взаимодействие с фермерами, их обучение новым способам ведения сельскохозяйственных работ, современным технологиям точного земледелия принесут ощутимые результаты, позволят повысить производительность труда, увеличат их доходы и создадут условия для повышения уровня продовольственной безопасности на Африканском континенте.

Хассан Абдулай Махамат
Чад, Российский университет дружбы народов

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РЕСПУБЛИКИ ЧАД СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИЕЙ

Республика Чад – одно из крупнейших государств на Африканском континенте, находящееся в Центральной Африке и не имеющее выхода к морю. Республика Чад – аграрная страна, и сельское хозяйство играет важную роль в ее экономике. Однако, несмотря на высокий природно-климатический потенциал производства сельскохозяйственной продукции, это африканское государство сталкивается с проблемами в обеспечении своего населения достаточным количеством продуктов питания. Одной из главных причин нехватки продовольствия в Чаде является низкий уровень производительности национального сельского хозяйства. Большинство фермеров используют устаревшие методы выращивания растений и животных, не имеют доступа к современным технологиям и оборудованию. Кроме того, часто отсутствует необходимая инфраструктура для хранения и транспортировки сельскохозяйственной продукции. В связи с этим Чад вынужден импортировать большое ее количество из других стран. Это приводит к значительным затратам на транспортировку и увеличению цен на продукты питания для населения. Некоторая часть производимой сельскохозяйственной продукции идет на экспорт, который обеспечивает существенный объем валютных поступлений в Чад. Однако, для того чтобы развивать это направление внешней торговли и снижать зависимость страны от импорта продуктов питания, необходимо проводить мероприятия по улучшению качества и увеличению количества производимой продукции, развитию инфраструктуры и повышению производительности сельского хозяйства. В частности, можно проводить программы по обучению фермеров новым методам выращивания и использованию современных технологий. Также необходимо создавать условия для хранения и транспортировки продукции, что позволит сократить потери в процессе производства и доставки.

Матвеева Наталья Федоровна
Институт Африки РАН

ПУТИ РАЗВИТИЯ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ В СТРАНАХ АЮС

В общекоонтинентальных и национальных стратегиях африканских государств решение проблемы дефицита продовольствия неизменно связывается с достижением устойчивого роста сельскохозяйственного производства и доходов бедных и беднейших слоев аграрного населения. Крайне важную роль при этом играет усовершенствование механизмов передачи таким категориям инновационных знаний/технологий и оказания консультационных услуг по их применению (*Agricultural Extension Services, AES*).

Доля домохозяйств, производящих продукцию в объеме, едва покрывающем продовольственные потребности семьи, составляет в АЮС свыше 60%. При использовании только таких элементов *AES*, как предоставление крестьянам высококачественных семян и других факто-

ров производства, стимулирующих переход к выращиванию высокоурожайных продовольственных культур, лишь относительно зажиточное меньшинство способно изменить аграрную практику при помощи льготных кредитов. В результате отмечается рост производства отдельных видов продовольственных культур на отдельных временных отрезках. Но за цифрами не видно, каким образом такая рекомендуемая донорами «модернизация» системы хозяйствования влияет на основные потребности, условия существования, культурную самобытность бедного большинства. Нарушение его традиционного поликультурного способа производства (недостаток одних видов продовольствия компенсируется другими) усугубляет нехватку продовольствия, бедность, имущественное неравенство и обезземеливание крестьянства.

Главная задача *AES* заключается в содействии трансформации образа мышления, поведенческих реакций и систем организации массы крестьянства, находящегося на грани нищеты, как фактора преодоления общей социально-экономической отсталости деревни.

Необходимым составным элементом механизма *AES* являются непосредственные контакты крестьян с работниками консультационных служб. Однако их хронически не хватает, и из-за отсутствия у них знаний о местных технологиях и практике выживания они часто ограничиваются предложениями заменить их «современными» методами. При этом крестьяне (включая категории, готовые платить за коммерческие консультации, распространяемые с помощью ИКТ) являются лишь пассивными потребителями агроинформации, а не активными участниками процесса преобразования идей в устойчивые практики.

Для того, чтобы отказаться от нынешней линейной системы передачи заранее разработанных «пакетов технологий» и готовых решений, нужны грамотные специалисты. Они должны иметь четкое представление о взаимодействии инноваций с местными аграрными системами, помогая крестьянам самим искать пути повышения производительности хозяйств в меняющихся условиях.

Natalia F. Matveeva

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

WAYS TO DEVELOP THE RESOURCE POTENTIAL OF FOOD SYSTEMS IN SSA COUNTRIES

In the continental and national strategies of African States, the solution of food shortages has always been linked to the achievement of sustained growth in agricultural production and incomes of the rural poor and the rural poorest. Improved mechanisms for the transfer of innovative knowledge/technologies to these categories and the provision of advisory services on their application (Agricultural Extension Services, AES) play an extremely important role in this.

The share of households producing products that barely cover the family needs is over 60% in SSA. By using only the AES elements, such as providing farmers with improved seeds and other inputs to encourage the transition to high-yielding food crops, only a relatively well-off minority can change agricultural practices through subsidized loans. In such a case, there is an increase in the production of certain types of food crops in certain time periods. But the figures do not show how such a donor-recommended “modernization” of the way of housekeeping affects the basic needs, living conditions, and cultural identity of the majority. The disruption of its traditional multicultural mode of production (the lack of some types of food is compensated by others) exacerbates food shortages, poverty, wealth inequality and the dispossession of the peasantry.

The main task of the AES is to contribute to the transformation of the way of thinking, behavioral reactions and systems of organising the mass of the poor peasantry as a factor in overcoming the general socio-economic backwardness of the countryside. A necessary component of the AES mechanism is the farmers’ direct contact with the workers of the extension services. However, they are chronically in short supply, and due to their lack of knowledge of local technologies and survival practices, they often suggest replacing them with “modern” methods.

At the same time, in such a case farmers (including those willing to pay for ICT-enabled commercial advice) are only passive consumers of agricultural information, not active participants in the process of transforming ideas into sustainable practices. In order to abandon the current linear system of transmission of pre-developed “technology packages” and ready-made solutions, competent specialists are needed. They should have a clear understanding of how innovation interacts with local agricultural systems, while helping farmers find ways to improve their households’ productivity in a changing environment.

Гаврилова Нина Германовна
Институт Африки РАН

ИННОВАЦИИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ АФРИКАНСКИХ СТРАН

Многочисленные программы регионального и национального масштаба, направленные на борьбу с голодом в Африке, не привели к стабилизации продовольственной безопасности. Современная Африка – один из самых голодающих регионов мира. Причиной продовольственной необеспеченности является неразвитое и непродуктивное сельское хозяйство. Странам Африки необходимо стабилизировать и увеличить свое аграрное производство в течение ближайших десятилетий, чтобы удовлетворить растущий спрос и обеспечить продовольственную безопасность. По мнению ученых, составляющими успеха должны стать наука, технологии и инновации.

На континенте уже присутствуют некоторые цифровые услуги. Практически все они базируются на технологиях блокчейн, интернета вещей и облачных технологиях, то есть разработках крупнейших *IT*-компаний мирового уровня – *IBM* (американская корпорация), *SAP* (немецкая компания-разработчик ПО) и др. Африканские же *IT*-компании лишь адаптируют технологии под условия континента.

Большинство потребителей цифровых услуг – мелкие фермеры, доля которых в производстве продукции сельского хозяйства составляет более 90%, и поэтому африканские разработки предназначены в основном для использования в условиях небольших земельных владений.

В первую очередь нововведения заключаются в оказании консультационных и информационных услуг. Другие услуги для фермеров касаются установления рыночных связей, управления цепочкой поставок, доступа к финансовым ресурсам и др. Есть решения, которые помогают фермерам во всех вопросах ведения бизнеса – от получения кредитов до реализации ими своего урожая на цифровом рынке.

Подобных примеров на цифровом рынке Африки уже много, но недостаточно для значимого преобразования сельского хозяйства континента. Внедрение инноваций в сельское хозяйство Африки замедляются из-за недостаточного инвестирования, ограниченности цифровой инфраструктуры, низкого уровня образования африканцев и неравномерности доступа городского и сельского населения к Интернет-ресурсам. Основами роста сельскохозяйственного производства и укрепления продовольственной безопасности Африки должны стать внедрение и распространение новых технологий, комплексное развитие сельских территорий и наращивание собственного научного потенциала.

Секция III-4. Процессы экономической интеграции в Африке

Panel III-4. Economic integration processes in Africa

Руководитель/Convenor: Горбунова Мария Лавровна, д.э.н.,
ИЭП ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Keith Gottschalk
University of the Western Cape

SIX DECADES OF AFRICAN INTEGRATION – SUCCESSES & FAILURES

The African Union (AU), with its Organisation of African Unity (OU) antecedent, is now six decades old, and its sub-regional affiliates such as the Economic Community of West African States (ECOWAS), Southern African Development Community (SADC), and East African Community (EAC) up to four decades old.

The AU and its affiliates are arguably more successful than comparative peers in the Global South, such as the League of Arab States, the Organisation of American States (OAS), Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), the Southern Asian Association of Regional Cooperation, and Mercosur. Yet it usually suffers from media criticism, and organs such as the Pan-African Parliament meet with media derision. Only the European Union is more successful, because it has a supranational dimension, plus two orders of magnitude more staff, and a budget three orders of magnitude larger.

Pan-Africanism is the political driver, and globalisation the economic driver, behind African integration. This paper assesses the AU's flurry of institution-building and treaty-signing, and its attempts to start giving Africa a coherent voice in global governance. There is an interesting divergence between AU operations, which are dominated by peacekeeping, and AU institution-building, which is dominated by economic development and integration. This paper also analyses the persistent problems of the OAU-AU, and the Kaberuka and other attempted reforms. It includes an overview of the African Continental Free Trade Area and the Pan-African Payment and Settlement System.

Дробот Елена Валерьевна
Первое экономическое издательство, Москва

ПАНАФРИКАНИЗМ И КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СПЕЦИФИКА МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В АФРИКЕ

Вопрос о будущем африканской интеграции вызывает большой интерес. Обусловлено это уникальными особенностями континента, на котором проживает более 17% населения нашей планеты. В Африке находится наибольшее количество государств, что обуславливает специфику интеграционной модели. Именно поэтому интерес представляет исследование концепции panaфриканизма с позиций глобальных трансформаций, происходящих в начале XXI в.

Для многих государств и регионов мира региональная интеграция – средство достижения экономических и политических целей. И panaфриканизм является заветной мечтой африканцев на протяжении уже как минимум ста лет. В основе концепции panaфриканизма лежит идея о том, что народы африканского происхождения имеют общие интересы, и именно по этой причине необходимо их объединение.

Модель экономической интеграции стран Африки отличается от имеющихся в мировой практике моделей. Основу модели составляют региональные экономические сообщества, т.е. сначала интеграция обеспечивается на региональном уровне, а впоследствии региональные экономические сообщества объединяются в единый экономический союз. Кроме того, страны Африки могут одновременно быть членами нескольких региональных экономических сообществ на континенте.

Можно выделить пять основных этапов экономической интеграции в Африке: первый этап – Союз Африканских Государств (1958–1962 гг.); второй этап – Организация африканского единства (1963–2002 гг.); третий этап – Африканское экономическое сообщество (1991 г.), основу которого составляют региональные экономические блоки; четвертый этап – Африканский союз (2002 г.); пятый этап – Африканская континентальная зона свободной торговли (2021 г.).

В появлении идей интеграции в Африке можно было бы увидеть модель, противоположную той, которая была предложена и реализована в процессе создания Европейского союза: эта модель была прежде всего экономической.

В Африке в качестве основы интеграции было выбрано политическое объединение. Однако в Африке произошел естественный переход от политических целей к экономическим, которые должны быть реализованы в рамках создания континентального экономического и валютного союза.

Глухов Ярослав Александрович
Институт Африки РАН

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В АФРИКЕ

Интеграция в экономическом смысле характеризуется структурными изменениями в экономиках государств – членов объединений, переплетением и усилением взаимосвязей национальных производственных процессов, надгосударственным регулированием интеграционных процессов. К преимуществам экономической интеграции относятся увеличение рынков и расширение торговли, приток прямых иностранных инвестиций, возрастание конкуренции, оптимизация и модернизация производства. К недостаткам – отставание менее развитых и конкурентоспособных экономик от стран-соседей, сложность коллективного управления, наложение государственных интересов и стремлений экономических объединений, их конкуренция.

Одним из трендов современной мировой экономики является углубление региональной интеграции. На Африканском континенте можно выделить восемь основных экономических объединений: Сообщество сахаро-сахельских государств, Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА), Восточноафриканское сообщество (ВАС), Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), Экономическое сообщество стран Центральной Африки (ЭККАС), Межправительственная организация по развитию (ИГАД), Союз арабского Магриба (САМ) и Сообщество развития Юга Африки (САДК). Некоторые государства (например, Ангола, Египет, Замбия, Демократическая Республика Конго, Сенегал, Танзания и др.) являются членами сразу нескольких региональных группировок. Это ведет к пересечению интересов международных объединений, что может препятствовать экономическому развитию отдельных государств.

Преобладающей в научной среде точкой зрения на интеграционные процессы является их многоступенчатость в рамках сближения государств: преференциальная зона, зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз, экономический и валютный союз. Однако важно учитывать адаптивность этого подхода для развивающихся рынков и учитывать их региональную специфику.

Jephias Mapuva
Tugwi-Mukosi Multidisciplinary Research Institute,
Midlands State University, Zimbabwe

**REGIONAL ECONOMIC INTEGRATION IN THE SOUTHERN AFRICAN
DEVELOPMENT COMMUNITY (SADC) REGIONAL BLOC:
CHALLENGES AND OPPORTUNITIES**

Generally, regional integration is when a group of countries get together and develop a formal agreement (by way of treaties) regarding how they will conduct trade with each other. Ernst Haas, perhaps the most prominent integration scholar of the time, defined integration as follows: *‘The process whereby political actors in several distinct national settings are persuaded to shift their loyalties, expectations and political activities toward a new centre, whose institutions possess or demand jurisdiction over pre-existing national states.’* The end result of a process of political integration is a new political community, superimposed over the pre-existing ones.

Regional integration has manifested itself historically in Africa, America and Europe as a bureaucratic effort to facilitate political unification and expansion of capitalism. The establishment of regional economic blocs not only strengthens member countries’ positions on the global political landscape and bargaining power on international issues, but also enables countries to collectively grapple with the region’s economic progress. Individual countries within any given economic bloc cannot deal with the economic challenges single-handedly; hence the mooted idea of regional economic integration.

Regional integration has been seen in Africa as a means of encouraging trade and securing economies of scale. Additionally, regional integration has become increasingly accepted as essential in facilitating economic and political development. Regional integration has been credited with providing an important step towards a wider global involvement and has exhibited the potential to promote economic growth and reduce poverty through increased exports of domestic goods. Consequently, several regional groupings have mushroomed in the post-war era across the globe, notably the European Union (EU) and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN).

In Africa several regional groups have emerged, namely, the Economic Community of West African States (ECOWAS), the East African Community (EAC), the Common Market for East and Southern Africa (COMESA), as well as the Southern African Development Community (SADC), which is the focus of this article. This article seeks to unpack some of the challenges that the SADC has encountered in its regional economic integration endeavours. It can therefore be argued that the Southern African region is ideal for regional economic integration given the fact that it is characterised by many countries with small economies, an environment which is ideal for interstate trade and forging of economic links. This article seeks to present and discuss challenges that the SADC regional grouping has encountered in its effort to foster regional integration, by engaging in debate around the importance of regional integration and the reasons behind some of the challenges.

Deus Msipotwa Kibamba
Dr Salim Ahmed Salim Centre for Foreign Relations, Tanzania

**ASSESSING REGIONAL INTEGRATION EXPERIENCES IN AFRICA
IN VIEW OF PEOPLE CENTREDNESS –
A CASE OF THE EAST AFRICAN COMMUNITY**

I provide a snapshot of the provisions, aims and objectives of the Treaty establishing the East African Community, give a short account of the history of regional integration in East Africa, perspectives on governance issues in the EAC and an assessment of democratic governance in the

EAC region. The main thrust of the paper's argument is that although the EAC Treaty envisages a people-centred regional block, research findings reveal that the EAC is far from realizing the treaty vision of a people-centred integration. The paper therefore makes several recommendations in ensuring that all the institutions of the EAC can be founded on and function democratically. Proposals include: broadening decision making and observation at Council of Ministers and Summit meetings; democratizing the manner of electing members of the East African Legislative Assembly and opening up law enactment processes at EALA to direct opinions and inputs from Citizen organizations of East Africa. In the Judicial realm of the regional body, the paper commends efforts already in place for citizen groups' observation of processes but recommends further improvements.

Комаров Игорь Дмитриевич

АНИИ «Лобачевский» ИМОМИ, ИЭП ННГУ им. Н.И. Лобачевского;

Горбунова Мария Лавровна

ИЭП ННГУ им. Н.И. Лобачевского

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОСУДАРСТВАХ АФРИКИ К ЮГУ ОТ САХАРЫ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Формирование многополярной архитектуры мирового порядка – один из наиболее вероятных сценариев развития системы международных отношений. Роль Африканского континента в данном процессе связана с тем, насколько успешно демографический потенциал Африки будет трансформироваться в экономический. В настоящий момент государства Африки, даже самые крупные, относятся к категории малых и средних государств, на континенте также нет государств с бесспорным статусом центра силы.

По мнению авторов, это формирование за счет интеграционных процессов, подразумевающих усиление самих национальных политических и экономических институтов африканских государств, а также расширения сферы институционального регулирования торгово-инвестиционных процессов. Развитие африканского «полюса» многополярной архитектуры мирового порядка или зоны (кластера) безопасности и устойчивого экономического развития на пространстве Африки к югу от Сахары, по мнению авторов, будет опираться на такие региональные соглашения, как Общий рынок Восточной и Южной Африки (*Common Market for Eastern and Southern Africa*), Сообщество развития Юга Африки (*Southern African Development Community – САДК*), Экономическое сообщество стран Центральной Африки (*Economic Community of Central African States*), а также на соглашения трансрегионального типа, например, соглашение ЕС – САДК. Авторы планируют апробировать методики оценки конвергенции и консолидации указанных соглашений в русле сравнительного регионализма.

IV. ИСТОРИЯ, ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ

HISTORY, LANGUAGES AND CULTURES

Секция IV-1. Исторические корни современных африканских проблем

Panel IV-1. Historical roots of modern African problems

Руководители/Convenors: Балезин Александр Степанович, д.и.н., Институт Всеобщей истории РАН; Воеводский Александр Валентинович, к.и.н., НИУ ВШЭ, ИВИ РАН, РАНХиГС

Балезин Александр Степанович
Институт всеобщей истории РАН

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В АФРИКАНСКИХ АРХИВАХ

За годы научной карьеры автор получил возможность работать в Национальных архивах Танзании и Намибии и ознакомиться с Национальным архивом Кении, а также исследовать фонды двух архивов при университетах Южной Африки – архива Центра по изучению национального наследия и культуры при университете Форт-Хейр (г. Элис) и Архива Майибуйе при университете Западного Кейпа (г. Кейптаун). Вопрос о безусловной важности использования архивных документов в исторических исследованиях обсуждению не подлежит, но многие ли пользуются этой возможностью? В каждом конкретном случае по-разному решались проблемы получения доступа в архив, качества поискового материала, доступности документов, их сохранности, возможности копирования.

Черкасова Татьяна Дмитриевна
Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

ХИЛАЛИЙЦЫ И АНДАЛУСЦЫ В ПОСТАЛЬМОХАДСКОМ МАГРИБЕ

(XIII–XV вв.):

ПРОВОДНИКИ АРАБИЗАЦИИ И ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Масштабная арабизация Северной Африки началась в эпоху правления Аглабидов в Ифрикийе (IX в.) по маршрутам распространения хариджитских групп, верхушка которых переместилась в регион с Арабского Востока. На начальном этапе арабизация затронула главным образом города и соседствовавшие с ними населенные пункты. Приход аравийских мигрантов – племен бану хилал – в XI в. привел к арабизации уже сельской местности и полупустынной периферии Северной Африки. Здесь вплоть до XVI в. шла ассимиляция пришлого населения, приведшая к популяризации в Ифрикийе, а затем в Среднем и Дальнем Магрибе говоров, присущих бедуинским племенам. Эффективность подобного воздействия была неоднозначной в разных культурных и географических ареалах Магриба. Так, берберские горцы-масмуда, слабо контактировавшие с арабскими переселенцами-ма'акил, стали утрачивать свою спаянность вследствие появления в их среде арабизированной элиты в начале XIII в. Зато Рифские горы, юг приатлантических равнин Марокко и труднодоступные части Атласа даже в XV в. оставались вне зоны арабизации. Установление господствующего положения

арабского языка в Северо-Западной Африке не сказалось на устойчивости традиционной берберской культуры. Однако успехи арабизации способствовали формированию в XIV–XV вв. атмосферы культурного отчуждения между принявшей ее административной и культурной элитой Магриба и массами сельских жителей и горцев, продолжавшими говорить на берберских диалектах.

Это обстоятельство придало межплеменному соперничеству оседлых и кочевых берберов постальмохадского Магриба этнокультурную окраску. В нем участвовали как арабы и арабизированные берберы, ассоциирующие себя с государствами Маринидов, Абдельвадидов и Хафсидов, так и кочевое и оседлое берберское население, отвергавшее арабизацию и активно противостоявшее этим династиям. Существенным фактором этнодемографических и политических процессов в Магрибе XIII–XV вв. стала андалусская эмиграция. Несмотря на солидную численность и активное участие андалусцев в развитии местных обществ, их воздействие на Магриб проявилось неравномерно. Дух независимости, присущий уроженцам ал-Андалуса, ослаблялся их «чужеродностью» и экзогенным характером этой общественной группы для арабо-берберской традиции Северной Африки.

Хамиди Наим Лиесович
Институт стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК АЛЖИРСКИХ СОЛДАТ ФРАНЦУЗСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ АРМИИ (ХАРКИ) В ВОСПРИЯТИИ АЛЖИРСКОГО ОБЩЕСТВА

С момента получения Алжиром независимости и полного суверенитета прошел 61 год. Именно столько лет харки – алжирцы, воевавшие на стороне Франции в период национально-освободительной войны в Алжире (1954–1962 гг.), не видели родину, и, вероятнее всего, вряд ли увидят в силу пожилого возраста. После подписания Эвианских соглашений 18 марта 1962 г. фактически правившая Алжиром партия ФНО (Фронт Национального Освобождения) начала расправляться с «предателями родины», как их именовали алжирцы, воевавшие за независимость, самым жестоким образом. Чтобы избежать верной смерти от рук своих соотечественников, харки были вынуждены бежать во Францию, где для них и началась новая и очень насыщенная жизнь.

Стратегические планы и амбиции метрополии стали первопричиной возникновения проблемы харки, которая и в наши дни не теряет своей актуальности. Их фамилии были занесены в черный список, табу на въезд распространялось и на потомков харки. Любые попытки возвращения на родину пресекались алжирскими пограничниками самым тщательным образом. В результате харки и их семьи остались брошенными на произвол судьбы, поскольку вернуться в Алжир было невозможно, а во Франции они на долгое время были помещены в отдаленные от городов лагеря, не имея никаких прав и возможностей. Лишь в начале XXI столетия ситуация начала меняться, харки получили признание, однако в Алжире любое их упоминание остается табуированным. Алжирский народ по большей части солидарен с официальной позицией властей, однако ему искренне жаль детей и внуков харки, которые не имели отношения к событиям Национально-освободительной войны в Алжире.

На локальном уровне проблема примирения алжирских властей с харки и их потомками кажется невозможной. Однако в эпоху технического прогресса и высокоразвитых информационных технологий мировому сообществу под силу привести такие доводы, чтобы алжирская правящая верхушка могла пойти на компромисс.

**«ТЛЕМСЕН, ЖЕМЧУЖИНА МАГРИБА»:
ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ПОГРАНИЧНОЙ ПРОВИНЦИИ
В КОНТЕКСТЕ АЛЖИРО-МАРОККАНСКИХ «ВОЙН ПАМЯТИ»**

В историческом и культурном плане город Тлемсен и его провинция на западе современного Алжира много веков принадлежали как к Среднему, так и к Дальнему Магрибу. В развитии городской традиции Тлемсена сыграла свою роль берберская составляющая: название города восходит к словосочетанию *тала имсан* (берб. сухое русло). В то же время Тлемсен уже в раннем Средневековье стал важным перевалочным пунктом транссахарской торговли и колыбелью арабо-мусульманской учености. Город неоднократно становился центром самостоятельной исламской государственности: хариджитской общины Бану-Ифран (VIII в.), государств Сулайманидов (786–931 гг.) и Абд ал-Вадидов (Заййанидов) (1236–1554 гг.). Правящие элиты Тлемсена имели родственные или политические связи с Марокко. Так, родоначальник династии Сулайманидов Сулайман ибн Абдаллах приходился родным братом основателю первой в Магрибе мусульманской династии Идрисидов (788–974 гг.) Идрису ибн Абдаллаху. Марокканские по своему происхождению династии Альморавидов и Альмохадов в XI–XIII вв. способствовали становлению Тлемсена как ключевого опорного пункта дальней торговли. В постальмохадскую эпоху местная династия Абд ал-Вадидов соперничала с марокканскими Маринидами, что дважды привело к осаде и завоеванию города марокканскими ополчениями – при маринидских султанах Абу-л-Хасане Али (в 1335–1337 г.) и Абу Инане Фарисе (в 1352 г.). Тлемсен также служил полем постоянного соперничества между османскими властями Алжира и марокканскими правителями из династий Сааидов (1511–1659 гг.) и Алауитов (с 1631 г.). В еще одной марокканской оккупации Тлемсена (в 1830–1832 гг.) выразилась реакция султана Мулай Абд ар-Рахмана (1822–1844 гг.) на французскую экспансию в Алжире. В обстановке длительного политико-дипломатического противостояния независимых Алжира и Марокко правительство королевства не упускает случая продемонстрировать особый характер исторических и культурных связей Дальнего Магриба и тлемсенской провинции. Об этом свидетельствуют и обвинения алжирцев в присвоении марокканского культурного наследия, выдвинутые министерством культуры Марокко из-за характерного тлемсенского узора *машвари* на тренировочной форме алжирской сборной, изготовленной *Adidas* к Чемпионату мира по футболу 2022 г.

Борис Моисеевич Горелик
Институт Африки РАН

**ПЕРВАЯ АФРИКАНСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ВОЙНА XX В.
В ВОСПРИЯТИИ ЛЬВА ТОЛСТОГО И ЕГО ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ**

Одна из известнейших колониальных войн, англо-бурская война 1899–1902 гг., вызвала необычайно сильный отклик среди представителей всех социальных групп в Российской империи. Причины этого явления предстоит выяснить. Показательны в этом смысле взгляды Л.Н. Толстого, одного из влиятельнейших русских писателей и мыслителей того времени. Продолжая разрабатывать учение о непротавлении злу насилем, Толстой проверял свои прежде высказанные соображения на материале англо-бурской войны. Как многолетний противник империализма он сочувствовал защитникам южноафриканских республик. Но как принципиальный противник насилия он осуждал их за ведение вооруженной борьбы. Лев Николаевич и его последователи отказывали бурам в праве на применение насилия в целях

самозащиты. В этом они разошлись даже с социалистами, которые допускали использование насилия в освободительной борьбе.

Толстой рассматривал англо-бурский конфликт в глобальном контексте как типичную войну новой эпохи. Обдумывая новости с южноафриканских фронтов, он заключил, что для таких войн были характерны безнравственные цели и способы ведения боевых действий, а также неучастие в боевых действиях тех, в чьих интересах они ведутся (крупных инвесторов, манипулирующих правительством). Размышления о южноафриканском вооруженном конфликте привели Толстого к выводу о незаинтересованности правительств в искоренении милитаризма. Покончить с войной, считал он, можно благодаря ненасильственному протесту обычных людей. В отличие от участников массовой пробурской кампании, Толстой и его единомышленники полагали, что усилия жителей России должны быть направлены на борьбу с несправедливостью на родине и нравственное самосовершенствование.

С точки зрения Толстого, в южноафриканской войне столкнулись европейская армия, преследовавшая аморальные цели, и малочисленные, но исполненные веры в справедливость буры. Безнравственность англо-бурской войны и других вооруженных конфликтов того времени свидетельствовала о духовном кризисе Европы, который приведет к ее ослаблению и социальным потрясениям. Чтобы избежать трагедии, российский народ, по мнению Льва Николаевича и его последователей, должен был извлечь уроки из этой далекой войны.

Стрельцов Алексей Дмитриевич
Институт Африки РАН

ВОПРОС О ВОЗМОЖНОМ ПРИСОЕДИНЕНИИ БРИТАНСКИХ КОЛОНИАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ ЮГА АФРИКИ К ЮЖНО-АФРИКАНСКОМУ СОЮЗУ В 1910–1939 гг.

1. После провозглашения доминиона Южно-Африканский Союз в 1910 г. встал вопрос о расширении его границ за счет британских владений на юге Африки: трех протекторатов – Свазиленда, Бечуаналенда (ныне Ботсвана) и Басутоленда (ныне Лесото) и Южной Родезии.

2. Потенциальная возможность передачи этих территорий была зафиксирована в Законе об образовании ЮАС (1909 г.).

3. Лидеры ЮАС продемонстрировали стремление получить контроль над указанными территориями еще до образования доминиона.

4. Проблему передачи ЮАС трех территорий рассмотрел прошедший в 1908–1909 гг. Национальный конвент, в ходе работы которого выявилось нежелание африканеров и англоязычных колонистов предоставлять какие-либо политические права небелым жителям страны. Британское руководство считало себя покровителем черного населения юга Африки, поэтому руководители Министерства по делам колоний пришли к выводу о необходимости сохранить территории под имперским управлением.

5. До 1922 г. Южная Родезия развивалась под управлением Британской южноафриканской компании (БЮАК). Хотя здесь не нашли полезных ископаемых, что привело к разорению БЮАК, в Родезии успешно развивалось сельское хозяйство. В 1922 г. здесь прошел референдум, на котором белые жители Родезии высказались против присоединения к ЮАС.

6. Британское руководство и лидеры ЮАС вели переговоры о передаче Басутоленда, Свазиленда и Бечуаналенда до 1939 г., но она так и не состоялась. Затем данный вопрос окончательно потерял актуальность.

7. Лондон не передал свои владения на Юге Африки ЮАС по двум причинам. Во-первых, британское руководство обеспокоено сепаратистских настроений африканеров, которые привели к провозглашению ЮАС суверенным государством в 1934 г. Во-вторых, Великобритания учитывала мнение местного населения своих владений. Великобритания считала себя покровительницей черного населения, а также защитницей его прав и должна была

учитывать его мнение, что было одним из условий передачи Басутоленда, Бечуаналенда и Свазиленда ЮАС, содержащимся в приложении к Закону о Южной Африке 1909 г. Население протекторатов, как черное, так и белое, было против вхождения в состав ЮАС, поскольку опасалось нарушения своих прав властями доминиона.

Alexey D. Streltsov

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

THE PROBLEM OF THE POSSIBLE ANNEXATION OF THE BRITISH COLONIAL POSSESSIONS OF SOUTHERN AFRICA TO THE UNION OF SOUTH AFRICA IN 1910–1939

1. After the proclamation of the dominion the Union of South Africa in 1910, there arose the problem of expanding its borders at the expense of British possessions on the South Africa: three protectorates – Swaziland, Bechuanaland (now Botswana), and Basutoland (now Lesotho) and Southern Rhodesia.

2. The potential possibility of transferring these territories was fixed in South Africa Act (1909).

3. The leaders of the Union of South Africa demonstrated their desire to gain control over these territories even before the formation of the dominion.

4. In 1908–1909, the problem of the transfer of the three territories to the Union of South Africa was considered by the National Convention, whose work revealed the unwillingness of Afrikaners and English-speaking colonists to grant any political rights to non-white residents of the country. The British leadership considered itself the patron of the black population of Southern Africa, so the leaders of the Ministry of Colonial Affairs came to the conclusion that it was necessary to preserve the territories under imperial administration.

5. Until 1922, Southern Rhodesia developed under the governance of the British South Africa Company (BSAC). Although no minerals were found here, which led to the ruin of the BSAC, agriculture was successfully developing in Rhodesia. In 1922, a referendum was held here, in which the white inhabitants of Rhodesia spoke out against joining the Union of South Africa.

6. The British leadership and the leaders of the Union of South Africa negotiated the transfer of Basutoland, Swaziland and Bechuanaland until 1939, but it never took place. Then this issue finally lost its relevance.

7. London did not transfer its possessions in Southern Africa to the Union of South Africa for two reasons. Firstly, the British leadership was justifiably afraid of the separatist sentiments of the Afrikaners, which led to the proclamation of the Union of South Africa as a sovereign state in 1934. Secondly, the UK took into account the opinion of the local population of its possessions. Great Britain considered itself the patron of the black population, as well as the defender of its rights, and had to take into account its opinion, which was one of the conditions for the transfer of Basutoland, Bechuanaland and Swaziland to the Union of South Africa, contained in the appendix to the South Africa Act 1909. The population of the protectorates, both black and white, was against joining the UAS, because they feared the violation of their rights by the dominion authorities.

Loise Wanjiru Muchemi

Kenyatta University, Kenya

RE-THINKING CHIEFTAINCY AND SLAVERY IN PRE-COLONIAL AND COLONIAL CENTRAL KENYA, 1850–1963

This paper is a departure from the traditional way of looking at chiefs where emphasis was placed on them being victims during slave trade. Therefore, this paper seeks to delve deeper into the

various forms of slavery in traditional African society and how some chiefs were actually the perpetrators of slave trade. Additionally how this chiefs were promoted by colonial masters and would recruit their subjects to either join World War One or Two as carrier cops, others to work in colonial farms as cheap labour or become home guards and offer home security to the colonial masters. It should be noted that capturing, exploiting and trading enslaved people was an integral part of the development of many societies worldwide and throughout history and these studies have attracted several scholars. However, slavery in the interior of Kenya and especially Central Kenya has received little scholarly attention and hence is the focus of this study. Slavery in Central Kenya, especially among the Agikuyu, was in various forms, for example prisoners of war after raiding their neighbouring communities, those unable to pay their debts, the landless would be sold and the weak were captured. This research will depend on both primary and secondary sources. Oral interviews will be conducted with the guide of a questionnaire. Missionary sources and archival sources will be also consulted. This paper will make an important intellectual contribution to the ongoing debate on chiefs in pre-colonial and post-colonial slavery and abolition of slavery and colonial chiefs and the role during decolonization of Africa.

Дьяков Николай Николаевич

Санкт-Петербургский государственный университет

**МУСУЛЬМАНКА ТУНИСА ПЕРЕД ЛИЦОМ КОЛОНИЗАЦИИ
И НА ПОРОГЕ ЭМАНСИПАЦИИ В СОЧИНЕНИИ ТАХИРА АЛ-ХАДДАДА
«О ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИНЫ В ШАРИАТЕ И ОБЩЕСТВЕ» (1929)**

Тунис – земля древнего Карфагена и арабской Ифрикии, куда ислам ступил еще в I в. хиджры, в новейшее время стал эпицентром дискуссий в общественной мысли мусульман Северной Африки. Именно здесь, на пороге Большого Магриба, арабы столкнулись некогда с особой ролью женщины в социальных институтах берберов.

Положение женщины в Магрибе привлекало внимание многих исследователей, особенно после начала французской колонизации региона в XIX в. «Женский вопрос» обрел свое место в трудах таких классиков исламской мысли, как Дж. ал-Афгани и М. Абдо, в творчестве известных востоковедов (В.В. Бартольд, Л. Масиньон, Ж. Берк, М. Родинсон и др.), а также в работах современных российских авторов (Р.Г. Ланда., М.Ф. Видясова, В.В. Орлов, Н.А. Жерлицына, А.Ю. Коровкина и др.).

Два межвоенных десятилетия (1918–1939) были отмечены на севере Африки ростом национально-патриотических выступлений, в которых исламский фактор играл не последнюю роль. Поиск путей возрождения национальной самобытности вызвал появление новых ярких имен, за которыми с готовностью следовали мусульмане Магриба.

В числе лидеров общественного мнения колониального Туниса имя Тахира ал-Хаддада (1899–1935) заняло особое место. Ровесник «младотунисского движения», родившегося на пороге XX в., Т. ал-Хаддад получил в 1920-е годы известность благодаря участию в движении конституционалистов-либералов (араб. *«ад-дустурийун ал-ахрар»*), в становлении профсоюзного движения, в деятельности популярного в стане патриотических сил Пролетарского университета.

Проблемы социального реформирования мусульманского Туниса в годы французского протектората (1881–1956) заняли особое место в публицистике Т. ал-Хаддада. Большое внимание он уделял положению женщины-мусульманки, что было характерно для творчества представителей обновленческого движения.

В конце 1929 г. Т. ал-Хаддад завершает свой ставший хрестоматийным труд о месте женщины в колониальном Тунисе *«О положении женщины в шариате и обществе»*. Это сочинение – не просто книга о доле мусульманки, но глубокий социокультурный обзор роли ис-

лама в системе семейно-брачных отношений, в воспитании и образовании, в формировании контактов с внешним миром, в т.ч. в гендерной сфере.

Nathaniel B. Gimba Luka

Adamawa State University, Adamawa State, Nigeria

AUDACITY TO SURVIVE: AN INEFFABLE STORY OF IGBO FEMALE COMBATANTS DURING THE NIGERIA-BIAFRA WAR, 1967–1970

The impenitent chauvinistic attitude of most male, and some female historians towards research and writing of the histories of the enormous contribution of women in history, especially in Africa and Nigeria in particular, cannot be overemphasized. Unfortunately, the frantic efforts of the federal government to keep the federation intact could be one of the reasons behind the misconception on the Igbos fight to secede during the Nigeria-Biafra War, 1967–1970. This, by implication, explain why there was dearth of important information on Igbo female combatants who exhibited gallantry, dexterousness, and on the extreme, sacrificed their lives in defense of their motherland during the Nigeria-Biafra war. These women became casualties in an avoidable war; they, unfortunately, paid the supreme price. The paper examines the role of those illustrious Igbo women in defending their motherland during the Nigeria-Biafra war, 1967–1970. It also attempts to bring into light the dangers these Igbo female combatants were exposed to during the war which most of them also suffered thereafter. The study also discovered that most of these Igbo female combatants also became victims of rape and other forms of abuses they were exposed to during the war which made them suffer unwarranted trauma afterwards. Data were collected from primary, secondary and tertiary sources. The study concluded that, although it was an internal war, the need to recognize and appraise the efforts of these heroines whose exemplary contributions can be used as a moral lesson in boosting the much needed spirit of patriotism and nationalism in both male and female Nigerian citizens for national growth and development.

Боркунов Никита Валерьевич

Институт всеобщей истории РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА ДАР-ЭС-САЛАМА И ДЕБАТЫ В ТАНЗАНИИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА *СНЕСНЕ* (1960–1970-е ГОДЫ)

Историческая школа Дар-эс-Салама, известная, прежде всего, благодаря таким историкам, как Исариа Н. Кимамбо, Терренс Ренджер и Уолтер Родни, была одним из первых исследовательских центров, предложивших свою собственную программу изучения национальной истории африканской страны в период деколонизации. Исторические и историко-антропологические труды, посвященные истории этнических групп в эпоху колониализма, традиции, роли Африки в мировой экономике и др., данной школы были новаторскими и остаются актуальными до сих пор. Вопросам исследовательского наследия и роли сотрудников Дар-эс-Саламского университета в продвижении африканской истории посвящены множество статей и монографий, более того, в последние годы устраиваются конференции и выходят тематические номера журналов, посвященные их наследию, что говорит о возрождении интереса к данной группе ученых.

Актуальность исследований идей, а также общественно-политической деятельности африканских историков подтверждается и возникшей недавно дискуссией между двумя историками – С. Файерманом и О. Масебо – на страницах журнала *Journal of Contemporary African*

Studies о «циркуляции знания» между Глобальным Севером и Югом и той роли, которую именно африканские исследователи играют в производстве и определении этого знания. Часто вопрос ставится следующим образом: «Чему нас может научить деятельность, методология и программа Дар-эс-Саламской исторической школы?». Однако прежде чем дать ответ на этот вопрос, кажется необходимым контекстуализировать их идеи и деятельность в свете последних исследований политической мысли и практики в Восточной Африке, а также тех дискуссий, которые возникали в период их творчества, то есть в период деколонизации (1960–70-е годы).

Так, с одной стороны, работы, посвященные истории политической мысли и публичной сферы в Танзании, как правило, фокусируются на сочинениях и речах первого президента ОРТ (Объединенная Республика Танзания, далее – ОРТ) Дж.К. Ньерере, при этом показывая их роль в дискуссиях, разворачивавшихся в газетах районного уровня, а также в переписке районных властей и местных жителей. Но те споры и конфликты, которые разворачиваются между местными историками и властями, например, на страницах журнала *Cheche* (суах. – искра) оказываются вне предмета рассмотрения данных работ. Это не делает их менее ценными, скорее, расширение эмпирического материала позволяет усилить некоторые тезисы, а также поместить их в контекст параллельной дискуссии о том, что такое «африканское знание», какова роль постколониального африканского университета, а также вопросов, центральных для периода деколонизации, о развитии и будущем не только государства ОРТ, но и Африки в целом.

В докладе на материалах статей, монографий, журнальных дискуссий и свидетельств современников будет проанализирована дискуссия, разворачивающаяся между представителями Дар-эс-Саламской исторической школы, историками других стран, как например, кенийским историком А. Мазруи, а также государственными официальными лицами Танзании. Таким образом, автор доклада ставит перед собой цель контекстуализировать труды школы, а также осветить остающийся до сих пор не охваченным вопрос их роли в истории политической мысли Танзании и Африки.

Основные выводы доклада:

- Дар-Эс-Саламский Университет может быть рассмотрен как одна из центральных площадок политической дискуссии, посвященной вопросам постколониального будущего ОРТ в период с 1960-х по 1970-е годы.
- Несмотря на большое количество западных ученых, занимавшихся исследованиями в Дар-эс-Саламском университете, неверным будет говорить о «вестернизации» или неокOLONиализме университета и исторической школы.
- Основные темы дискуссии (национализм, классовое и гендерное неравенство, неокOLONиализм, африканский социализм) оказываются важными для сравнения и находят общие места с публичными дискуссиями, ведущимися на районном и окружном уровнях.

Воеводский Александр Валентинович
НИУ ВШЭ; ИВИ РАН; РАНХиГС

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ ЗИМБАБВЕ В НАЧАЛЕ 1970-х ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Освободительное движение Зимбабве прошло долгий путь развития, начав складываться еще в британской Южной Родезии в 1950-е годы. К концу 1960-х годов в нем сформировались две ведущие силы: Союз африканского народа Зимбабве (ЗАПУ) и Африканский национальный союз Зимбабве (ЗАНУ). Их лидеры на тот момент находились в тюремном заключении или же в эмиграции, где пытались организовать вооруженную борьбу против режима

Яна Смита. В 1970–1971 гг. в ЗАПУ произошел раскол, который, как отмечает В.Г. Шубин в книге «Горячая “Холодная война”: Юг Африки (1960–1990 гг.)», нанес огромный ущерб организации и обусловил впоследствии переход лидерства к ЗАНУ. В результате раскола образовался Фронт освобождения Зимбабве (ФРОЛИЗИ), который возглавили Дж. Чикерема и Дж. Ньяндоро. В ГА РФ в фонде Советского комитета солидарности стран Азии и Африки хранится целый ряд документов, относящихся к данным событиям: Обращение ФРОЛИЗИ к генеральному секретарю Организации солидарности народов Азии и Африки, проект устава Фронта, его декларации и т.д. Документы из этого фонда также дают представления об изменениях, произошедших в ЗАПУ после раскола. Это, прежде всего, отчет о результатах заседания Комитета освобождения ОАЕ в Кампале и сессии министров иностранных дел стран – членов ОАЕ в Рабате в 1972 г. На этих заседаниях рассматривалось положение в освободительных движениях юга Африки и были предприняты шаги по их примирению и объединению усилий в борьбе с расистскими и колониальными режимами на юге Африки. Определенный интерес также представляет проект Идеологической концепции партии ЗАПУ, разработанный в 1972 г.

Все эти документы представляют для исследователя несомненную ценность, так как позволяют рассмотреть политическую борьбу в освободительном движении Зимбабве не только с точки зрения личного и кланового соперничества, но и с позиции выбора определенных политических и идеологических стратегий каждой из противостоявших друг другу политических организаций.

Попова Ксения Игоревна
Институт всеобщей истории РАН

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ ГДР В АФРИКЕ НА АКАДЕМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ КОНТИНЕНТА

Внешняя политика ГДР с момента основания была нацелена на установление дипломатических связей с африканскими государствами. Одним из важных аспектов взаимодействия стало установление академических связей и обоснование поддержки африканцев в антиколониальной борьбе через научные исследования африканской истории. На протяжении существования Восточной Германии политическое отношение и исторический дискурс вокруг африканской проблематики менялись, в связи с чем целью доклада является рассмотрение данной динамики.

**Секция IV-2. Формирование наций в Африке:
исторические и культурно-антропологические аспекты**

**Panel IV-2. The formation of nations in Africa:
historical, cultural and anthropological aspects**

Руководитель/Convenor: Бондаренко Дмитрий Михайлович, д.и.н., чл.-корр. РАН,
Институт Африки РАН

Соловьева Дарья Владимировна
Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

**ДЖИХАД КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ
В МАРОККО (XVII–XVIII вв.)**

Марокко, или Дальний Магриб (араб. ал-Магриб ал-Акса) – страна, расположенная на крайнем западе арабского-мусульманского мира. Одним из важных факторов ее исторического развития была географическая близость к Европе. Марокканское побережье являлось частью так называемого иберийского фронта, или порубежья, границей между *дар ал-ислам* (земли ислама) и *дар ал-харб* (территория войны, немусульманские страны). Данное положение оказывало серьезное влияние на внутривосточную ситуацию и идейные установки населения по обе стороны от линии противостояния.

Жители Дальнего Магриба принимали участие в джихаде, или священной войне против иноверцев, в ал-Андалусе (мусульманской Испании) еще со времен Реконквисты (VIII–XV вв.). С захватом португальцами Сеуты в 1415 г. противостояние переместилось на марокканскую территорию. Испано-португальская экспансия вызывала подъем религиозного рвения и воинственных настроений среди местного населения.

В традиционном сознании марокканцев того времени представления о надплеменном самоопределении были тесно переплетены с религиозной идентичностью. В связи с этим, именно джихад становился основой для сплоченности разнородного населения Дальнего Магриба. Эту ситуацию хорошо осознавали марокканские правители: лозунги священной войны последовательно использовались султанами династий Сааидов (1511–1569 гг.), а затем Алауитов (1631 г. – наст. время), и являлись одним из важных источников их легитимности. Изучение летописных трудов и городских хроник показывает, что марокканские монархи XVII–XVIII вв. непрерывно вели борьбу за освобождение марокканского побережья от присутствия иноверцев. Особенно яркими победами на этом поприще прославился алауитский султан Мулай Исмаил (1672–1727 гг.), которому удалось восстановить контроль над большей частью захваченных городов.

Успешное ведение джихада позволяло правителям укрепить свой авторитет в глазах подданных и становилось своего рода пространством для всеобщего консенсуса. Таким образом, идеи джихада становились консолидирующим фактором и служили основой для становления марокканцев как национальной общности в XVII–XVIII вв.

Сулейманов Ильяс Радиевич
Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

«ЧЕРНАЯ ВЕСНА». АЛЖИРСКИЙ БЕРБЕРИЗМ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Берберы являются этническим меньшинством в Алжире и составляют немногим более четверти населения. Берберы Алжира хотят сохранить свою собственную культуру и свои

языки, основной из которых обычно называют «тамазигт». В Алжире большинство людей, говорящих на берберском говоре, проживает в районе Кабилии, другие берберские диалекты существуют в сельской местности.

В настоящем докладе будет дано краткое введение в историю берберского движения в Алжире. Основное внимание исследования было направлено на события, которые начались весной 2001 г. и получили название «черная весна». Так, будет проиллюстрировано, что 1) события «черной весны» впервые позволили берберским неправительственным организациям совместно артикулировать список претензий к правительству Алжира, которые были выражены в Платформе Эль-Ксер; 2) берберские организации доказали свою способность мобилизовывать внушительное количество людей, готовых объединяться против ряда несправедливостей в отношении их языка, культуры, социально-экономического статуса в алжирском обществе; 3) алжирское правительство в рамках политики «национального примирения» не могло игнорировать берберский фактор, что привело к выполнению части требований берберов. Организацией протестов занимались местные сельские комитеты, которые отвергали местных чиновников, политиков и полицию. Они были сформированы в региональные группы, лидером которых стал Координационный совет деревенских комитетов в Кабилии (КСДКК).

Автор исследования выявил несколько причин произошедшего в Алжире весной 2001 г.: нецелесообразное применение силы со стороны правоохранительных органов, распространенная бедность и безработица среди берберского населения, отсутствие жилья. Также неспособность местных органов управления решить социально-экономические проблемы, злоупотребление своей властью и презрение со стороны правоохранительных органов – для этой проблемы в алжирском обществе существует специальный термин «хогра» (от араб. حقر – презирать, пренебрегать).

В конце доклада будут сделаны выводы о том, что после «черной весны» у лидеров берберов сформировались основные позиции и условия, на которых они готовы на диалог с правительством. С 2002 г. тамазигт признан национальным языком, что хоть и не соответствовало основному требованию по признанию тамазигта официальным языком наравне с арабским, однако задало импульс в берберском обществе, который предвещал перемены.

Добронравин Николай Александрович
Санкт-Петербургский государственный университет

ОТ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЛЕМЕНИ К ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ НАЦИИ И ОБРАТНО

В колониальную эпоху все «туземное» население европейских владений в Африке было официально разделено на племена. Колониальное племя с определенным названием, языком, внутренним делением на «кланы» или «подплемена», системой управления и границами лишь частично опиралось на доколониальную политическую традицию и представляло собой новое явление в истории Африки.

После деколонизации практически все африканские государства стремились создать собственные нации на базе национальной идеологии и исторической мифологии. Во многих странах такие нации сформировались, однако колониальное племя не исчезло, несмотря на запреты (как, например, в Сомали). В некоторых странах по-прежнему используется терминология, унаследованная от колониальной эпохи; в других слова «племя» и «клан» заменяют новыми терминами (например, «этническая группа»), однако суть явления не меняется.

В условиях политических кризисов, и особенно в странах на стыке Субсахарской Африки и арабского мира, произошло слияние колониальных и традиционных мусульманских представлений о племенах. На практике постколониальные представления о единой нации вновь заменяются взглядом на население как на совокупность племен и кланов. Республика Судан – один из ярких примеров такого движения от племени к нации и обратно.

FROM COLONIAL TRIBE TO POST-COLONIAL NATION AND BACK AGAIN

During the colonial era, the entire “native” population of the European possessions in Africa was officially divided into tribes. A colonial tribe with a definite name, language, internal division into “clans” or “sub-tribes”, a system of government and boundaries was only partially based on the pre-colonial political tradition and represented a new phenomenon in the history of Africa.

After decolonization, almost all African states sought to create their own nations on the basis of national ideology and historical mythology. In many countries, such nations have taken shape, but the colonial tribe did not disappear despite all attempts to erase it (for example, in Somalia). In some countries, terminology inherited from the colonial era is still used; in quite a few African states, the words “tribe” and “clan” are replaced by new terms (e.g., “ethnic group”), but the essence of the phenomenon has not changed.

In the context of political crises, especially in the countries at the junction of sub-Saharan Africa and the Arab world, there was a fusion of colonial and traditional Muslim ideas about tribes. In practice, the post-colonial notion of a single nation is once again being replaced by the view of the population as a collection of tribes and clans. The Republic of Sudan is one of the most striking examples of this movement from tribe to nation and back again.

Бондаренко Дмитрий Михайлович
Институт Африки РАН; РГГУ

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИЙ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ АФРИКЕ ЮЖНЕЕ САХАРЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА (НА ПРИМЕРАХ ТАНЗАНИИ, УГАНДЫ И ЗАМБИИ)¹⁸

В наше время государства Запада вынуждены отходить от классической концепции нации как культурно целостной общности и искать решение проблемы поддержки единства своих граждан при сохранении культурного многообразия, принесенного в последние десятилетия мигрантами со всего мира. В современных условиях нельзя исключать, что постколониальные государства, большинство из которых поликультурно изначально вследствие уникальной истории образования, окажутся в предпочтительном положении, если откажутся от попыток строительства наций по устаревшей классической западной модели. В то время как необратимая глобализация ассоциируется с модерном (Новым временем), начавшимся на Западе полтысячелетия назад, нациестроительство в современных постколониальных странах показывает, что глобализация никоим образом не синонимична вестернизации, а модерн как исторически обусловленный тип общества и культуры распадается на множество модернов. Проведенный нами анализ процесса становления наций в трех постколониальных государствах Африки – Объединенной Республике Танзании, Республике Замбии и Республике Уганда – показал, что сегодня вследствие лучших исторических предпосылок Танзания ближе, чем Замбия и Уганда (и вообще большинство стран субсахарской Африки), подошла к сложению нации как общности сограждан, приверженных единым базовым ценностям, обладающих единой культурой и идентичностью поверх локальных и частных – этнических, региональных, конфессиональных – культур и идентичностей с их системами ценностей, для которых лояльность одному для всех них национальному государству первична по отношению к обусловленным ими различиям. В Замбии и Уганде же локальные идентичности, осо-

---

¹⁸ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01091, <https://rscf.ru/project/23-18-01091/>.

бенно трибальные («племенные») и этнические, более значимы, чем в Танзании. Однако с учетом глобальной тенденции мультикультурализации, особенно явно проявляющейся сегодня на Западе, возможно, становится не менее, если не более перспективным положение не Танзании, а Замбии, Уганды и большинства подобных им постколониальных стран.

Dmitri M. Bondarenko

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences;
Russian State University for the Humanities

**NATION BUILDING IN POST-COLONIAL SUB-SAHARAN AFRICA:
HISTORICAL CONDITIONS AND STATE POLICY
(CASE STUDIES OF TANZANIA, UGANDA AND ZAMBIA)¹⁹**

In the post-colonial period of world history that began after World War II, the fundamental characteristic of the nation as a culturally integral, homogeneous (monocultural) community is changing. This feature became a cornerstone of the concept of nation at its formation in the West by the last decades of the 18th century, but provoked by decolonization migration flows from the Global South to the Global North change nations as realities, as well as the concept of nation in the countries of the North making them multicultural. Liberated states of Asia and Africa are multicultural from the very beginning, because they inherited the colonial borders in which, as a rule, many peoples were united. The author raises the question if their initial multiculturalism can become not an obstacle in the path of their development but their advantage in the present-day world if they stop trying to build nations on the outdated Western model of the late 18th – mid-20th centuries and go to building nations as multicultural communities.

The paper is based on a combination of historical analysis with analysis of field anthropological evidence collected by the author in the post-colonial African states of Tanzania, Zambia, and Uganda between 2003 and 2018. The analysis has shown that today, due to better historical prerequisites, Tanzania is closer than Zambia and Uganda to the formation of a nation as a community of fellow citizens committed to the same basic values and having a single culture and identity over local and private – tribal, ethnic, regional or religious – cultures and identities with their value systems, for whom loyalty to one nation-state, common for all of them, is primary in relation to the differences caused by them. In Zambia and Uganda, local identities are more significant than in Tanzania. However, considering the global trend of multiculturalization, the situation in Zambia, Uganda, and most similar post-colonial countries, perhaps, may become no less promising.

**Банщикова Анастасия Алексеевна,
Иванченко Оксана Васильевна**
Институт Африки РАН; РГГУ

**«СМЕРТЬ ЯЗЫКОВ» И РАСПРОСТРАНЕНИЕ СУАХИЛИ
КАК НАЦИЕОБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННОЙ ТАНЗАНИИ²⁰**

Суахили изначально был прибрежным и, по сути, контактным языком побережья Восточной Африки, связанного с отдаленными регионами Индийского океана. Первая волна его проникновения вглубь континента наблюдалась в XIX в. в связи с распространением арабо-

---

¹⁹ The study was realized with support of the Russian Science Foundation (Project # 23-18-01091, <https://rscf.ru/en/project/23-18-01091/>).

²⁰ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01091, <https://rscf.ru/project/23-18-01091/>.

суахильской караванной торговли на дальние расстояния и работоторговли. Вторая крупная волна связана с деятельностью Дж. Ньерере. Первый президент независимой Танзании, ставя перед собой задачу формирования и сплочения единой нации в ситуации, когда для большинства граждан были более важны этнические корни и этническая самоидентификация, подразумевающая речь на языке своей этнической группы, выдвинул суахили в качестве объединяющего общегосударственного языка и приложил значительные усилия к его продвижению.

Полевые исследования Института Африки 2005 г. продемонстрировали успешность начинаний Отца нации: они показали, что танзанийцы сознательно говорят о суахили как о важном элементе, который их объединяет, позволяя ощущать себя частью единой надэтнической общности. Однако примерно в этот же период (1990–2000-е годы) появились работы, посвященные вымиранию языков небольших этнических сообществ Танзании из-за перехода на суахили как язык национального уровня: язык телевидения, литературы, межэтнического общения, крупных городов по мере роста урбанизации, более развитых экономически прибрежных районов страны, языка престижной культуры Занзибара. Даже тогда многие молодые люди уже не знали своих этнических языков или знали только приветствия. «Смерть языков» оказалась быстрым параллельным нацистроительству процессом, когда буквально за два-три поколения языки народностей вышли из употребления и оказались практически забыты. В докладе будут представлены материалы несвязанного полевого исследования, демонстрирующие результат этого процесса по состоянию на 2018–2022 гг.

Vladimir A. Popov
St Petersburg State University

ON THE FORMATION OF POLITICAL NATIONS IN SUB-SAHARAN AFRICA: GHANA CASE STUDY

The Republic of Ghana (former British colony of the Gold Coast) inherited ethnic heterogeneity of its population from the colonial period along with its state borders. The southern and central regions of Ghana are inhabited by Akans (Ashanti, Fanti, Akwapim, Akyem, Nzima, Ahanta, Abron, Gonja, etc.), whose potestarian-political culture had the most serious impact on the formation and functioning of the political nation of Ghana.

The paper is devoted to the identification and characterization of the main components of the traditional potestarian-political culture of the Akans, among which the following are the most significant: 1) matrilineality of inheritance of status and property; 2) avunculism; 3) co-ruling of the chief (ohene) and his female sibling (ohema); 4) the institute of elders (panin), who influence power-and-governance relations through the decisions of the councils of elders (of the village communities, chiefdoms or unions of chiefdoms); 5) the institute of okyeame – intermediaries (“linguists”) between the chiefs and their subjects; 6) the formations of the traditional order of battle as the basis of the administrative-territorial division of polities (omans); 7) the paramilitary nature of the potestarity apparatus and political structure of the omans; 8) special symbols and attributes of traditional power: stool-thrones, umbrellas, swords, wands and gold jewelry; 9) Odwira (Apafram) and Adaye festivals associated with the consecration of a new crop of yams and the veneration (commemoration and propitiation) of ancestors.

The author also defines the Akanian symbols and attributes of power that have already become an integral part of the all-ghanian political culture and political nation of Ghana: the State Sword, the Wand of the Parliamentary Speaker and the Chair of the President of Ghana.

ФЕДЕРАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В КАМЕРУНЕ

В докладе освещаются вопросы государственного и национального строительства в постколониальном Камеруне. Автор акцентирует внимание на ключевых фактах и событиях из истории государственности, политики, культуры и общественной мысли многоплеменного современного Камеруна. Отмечаются важные даты, связанные с деятельностью известных камерунцев, политических и государственных деятелей А. Ахиджо и П. Бийя.

Исследуются причины «англофонного кризиса» и сепаратизма Южного Камеруна, проблемы территориально-административного устройства Камеруна, напрямую связанные с национальным и федеративным вопросом. Камерун в нынешних границах – результат объединения британского Южного Камеруна с получившим независимость в 1960 г. французским Восточным Камеруном (Республика Камерун) в рамках федеративного государства в 1961 г. Французский и английский были объявлены официальными языками в Федеративной Республике Камерун. До 1953 г. Южный Камерун управлялся как часть Восточного района Нигерии, а затем, накануне образования ФРК, он получил самоуправление как «квазифедеральная» территория в Федеративной Республике Нигерия. Бывший британский ЮК затем стал называться Западным Камеруном.

Автор рассматривает проблему воссоединения и федерализации Камеруна. В 1972 г. в Камеруне была юридически оформлена унитарная форма государственного устройства. Федерализм и унитаризм в той форме, в какой они практиковались в Камеруне, – плоды французского колониализма и неоколониализма. Последствия отмены федерализма в Камеруне проявляются по сей день, хотя он был, в сущности, номинальным. Отсутствовало право выхода субъекта из состава федерации. Парламент был однопалатным, что подкрепляло преобладание Восточного Камеруна с его гораздо большей территорией и численностью населения, чем у Западного Камеруна. Автономия субъекта федерации – при сосредоточении исключительно широкого объема полномочий в руках федеральных органов – оказывалась иллюзорной.

В докладе анализируется опыт и перспективы федерализма и унитаризма в стране, результаты «Большого национального диалога», инициированного правительством для разрешения внутривнутриполитического кризиса. Подчеркивается преемственность режимов А. Ахиджо и П. Бийя, разделявших общие идеи – о внеклассовом статусе партии и государства, национальной самобытности африканских стран, «третьем пути», социальной справедливости, солидарности, единстве нации.

Andrey V. Korotayev
HSE University;

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

Timur Khayrullin

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences;

Financial University

TRADITIONAL CLAN ORGANIZATION OF SOMALIS AND THE MODERN POLITICAL SYSTEM OF THE FEDERAL REPUBLIC OF SOMALIA

Notwithstanding a few decades of almost constant upheavals, the Somali sociopolitical system has managed to achieve in this century a certain degree of stabilization. An important role here has been played by a consensus that has developed in the country regarding the occupation of senior

government positions, the distribution of power between the major clan families, formation of a more or less effective federal system, the integration into the Federal Government of the Rahanweyn and moderate Islamists.

In accordance with agreements reached in 2000 at the Arta conference, the Rahanweyn get the same share of places in the federal parliament as the “noble” Hawiye and Darod; representatives of the Rahanweyn clan family do not try to obtain the positions of president and prime minister at the federal level, conceding this right to representatives of the “noble” “pastoral” clans of Hawiye and Darod. At the same time, it was assumed that if a representative of the Hawiye clan-tribal association is elected to the post of president of the country, then a representative of the Darod super clan is appointed to the post of prime minister, and vice versa. On the other hand, the position of speaker of parliament was reserved for representatives of the Rahanweyn clan family, who, it should be noted, was to serve as the head of state-president until the next presidential election if the previous president, for one reason or another, was unable to fulfill his duties.

The subsequent events have demonstrated that the informal Arta agreements, which ensured a more or less acceptable (for all the main players) distribution of power between the main Somali clan families, have been observed in subsequent years with amazing accuracy, and this, despite all the colossal upheavals that this country experienced in the 21st century. There is reason to believe that this point has contributed to a certain stabilization of the situation in Somalia.

Let us also note the spatial distribution of power between the main Somali clan families on the federal basis, which is more or less acceptable for all the main players, when Puntland and Jubaland are controlled by representatives of the Darod clan family, Galmudug and Hirshabelle are headed by representatives of the Hawiye clans, and representatives of the predominantly agricultural Rahanweyn control only one Somali federal member state (the South West State), but the most fertile one. Thus, the revolutionary insurgency of the Rahanweyn Resistance Army of the late 1990s somehow finally contributed to the stabilization of situation in Somalia by raising the traditionally inferior status of the Rahanweyn agriculturalists to a level that is more or less equal to the one of the “noble pastoralist” clan families – Hawiye and Darod, and, thus, sufficiently integrating the Rahanweyn into the sociopolitical system of the Federal Republic of Somalia.

Секция IV-3. Религии в Африке: современные вызовы и перспективы развития

Panel IV-3. Religions in Africa: modern challenges and development prospects

Руководитель/Convenor: Горохов Станислав Анатольевич, д.г.н., Институт Африки РАН

Львова Элеонора Сергеевна
Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

ПАТРИАРШИЙ ЭКЗАРХАТ АФРИКИ

Российское православие в Африке насчитывает сравнительно недолгую историю. Попытки, ввести русское православие еще в XIX и начале XX в. не имели успеха. Первые храмы и общины появились лишь в Северной Африке и были инициированы эмигрантами после ухода Черноморской эскадры из Советской России. В этих общинах и более поздних на Сейше-лах и в ЮАР прихожанами были лишь русские эмигранты. Гораздо раньше в Африке южнее Сахары возникали православные общины из местного населения, принадлежавшие Александрийскому Патриархату в греческой церкви.

Положение изменилось после 2019 г., когда единоличным решением Патриарха Варфоломея было одобрено «отложение от общего православного церковного тела» Православной церкви Украины. РПЦ, в отличие от Александрийского Патриархата, считает его неканоническим и осудила как раскол православия. Многие африканские священники и прихожане, принадлежавшие к Александрийскому Патриархату («греки»), также не согласившиеся с решением Варфоломея, начали обращаться в РПЦ с просьбой об их окормлении в рамках русского православия. Тогда в 2021 г. Синодом РПЦ был создан Африканский Экзархат (Патриарший Экзархат Африки) во главе с епископом Клинским Леонидом. Экзархат включает два диоцеза: Северо-Африканский (31 страна) и Южно-Африканский (24 страны). В нескольких странах он получил официальную регистрацию. Правительства многих стран Африки положительно относятся к деятельности священников РПЦ.

Основная масса новообращенных – выходцы из греческого православия. Российские священники за истекшее время работали там, откуда поступали просьбы об окормлении. Они привозили церковную утварь, иконы, облачения; проводили службы; вели социальную работу: основывали школы, подсобные хозяйства, медицинские пункты, оказывали гуманитарную помощь и т.п. Для желающих посвятить себя священническому служению («ставленников»), организовывали курсы и направляли в Санкт-Петербургскую и Троице-Сергиевскую духовные академии. Появились и первые монахи. Делаются попытки проведения служб на местных языках, начаты переводы священных текстов (например, на суахили), а Пасхальные послания (22 апреля 2023 г.) были написаны на 7 языках. По утверждениям самого Экзарха, сейчас в Африке насчитывается 192 священника-африканца, 11 обучаются в духовных академиях России, прихожан же – несколько десятков тысяч.

Доклад основан на изучении сообщений Патриаршего Экзархата, публикаций в Журнале Московской Патриархии, интервью с православными миссионерами и анкетировании молодых африканцев, прибывших в нашу страну на учебу.

Работа эта рассматривается не только как чисто церковная, но как часть государственной. Церковная деятельность ведется в интересах текущей политики России, а труд священников получает поддержку МИД, послов в странах Африки и Русских культурных центров.

ОБРАЗОВАНИЕ ПАТРИАРШЕГО ЭКЗАРХАТА АФРИКИ: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В необратимых процессах развития многополярности геополитической системы заметную роль играют африканские страны, набирающие политический вес в международных отношениях. Религия в Африке играет весьма значимую роль и влияет на социальные и политические процессы, а африканцы, согласно оценкам, являются наиболее религиозными людьми в мире. В этой связи религия может быть одним из направлений, по которому могут выстраиваться взаимоотношения России и африканских государств.

Естественной ситуацией для православия в Африке было существование греческой Александрийской Церкви на континенте. Однако серьезным вызовом каноническому православию в Африке стало признание Патриархом Александрийским и всея Африки Феодором II раскольнической структуры – «православной церкви Украины» (ПЦУ), созданной киевской властью в 2018 г. Решение о признании ПЦУ не выносилось на голосование епископов Александрийского Патриархата, а было принято Патриархом Феодором единолично. Признание, а также сослужение Патриарха Феодора II с клириками ПЦУ сделало невозможным для части клириков, приходов и монастырей Африки нахождение под управлением Патриарха Феодора и заставило их обратиться к священноначалию Русской Православной Церкви с просьбой о своем вступлении в юрисдикцию Московского Патриархата, прекратившего с Александрийским Патриархатом церковное общение.

29 декабря 2021 г. Русская Православная Церковь образовала Патриарший Экзархат Африки, юрисдикция которого распространяется на весь континент. Московский Патриархат встречает сопротивление Александрийского Патриархата распространению православия в Африке русскими миссионерами, созданию новых приходов и переходу существующих приходов в подчинение Русской Православной Церкви.

Тем не менее распространение православия в Африке происходит стремительными темпами. С момента создания Экзархата количество приходов Русской Православной Церкви возросло до двухсот, а количество стран с такими приходами увеличилось до двадцати пяти.

Государство поддерживает Русскую Православную Церковь в деле укоренения русского православия в Африке, так как церковная миссия в Африке соотносится с текущей политической России по развитию сотрудничества с африканскими странами.

Дмитриев Руслан Васильевич,
Агафошин Максим Михайлович
Институт Африки РАН

ФОРМИРОВАНИЕ КАНОНИЧЕСКИХ СТРУКТУР РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В АФРИКЕ ПОСЛЕ СОЗДАНИЯ ПАТРИАРШЕГО ЭКЗАРХАТА

В 2023 г. в Африке было сосредоточено 718 млн приверженцев христианства, в том числе более 50 млн сторонников православных и других восточных церквей. К 2050 г. на ее территории будут жить почти 1,3 млрд христиан, или 40% численности адептов христианства в мире. Исторически Россию и Африку объединяют разнообразные экономические, политические и культурные отношения. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отмечает, что Россию и страны Африки связывает «общее понимание фундаментальных основ человеческой жизни и глубокая приверженность непреходящим нравственным ценностям». Присутствие Русской Православной Церкви (РПЦ) в странах Африки прослеживается с начала XVI в. –

традиционными направлениями ее деятельности были поддержка африканских единоверцев пожертвованиями и богословские контакты. Еще одной важной задачей для РПЦ в Африке стала духовная поддержка русскоязычной диаспоры на континенте: для этой цели в африканских государствах были созданы 5 русских приходов. Новый этап расширения присутствия РПЦ в Африке начался в 2021 г., когда был создан Патриарший экзархат Африки в составе двух епархий – Северо-Африканской и Южно-Африканской, в сферу пастырской ответственности которых входят 54 страны Африки. Среди африканцев велик запрос на духовное руководство, защиту и материальную помощь со стороны РПЦ. По состоянию на конец 2023 г. Патриарший экзархат Африки вел разнообразную пастырскую и гуманитарную деятельность в 25 странах континента, а в 6 из них – Замбии, ЦАР, Уганде, Нигерии, Танзании и Кении – было получено государственное свидетельство о регистрации. В структуре экзархата – более 200 клириков, высокими темпами идет процесс строительства православных храмов и обучения местных кадров в духовных образовательных учреждениях России. Большое внимание в деятельности экзархата также уделяется обеспечению православного населения Африки элементарными бытовыми условиями и необходимой медицинской помощью. Таким образом, расширение территориального присутствия РПЦ на континенте способствует продвижению гуманитарного и культурного сотрудничества России со странами Африки.

Хатагова Илона Юрьевна
МГИМО МИД России, Институт Африки РАН

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ КАК ЧАСТЬ АНТИКОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Рассмотрена система подготовки православных священнослужителей африканского происхождения для работы в регионе, включая сравнительный анализ с аналогичной системой католических религиозных институтов. Затронута проблема, связанная с работой неканонических церквей в Африке.

Проанализированы социальные функции церквей в Восточной Африке. Представлены перспективы Православной церкви с этой точки зрения и проведено сравнительное исследование выполнения социальных (не связанных с духовной жизнью) функций другими христианскими церквями.

Горохов Станислав Анатольевич
Институт Африки РАН

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

Культурные и духовные связи между Россией и Южной Африкой имеют давнюю историю. Во время англо-бурской войны 1899–1902 гг. бурские республики, сражавшиеся против британского колониализма, пользовались полной поддержкой самых широких слоев российского общества. До настоящего времени в ЮАР чтят память 225 русских добровольцев, отдавших свою жизнь за свободу Южной Африки. В 2013 г. в память о российских добровольцах, погибших во время англо-бурской войны, в Йоханнесбурге состоялась закладка часовни во имя святого равноапостольного князя Владимира. После образования в 1904 г. Южно-Африканского Союза между Россией и Южной Африкой стали развиваться экономические, культурные и академические связи, которые были разорваны с образованием Советского Союза. В результате первый русский приход в Южной Африке в Йоханнесбурге сформиро-

вался довольно поздно – уже после Второй мировой войны; его возникновение было связано с послевоенной волной эмиграции из СССР. Эта православная община существовала с 1951 г. по конец 1970-х годов под юрисдикцией Русской православной церкви за границей, она прекратила свое существование в результате постепенного уменьшения числа верующих. В 1990-х годах, после крушения системы апартеида, между Россией и Южно-Африканской Республикой были восстановлены полноценные дипломатические, экономические и культурные отношения. Рост российского присутствия в Африке обусловил необходимость возрождения прихода Русской Православной Церкви (РПЦ) и на юге континента, который был учрежден на территории Южно-Африканской Республики в декабре 1998 г. Работы по строительству храмового комплекса в пригороде Йоханнесбурга, включающего церковь преподобного Сергия Радонежского, колокольню, приходской центр и дом священника, были завершены в 2003 г. По состоянию на 2023 г. в ЮАР действуют уже три прихода РПЦ. Следующий этап развития русского православия в Южной Африке начался с образованием 29 декабря 2021 г. новой административной единицы в структуре РПЦ – Патриаршего экзархата Африки. В его состав входят две епархии – Северо-Африканская и Южно-Африканская – с центром в Йоханнесбурге. Это событие придало новое качество православному присутствию в ЮАР, укрепив гуманитарное сотрудничество между Россией и Южной Африкой.

Комарова-Тагар Элина Юрьевна
Кейптаунский университет (University of Cape Town)

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ НА ЮГЕ АФРИКИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПУТИ РАЗВИТИЯ

Средоточием православной жизни на Юге Африке является храм преподобного Сергия Радонежского, возведенный в 2003 году в пригороде Йоханнесбурга. Храм в Мидранде – первая русская православная церковь в Африке к югу от Сахары. Приход в честь преподобного Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца, был образован на основании решения Священного Синода Русской Православной Церкви от 29 декабря 1998 г. 15 декабря 2001 г. в присутствии министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова состоялась торжественная закладка первого камня в основание будущего храма. 20 лет назад, 2 марта 2003 г., митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл вместе с митрополитом Йоханнесбургским и Преторийским Серафимом (Александрийский Патриархат) совершили чин Великого освящения храма.

Уже более 20 лет настоятель прихода, протоиерей Даниил Луговой, совершает богослужения на церковнославянском языке в городах Южной Африки, периодически совершает пастырские поездки в Намибию, способствуя укреплению духовной жизни и становлению православной диаспоры. Для жителей Кейптауна большое значение имеют встречи со священнослужителями, отправляющимися морским путем в церковь Святой Троицы в Антарктиде.

Православие находит глубокий отклик в сердцах людей Южной Африки, в том числе и не говорящих по-русски. Благодаря самоотверженным трудам отца Захарии в конце девяностых годов прошлого века церковнославянские тексты были переведены на язык африкаанс и переложены на каноническую музыку. Также стараниями четырех священников-южноафриканцев богослужения проводятся на английском языке и языке африкаанс. Люди, изначально разные по своему мировоззрению и культуре, объединяются в едином духовном устремлении. Сохраняя свои индивидуальные особенности, все вместе они составляют единую православную общину.

ВЗГЛЯД ГРЦЮА НА ПРОБЛЕМУ КСЕНОФОБИИ И АДАПТАЦИИ ЮЖНОАФРИКАНСКИХ МИГРАНТОВ

В ЮАР наблюдается высокий уровень нетерпимости к мигрантам, проявляющейся в виде насильственных и агрессивных действий. В исследовании Д. Фебруари «Церковные миссии и зимбабвийские мигранты в Южной Африке» автор приводит следующую точку зрения относительно имеющейся проблемы ксенофобии в южноафриканском обществе: поддавшись заразе нравственного релятивизма, местное население сочло возможным в открытую демонстрировать жителям соседних с ними стран паттерны недозволительного поведения, ранее, в годы апартхеида, обращаемые против них же самих.

Существенное влияние на умонастроения общественности в ЮАР в контексте восприятия деятельности трудовых мигрантов, а также регуляции отношений между местным населением и иностранными рабочими продолжает играть Церковь. Еще в конце 1970-х годов Голландской реформаторской церковью Южной Африки (ГРЦЮА) была сформулирована четкая позиция в отношении прибывающих в страну мигрантов. Позиция Церкви по миграционному вопросу была отражением послевоенной идеологической борьбы государства за умы граждан республики, являясь неотъемлемой частью официальной риторики. В период апартхеида ГРЦЮА выступала активным проводником политики расового неравенства, дополнительно усугубляя проблему неприятия ущемленных во всевозможных правах черных африканцев в сегрегированном южноафриканском обществе.

В современном южноафриканском обществе ГРЦЮА позиционирует себя как социально значимый институт, готовый оказывать мигрантам, испытывающим значительные затруднения, посильную помощь. Данная позиция Церкви истолковывается положениями Нового и Старого Заветов.

Сама ГРЦЮА представляет собой религиозное сообщество, возникшее изначально из сплава голландцев, немцев, французов и т.д. Соответственно, с целью интеграции мигрантов в незнакомую им среду необходимо, прежде всего, попытаться найти объединяющие черты, а не стараться проводить наспех «линии разлома».

По мнению церковников, ГРЦЮА призвана отражать модель божественного гостеприимства в мире. Значит, чтобы не дискредитировать себя, для Церкви настала пора действовать решительнее, не боясь в открытую брать под свою опеку тех, кто не способен позаботиться о себе в одиночку.

Один из представителей ГРЦЮА, Густав Клаассен, задается вопросом: «Где слышен голос Церкви для тех, кто лишен голоса?». Отвечая на него, он констатирует: он тих и неслышен.

Воронина Наталья Александровна
Институт Африки РАН

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ЗАМБИИ: «ЗАМБИЙСКИЙ ГУМАНИЗМ» И «ЗАМБИЯ – ХРИСТИАНСКАЯ НАЦИЯ»

С момента получения независимости в 1964 г. Замбия, как и другие африканские страны, искала дальнейший путь развития, что требовало самостоятельной разработки национальных проектов, а также претворения их в жизнь. В статье проводится сравнение двух цивилизационных проектов, рожденных и получивших развитие в замбийском обществе, – замбийского гуманизма и «Замбия как христианская нация».

Один из них – «Замбийский гуманизм» – был представлен первым президентом Замбии К. Каундой. Характерными его чертами были секулярный (светский) характер государства, социальная справедливость и традиционные африканские ценности. Эти идеи должны были развиваться и внедряться в условиях однопартийной системы. С уходом Каунды и приходом на его место Фредерика Чилубы «Замбийский гуманизм» уступил место проекту «христианской нации», о чем Ф. Чилуба впервые заявил в 1991 г.

Сравнение этих проектов позволяет выделить как общее, так и различия между ними. Среди общего стоит отметить социально-ориентированный их характер: в обоих случаях делался акцент на повышение уровня жизни населения. Вместе с тем, если первый проект, атеистический, быстро забылся населением, то идея христианской нации в ее широкой трактовке продолжает жить в умах и сердцах замбийцев по сей день, даже после ухода с президентского поста ее автора Чилубы. Таким образом, хотя проект христианской нации не был в полной мере воплощен в жизнь, сама идея Замбии как христианской нации остается популярной среди замбийцев.

Natalia A. Voronina

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

ZAMBIA'S POSTCOLONIAL PROJECTS: THE ZAMBIAN HUMANISM PROJECT AND THE PROJECT OF "ZAMBIA AS A CHRISTIAN NATION"

Since gaining independence in 1964, Zambia, like other African countries, has been looking for its own further path of development, which required independent development of its national projects, as well as their implementation. The article compares two civilized projects that were born and developed in Zambian society, namely the project of Zambian humanism and the project "Zambia as a Christian nation".

The Zambian Humanism Project was presented by the first President of Zambia K. Kaunda. The characteristic features of "Zambian humanism" were the secular nature of the state, social justice and traditional African values. At the same time, these ideas had to be developed and implemented in a one-party system. With the departure of Kaunda and the arrival in his place of Frederick Chiluba, the project of Zambian humanism gave way to the project of a "Christian nation", as F. Chiluba first stated in 1991.

Comparing these projects allows us to highlight both the common and the difference between them. Among the common things, it is worth noting the socially-oriented nature of these projects: in both cases, emphasis was placed on improving the standard of living of the population. At the same time, if the first atheistic project was quickly forgotten by the population, then the idea of a Christian nation in its broad interpretation continues to live in the minds and hearts of Zambians to this day, that is, even after F. Chiluba left the presidential post. Thus, although the Christian nation project has not been fully implemented successfully, the very idea of Zambia as a Christian nation remains popular among Zambians.

Брындина Валентина Николаевна

Институт Африки РАН

ИСЛАМО-ХРИСТИАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЗАНЗИБАРЕ И ПЕМБЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2020–2023 гг.)

В докладе, основанном на материалах экспедиций 2020–2023 гг., рассматривается то, как мусульмане и христиане оценивают состояние межконфессиональных отношений на остро-

вах Занзибар и Пемба (Объединенная Республика Танзания). Респондентам задавали вопросы о состоянии межконфессиональных отношений и о возможности межконфессиональных браков. Всего было опрошено 104 респондента (68 мусульман и 36 христиан). Анализ собранных интервью показал значительную разницу в восприятии межконфессиональных отношений жителями двух островов. На Занзибаре вопрос исламо-христианских отношений актуален, поскольку христиане являются ощутимым меньшинством. Их присутствие заметно в архитектурном ландшафте, над Стоун Тауном – историческим и культурным центром острова – возвышаются два собора, которые были построены еще во второй половине XIX в. Часть членов христианских общин острова – урожденные занзибарцы, потомки освобожденных и крещенных миссионерами рабов. Более того, вопрос межконфессиональных отношений на Занзибаре крайне политизирован и напрямую связан с так называемой проблемой союза. В то же время жители острова Пемба проявили крайнее безразличие к вопросу исламо-христианских отношений, связь с современной политической ситуацией также не была прослежена. Во многом это связано с тем, что на Пембе, ввиду более консервативного характера мусульманского общества, христианские общины, образовавшиеся вокруг миссионерских станций, изначально воспринимались мусульманским большинством как чуждый элемент. В отличие от Занзибара, историческая преемственность в среде местных христианских общин была прервана национализацией, последовавшей за революцией 1964 г. На Пембе не осталось исторических церквей, большинство же христиан острова являются выходцами из континентальной части Танзании. При обнаруженной разнице в восприятии межконфессиональных отношений жителями двух островов можно заключить, что в целом для мусульман, представляющих в религиозном плане абсолютное большинство, ситуация представляется стабильной, христиане же ощущают давление со стороны мусульманского общества и свое не столь стабильное положение в нем.

Бобохонов Рахимбек Сархадбекович
Институт Африки РАН

СУФИЗМ В СЕНЕГАЛЕ. ОСОБЕННОСТИ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ДУХОВНОЙ ПРАКТИКИ

Мюридия – один из самых распространенных тарикатов в Тропической Африке, особенно в Сенегале, где большая часть мусульманского населения (94% сенегальцев) принадлежит к трем тарикатам: двум привезенным (Кадирия и Тиджания) и одному местному – Мюридия. Последняя объединяет треть сенегальцев, в основном этническую группу волоф. Примерно 33% сенегальских мусульман принадлежат к этому тарикату. В отличие от других, этот тарикат обязан своим названием не своему основателю, а арабскому слову мюрид (ученик или стремящийся). Тарикат Мюридия основан в 1883 г. сенегальским шейхом Ахмадом ибн Мухаммадом ибн Хабибуллоу Бамба Мбаке (1850–1927), которого чаще называют на языке волоф Амаду Бамба.

Особенность мюридизма состоит в освящении работы, играющей столь же важную роль, как и молитва. «Молитесь так, как будто вам суждено умереть завтра, и работайте так, как будто вам суждено жить вечно» (Шейх Амаду Бамба). Специфика мюридизма заключается в прочной связи между Марабутом, Учителем (Шейхом) и учеником (Талибе). Зависимость ученика от Марабута доведена до крайности. «Правда – в любви к своему Шейху, и везде, повинуйся его приказам, не оказывая ни малейшего сопротивления, даже внутренне. Вы должны отказаться от своей свободной воли, потому что мысль Учителя неопровержима» (Шейх Амаду Бамба). Первые молодые ученики переселялись в сельскохозяйственные общины, называемые даара (от араб. *даират* – «круг») под руководством духовного Учителя. Даары после великой засухи (в 1973 г.) стали коммерческими структурами сначала на сенегальском национальном уровне, затем превратились в настоящую международную сеть: от Нью-Йорка до Гонконга.

Каждый сенегалец связан с марабутом на всю жизнь. Их детям отведена такая же участь. Первоначально орудие пассивного сопротивления колонизации, затем структура компромисса и сотрудничества с ней (особенно для выращивания арахиса), начиная с обретения Сенегалом независимости тарикат Мюридия стал влиятельным в политической жизни этой страны, как и другие тарикаты – Тиджания и Кадирия. Ни один политик, депутат или президент не может быть избран, если он не признан Марабутами этих тарикатов.

Rakhimbek S. Bobokhonov

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

SUFISM IN SENEGAL. FEATURES OF POSTCOLONIAL SPIRITUAL PRACTICE

Muridiya is one of the most widespread tariqas in Tropical Africa, especially in Senegal, where the majority of the Muslim population (94% of Senegalese) belongs to three tariqas: two imported (Qadiriya and Tijaniya) and one local – Muridiya. The latter unites a third of Senegalese, mainly the Wolof ethnic group. Approximately 33% of Senegalese Muslims belong to this tariqa. Unlike others, this tariqa owes its name not to its founder, but to the Arabic word “murid” (disciple or aspirant). The Tariqa of Muridiyah was founded in 1883 by the Senegalese Sheikh Ahmad ibn Muhammad ibn Habibullah Bamba Mbaque (1850–1927), more often called Amadou Bamba in the Wolof language.

The peculiarity of muridism is the sanctification of work, which plays as important a role as prayer. “Pray as if you are destined to die tomorrow and work as if you are destined to live forever” (Sheikh Amadou Bamba). The specificity of muridism lies in the strong connection between Marabout, Teacher (Sheikh) and student (Talibe). The student’s dependence on Marabout is taken to the extreme. “The truth is in love for your Sheikh, and everywhere, obeying his orders, without showing the slightest resistance, even internally. You must give up your free will, because the Master’s thought is irrefutable” (Sheikh Amadou Bamba). The first young disciples moved into agricultural communities called daara (from Arab. *dairat*, “circle”) under the guidance of a spiritual Master. Daaras, after the great drought (in 1973), became commercial units, first at the Senegalese national level, then turned into a real international network: from New York to Hong Kong.

Every Senegalese is associated with a marabout for life. Their children face the same fate. Initially an instrument of passive resistance to colonization, then a structure of compromise and cooperation with it (especially for the cultivation of peanuts), since Senegal’s independence, the Muridiya tariqa became influential in the political life of this country, like other tariqas: Tijaniya and Qadiriya. Not a single politician, deputy or the president cannot be elected unless he is recognized by the Marabouts of these tariqas.

Андреева Лариса Анатольевна
Институт Африки РАН

ИУДАИЗМ В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ: ФЕНОМЕН НАРОДА ИГБО (НИГЕРИЯ)

Игбо являются одним из этносов Тропической Африки, которые считают себя евреями африканской диаспоры. Африканские евреи ставят вопрос своей еврейской идентичности в двойном определении: религиозном и этническом. В результате десятилетий господства британского колониализма и миссионерской деятельности колонизаторов произошла христианизация игбо, однако, многие из тех, кто сейчас исповедует христианство, считают себя потомками потерянных колен Израилевых, а традиционную религию предков – остаточной формой иудаизма. Групповая самоидентификация игбо в качестве иудеев и потомков потерянного колена Израиля сложилась уже в постколониальный период. После провозглашения игбо не-

зависимости от Нигерии в форме Республики Биафра (1967–1970) и начавшейся затем кровопролитной гражданской войны усилилась и приобрела новую глубину самоидентификация игбо как евреев, также перенесших геноцид в своей истории. Игбо считали себя жертвами геноцида так же, как и евреи, пережившие Холокост, так же ощущали себя жителями осажденной территории, подобно государству Израиль. Под влиянием этих событий во второй половине XX в. часть этноса игбо начала трансформировать свою религиозную идентичность, они заявили, что являются не только потомками древних израильтян, но и иудеями. Эта группа возвестила о новом феномене африканского иудаизма, когда африканские религиозные традиции, смешанные с христианством, были вытеснены новой иудейской идентичностью. Религиозный статус евреев-игбо, подтверждающий их собственную культурную идентичность, связан в первую очередь с политической историей страны. Поиск и утверждение новой религиозной самоидентификации евреев-игбо выступает как средство интерпретации и разрешения конфликтного жизненного опыта. Вопрос же о генетической близости игбо и древних евреев пока остается открытым.

Larisa A. Andreeva

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

JUDAISM IN TROPICAL AFRICA: THE PHENOMENON OF THE IGBO PEOPLE (NIGERIA)

The Igbo are one of the ethnic groups of Tropical Africa who consider themselves Jews of the African Diaspora. African Jews pose the question of their Jewish identity in dual terms: religious and ethnic. As a result of decades of British colonialism and the missionary activities of the colonialists, the Christianization of the Igbo occurred; however, many of those who now profess Christianity consider themselves descendants of the lost “tribes of Israel”, and the traditional religion of their ancestors is a residual form of Judaism. The group self-identification of the Igbo as Jews and descendants of the lost tribe of Israel developed already in the post-colonial period.

After the Igbo declared independence from Nigeria in the form of the Republic of Biafra (1967–1970) and the subsequent bloody civil war, the Igbo self-identification with the Jews, who also suffered genocide in their history, intensified and acquired new depth. The Igbo saw themselves as victims of genocide, just as the Jewish Holocaust survivors also saw themselves as residents of a besieged territory, like the state of Israel. Under the influence of these events in the second half of the 20th century, part of the Igbo ethnic group began to transform their religious identity; they declared that they were not only descendants of the ancient Israelites, but also Jews. This group heralded a new phenomenon of African Judaism, where African religious traditions mixed with Christianity were supplanted by a new Jewish identity. The religious status of Igbo Jews, which confirms their own cultural identity, is associated primarily with the political history of the country. The search and approval of a new religious self-identification of Igbo Jews acts as a means of interpreting and resolving conflicting life experiences. The question of the genetic closeness of the Igbo and ancient Jews remains open.

Захаров Иван Андреевич

Институт Африки РАН

ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В АФРИКЕ

Миссионерская работа Экзархата Русской православной церкви в Африке, активизация которой обозначилась в последнее время, имеет важное значение для продвижения россий-

ской культуры в этом макрорегионе и налаживания диалога с африканскими партнерами. Тем не менее эта деятельность связана с рядом трудностей, вызванных как дефицитом ресурсов и кадров, имеющих достаточную подготовку для работы в макрорегионе, так и особенностями его конфессионального пространства. В докладе планируется осветить правовые условия функционирования религиозных организаций в контексте стремительной трансформации конфессионального пространства Африки, а также интенсификации конкуренции между религиозными организациями и государственными институтами с фокусом на те африканские страны, где РПЦ стремительно усиливает свое присутствие. Исследование опирается на анализ документов, регламентирующих религиозные свободы на государственном уровне, прежде всего действующие конституции, а также отчеты правозащитных организаций.

Ужесточение государственного контроля над деятельностью религиозных организаций стало особенно заметно в современных странах Северной Африки, Судано-Сахельского коридора, а также в Уганде, Кении, Замбии, Руанде, Эфиопии, Эритрее и т.д. Такая политика обосновывается властями заботой о собственных гражданах, чьим доверием могут злоупотреблять религиозные лидеры. Такие опасения вызваны, прежде всего, радикализацией отдельных религиозных и квазирелигиозных организаций, стремящихся к насильственному захвату власти. Вместе с этим ограничивается деятельность и крупных конфессий, предоставляющих образовательные, медицинские услуги, активно участвующих в социальных проектах и общественно-политической жизни стран континента. Представляется, что ограничение их деятельности связано со стремлением вернуть государственную монополию на власть в указанных сферах, а также поддержать те религиозные организации, которые исторически тесно связаны с системой власти и позиционируются как традиционные. Представляется, что исследование может иметь определенную ценность для разработки миссионерской стратегии РПЦ в Африке.

Секция IV-4. Африка: культуры и традиции

Panel IV-4. Africa: cultures and traditions

Руководитель/Convenor: Грибанова Валентина Валерьевна, к.и.н., Институт Африки РАН

Завьялова Ольга Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет

ЗНАЧИМЫЕ ЖИВОТНЫЕ В КАРТИНЕ МИРА МАНИНКА И БАМАНА И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Животные всегда были значимы для манден, так как манден в первую очередь охотники, а у социальных групп джаму приняты тотемы – животные и птицы. Но в данном случае мы рассмотрим не их, а особенно символически нагруженных животных и птиц: гиену, грифа, льва, буйвола, крокодила, питона. Эти животные не однопорядковые, они соотносятся или с легендами и тайными союзами, или верованиями и ритуалами. Гиена и гриф относятся к секретным союзам и охотникам. Лев и буйвол – к институту власти и, соответственно, джаму; крокодил и питон – к мифологии и вере в духов.

Если гиена претерпела изменения в своем фольклорном образе, то гриф до сих пор почитаем и остается символом мудрости, долгой жизни и безбидности. Гиена из символа мудрости и долголетия превратилась в сказках в символ жадности и глупости, что показывает изменение ее роли в социуме. Это связано с современным положением традиционных союзов, таких как Коре или Кома.

Лев и буйвол – оба символы власти; существует сказка о том, как лев сменил буйвола на троне, и есть сюжет эпоса о Сундьяте, как лев (отец Сундьяты) покорил буйвола (мать Сундьяты, которая была в трех ипостасях). Это весьма значимый сюжет не только для понимания специфической системы джаму, но и для понимания глубинных метафорических представлений манден. Вожди манден Кейта, чей тотем – лев, сидят на шкуре буйвола. Буйвол связан и с представлениями о женщине, молодой жене. Место жертвоприношения духу Черный буйвол является местом власти.

Змея, чаще питон, по всей Африке представлена в мифологических сюжетах, у манден сегодня питон и крокодил связаны с духами и до сих пор являются участниками ритуалов. Крокодил также появляется во многих сюжетах фольклора манден. Все эти животные, кроме грифа, есть среди марионеток Согобо; у каждого особый символизм и своя песня.

Татаровская Ирина Геннадьевна

Институт Африки РАН

ИНТЕГРАЦИЯ КАСТЫ ГРИОТОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

Традиционно общество многих народов Западной Африки делится на три большие социальные группы: дворяне, кастовые люди (ремесленники) и рабы. Гриоты относятся к социальной касте «ремесленников слова» и музыкантов и представляют собой узкую эндогамную группу, куда входят представители разных народов Западной Африки. Эта каста появилась примерно в XIV в.

Исторические процессы, протекавшие в Африке, оказали решающее влияние на эволюцию касты гриотов. В современном мире гриот должен постоянно находить компромисс ме-

жду современным искусством и искусством традиционным. Статус гриота обязывает его следовать четким правилам поведения. Изобретательности гриотов можно только позавидовать. Гриоты в современном мире занимают передовые позиции в культурном и медиа пространстве.

Тенденция к разрушению традиционной социальной структуры в городах привела к уменьшению роли гриотов как «властителей слова» и увеличила их роль как музыкантов. Появление европейских музыкальных инструментов и открытие государственных музыкальных школ, доступных для всех слоев общества, позволило людям из других социальных групп стать профессиональными музыкантами. Однако престиж гриота-музыканта в Африке остается очень высоким, например, гриоты составляют около 90% профессиональных музыкантов в Сенегале.

Гриоты, пожелавшие изменить свой социальный статус, приобрели новые профессии. Многие гриоты-мусульмане стали исламскими духовными лицами. Умение выступать на публике, владение ораторским искусством позволила некоторым гриотам стать политиками. Гриоты, сумевшие получить высшее образование, смогли занять должность учителя, стать программистами, инженерами, администраторами и т.д.

Francis Kenneth Olusanmi

Ekiti State University, Ado-Ekiti, Ekiti State, Nigeria

**TRADITIONS AND CULTURAL DEMOCRACY:
THE ROLE OF 'OYO MESI' IN THE OLD ÒYÓ EMPIRE
IN THE PRE-COLONIAL NIGERIA**

This study interrogates traditions and cultural democratic practices among the Yoruba ethnic group in the old 'Òyó Empire' during the pre-colonial era in Nigeria with a focus on the role of the 'Òyó Mesi' as principal councillors who constituted the Electoral Council and possessed legislative power as instrument of check and balances in the then 'Òyó Empire' of the Yoruba dominated south-western Nigeria. The paper observed that, in spite of the powers bestowed on the Alaafin, the Head of 'Òyó Empire' who was regarded as the supreme *igbá'keji òrisà* (second-in-command to the gods) of the 'Òyó Empire', the largest of the West African empire also the most important and authoritative of all the Yoruba principalities and the most politically important Yoruba state between the mid-17th and late 18th century exercising control beyond the Yoruba states to the 'Fon' Kingdom of Dahomey. The Alaafin's power was not absolute; the 'Òyó Mesi' – an incorruptible independent entity – was developed as check on the Alaafin's power, preventing the Alaafin from being autocratic with their punitive power of compelling corrupted and autocratic Alaafins to commit suicide. The paper finds that the roles of the 'Òyó Mesi' was regulatory, supervisory, effective and non-compromising; the powers of Alaafins were regulated and the organs of the 'Òyó Empire' were autonomous of each other while the democratic settings in the then 'Òyó Empire' were self regulatory. The paper concludes that democratic system of the old 'Òyó Empire' has a colouration of today's western or modern day democracy, but incorruptible. The paper recommends that, borrowing a leaf from the sanctity and doggedness of the 'Òyó Mesi' in the old 'Òyó Empire' would go a long way to hold government at all levels accountable and compelling them to respect human rights at their various levels in any society of the world.

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ХАЯ И ЧАГГА: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ²¹

Похоронный комплекс и последующие ритуалы поминания предков имеют высокую степень сохранности среди других обрядов жизненного цикла человека. Переход умершего человека из мира живых в мир предков понимается во многих культурах как предельная фаза, в которой те, кто не в состоянии успешно завершить этот переход, представляют угрозу для живых. Боязнь навлечь гнев умерших предков заставляет соблюдать, сохранять и передавать последующим поколениям знания о ритуальных действиях во время похоронного процесса и почитания умерших. Это подчеркивает и Б. Малиновский, описывая поклонение предкам как сложный ритуал с последовательными действиями, вписанный в социальную структуру африканского общества и способный выстоять под воздействием любых внешних факторов. Так христианизация и исламизация не смогли окончательно искоренить традиционные представления о мироустройстве у членов традиционных обществ. В результате миссионерской деятельности сложился синкретизм традиционных религиозных воззрений с мировыми религиями, что нашло отражение и в похоронно-поминальном комплексе.

Мы рассмотрим на основе полевых материалов происходящие изменения, выделим сохранившиеся традиционные элементы и определим степень влияния христианизации и исламизации на похоронно-поминальные обрядности у представителей бантуязычных земледельческих групп хая и чагга. Данные собраны в ходе полевых выездов в Танзанию в 2019–2023 гг. Эти две этнические группы продолжают заниматься сельским хозяйством, сохраняют семейные земельные наделы с банановыми плантациями, но в то же время являются высокообразованными представителями танзанийского общества, принимающими активное участие в экономической жизни страны.

Большинство представителей старшего и среднего поколений сегодня продолжают следовать культурным традициям, связанным с ритуалами жизненного цикла. И для хая, и для чагга церемонии захоронения усопших и связанные с ними жертвоприношения подразумевают не просто упокоевание тела в банановом саду, а еще и реструктурирование существующих связей между живыми и формирование новых связей с умершими в пространстве их единого общего дома – банановой плантации. Жертвоприношение подкрепляет связи с предками, восстанавливает единую структуру родственного сообщества.

Jamiu Adekunle Olowonmi
Emmanuel Alayande University of Education, Oyo, Nigeria

SUBMERGING AND EMERGING: PARABLES OF SUBALTERNITY AND IDENTITY FORMATION IN POSTCOLONIAL AFRICAN LITERATURE

Most contemporary creative writings, particularly in the Third World countries, are poetics of the poor and agency of subaltern voices. In Africa, writers have largely optimized the roles played by the elites (men) in the exploitation net, institutional devaluation and elitists' discourse of decolonisation hi/story of the continent. Researches from development strategists and sociologists, woven in statistical terms, may have similarly shown that women, despite their strong numerical strength, have suffered in chapter and verse, under the vicious cycles of human demeaning socio-

---

²¹ Исследование выполнено в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-328).

cultural practices and the elitists' grinding mill. This paper, against the backdrop of upsurge in violence and rising divisive nationalistic feelings within nation-states and postcolonial theory that defies rhetorical structures of neo-colonialism, particularly, nation and nationhood, engages the discourse of nationalism and gender politics which ignored or submerged unwaged women's resourcefulness and identity, to a discursive engagement in literary texts where women who played lead (or otherwise) roles in hi/stories crafted around them, as bail out schemes, show amazing guts and courage that cut asunder manacles of patriarchal ordinance and dubious nationalistic intellection which formerly forged and encased their subaltern and submerged identities. Employing comparative method, social structures, human agency and textual criticism as methodologies, this paper focuses on Achebe's *Anthills of the Savannah* and Isola's *Madam/Efunroye Tinubu* to decenter and unseat nationhood as a specifically male prerogative. Positioning our discourse in gender politics, subaltern theory and deconstructionist view, we argue that: (i) parables of nationalism carry the unenviable mark of Cain – a lopsided gendered narrative; (ii) postcolonial unfolding of identity formation and interrogation of intellectual architecture of nationhood, underscoring Appiah's postcolonial condition (Ganapathy-Dore, 2011), bursts at the seam and encourages a re-think and a re-set of the narrative of nationalism for a honest inclusivity.

Ксенофонтова Наталья Александровна
Институт Африки РАН

ИЕРАРХИЯ И ВЛАСТЬ В ТРАДИЦИОННОМ АФРИКАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Властные отношения в традиционном африканском обществе следует рассматривать не только как систему управления обществом (от деревенской общины до государственного образования) и как ключевое понятие в сфере политики, а как всю вертикаль социальных и межличностных отношений.

Проблема властвования и потестарной власти не всегда связана с насилием и принуждением. Прежде всего, она раскрывается как волевое доминирование, лидерство и авторитет, в которых отражается принцип иерархичности между различными социальными группами людей, между отдельными людьми и между представителями обоих полов. В процессе властных отношений индивидуум стремится обрести и проявить свою идентичность, зафиксировать свою роль в целостной системе того или иного социума.

Власть в традиционном африканском обществе – неотъемлемая часть любых человеческих отношений; многие конфликты в обществе происходят из-за борьбы за власть, будь то на уровне государства, семьи или общины. В основе этой борьбы – столкновение противоположных интересов, взглядов, стремлений. Намерение добиться власти заключается прежде всего не в жажде обретения формального титула и других властных регалий, это нечто иное – стремление навязывать другим свои желания и свое видение мира, утвердить во всем свое превосходство, свою доминанту (маскулинную или феминную).

Поскольку главной пружиной гендерной системы связей является четко выстроенная иерархия мужских и женских статусов и интересов, то определяющим в данной иерархической системе выступают отношения власти и подчинения. Причем не всегда доминирующее положение захватывали представители мужской части населения.

Как известно, во всех африканских обществах один и тот же человек проявляет себя в разных ипостасях или ролях (функциях). Это зависит от того, в каких отношениях он состоит с членом того или иного социума, с которым он вступает в данный момент в контакт, и каков статус этого вышеупомянутого члена. Так, например, африканка может рассматриваться как стоящая на более низкой ступени семейно-брачной структуры, выполняя обязанности дочери, внучки, жены, и как имеющая высокий социальный статус, выступая в роли главы рода, бабушки, тети племянников (ватете), сестры брата, которому она дает приданое, главной же-

ны правителя и т.п. То же самое наблюдается и во взаимоотношениях полов, где иерархия отношений не носит постоянно заданного характера.

Реалии жизни постоянно входили в противоречие с установленными архаичными обычаями, морально-этическими, правовыми и религиозными нормами, закреплявшими за всеми членами социума, всеми поколениями, мужчинами и женщинами строгие правила поведения и иерархичность в системе властвования.

Natalia A. Ksenofontova

Institute for African Studies, Russian Academy Sciences

HIERARCHY AND POWER IN TRADITIONAL AFRICAN SOCIETY

Power relations in traditional African society should be considered not only as a system of social governance (from the village community to public education) and as a key concept in the field of politics, but as an entire vertical of social and interpersonal relations. The problem of domination and potestarian power is not always associated with violence and coercion. First of all, it is revealed as volitional dominance, leadership and authority, which reflect the principle of hierarchy between different social groups of people, between individuals and between representatives of both sexes. In the process of power relations, the individual strives to find and manifest their identity, to fix their role in the integral system of a particular society.

Power in traditional African society is an integral part of any human relationship. Many conflicts in society stem from power struggles, whether at the level of the state, the family or the community. At the heart of this struggle is a clash of opposing interests, views, and aspirations. The intention to achieve power does not primarily consist in the desire to acquire a formal title and other regalia of power, it is something else – the desire to impose one's wishes and one's vision of the world on others, to assert one's superiority in everything, one's dominant (masculine or feminine). Since the main spring of the gender system of relations is a clearly built hierarchy of male and female statuses and interests, the relations of power and subordination are decisive in this hierarchical system. Moreover, the dominant position was not always occupied by representatives of the male part of the population.

As is well known, in all African societies the same person manifests themselves in different hypostases or roles (functions). This depends on the relationship they have with the member of the society with which they are currently coming into contact and what is the status of the above-mentioned member. Thus, for example, an African woman can be considered as standing at a lower level of the family and marriage structure, performing the duties of a daughter, granddaughter, wife, and as having a high social status, acting as the head of the clan, grandmother, aunt of nephews (vatete), sister of the brother to whom she gives a dowry, chief wife of the ruler, etc. The same is observed in the relations between the sexes, where the hierarchy of relations is not permanently determined. The realities of life constantly came into conflict with the established archaic customs, moral, ethical, legal and religious norms, which fixed strict rules of behavior and hierarchy in the system of power for all members of society, all generations, men and women.

Семенова Валерия Николаевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН;
Санкт-Петербургский государственный университет

ЮЖНЫЙ ТЫГРАЙ (ЭФИОПИЯ): К РЕКОНСТРУКЦИИ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Скальные и полускальные церкви Тыграя хорошо известны в мировой и отечественной научной традиции. В основном их рассматривают с точки зрения эволюции скального хри-

стианского зодчества и эфиопской иконописи. Помимо этого, отдельный интерес представляют хранящиеся там рукописи и прочая церковная параферналия, которые датируются начиная с аксумской эпохи. Однако при комплексном исследовании храмы Тыграя могут дать важный источниковедческий материал для реконструкции истории всего региона и шире – Эфиопии. Через историю строительства церкви, ее росписей открывается история деревенской или городской общины. Такого рода исследование подразумевает получение соответствующей информации, довольно локальной. Однако в случае Тыграя и Эфиопии, которая все-таки складывалась как империя, локальная история позволяет глубже понять те процессы, которые происходили в регионе и стране в разные временные периоды начиная со Средних веков вплоть до настоящего времени. В докладе предполагается реконструировать локальную историю такой области Тыграя как Сэхарт (Сэхарти), расположенной административно на юге и граничащей с амхарскими районами. Там расположены памятники скального зодчества, представленные в мировом научном поле лишь номинально. Это «новые» для мировой науки памятники: Арбату Энсеа Адди Май Вейзеро, Микаэль Гави, Микаэль Цэхало и ряд других. И более известная и изученная – Иесус Хинца Гиджет. Изучение истории этой области показывает, как складывалась непростая история всего Тыграя: взаимоотношения с соседями амхара, с одной стороны, с другой – с мусульманами, община которых находится в Гиджете. Сэхарт также не был оторван от более северных районов Тыграя, в частности, от Геральты и Тэмбена, с которыми существовали культурные связи благодаря христианскому подвижничеству с XIV в.

Хайруллин Тимур Радикович
Институт Африки РАН

РОЛЬ КЛАНОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОМАЛИ

Продолжающаяся конкуренция, перерастающая периодически в вооруженную борьбу между кланами, привела к тому, что в стране сложился негласный консенсус относительно занятия высших государственных постов и должностей. Согласно договоренностям, представители многочисленного земледельческого кланового образования раханвейн не претендуют на занятие должностей президента и премьер-министра федерального уровня, уступая это право представителям «благородных» скотоводческих кланов, преимущественно дир и дарод. В свою очередь, на уровне штатов предпочтение на занятие высших должностей отдается представителям тех кланов, которые населяют данную территорию. Так, Сомалиленд традиционно возглавляют представители клана исаак, Пунтленд и Джубаленд контролируют представители клана дарод, Галмудуг возглавляют представители клана хавийя, Хиршабель остается за кланом хавадле, а представители земледельческого клана раханвейн занимают один штат – Юго-Западный, но более ресурсный и плодородный.

Timur R. Khayrullin
Institute for African Studies, Russian Academy Sciences

THE ROLE OF CLANS IN SOMALIA'S POLITICAL SYSTEM

The ongoing competition between the clans, which periodically escalates into armed struggle, has led to an unspoken consensus in the country regarding the filling of senior government posts and positions. According to the agreements, representatives of the numerous agricultural Rahanwein clan formation do not apply for the positions of president and prime minister at the federal level, ceding this right to representatives of the “noble” cattle-breeding clans, mainly the Dir and Darod. In turn, at the state level, preference for higher positions is given to representatives of

the clans that inhabit that territory. Thus, Somaliland is traditionally led by representatives of the Isaac clan, Puntland and Jubaland are controlled by representatives of the Darod clan, Galmudug is led by representatives of the Hawiya clan, Hirshabel remains with the Hawadle clan, and representatives of the Rahanwein agricultural clan occupy a state - southwestern but more resource-rich and fertile.

Чемякин Евгений Юрьевич

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МУЗЕЕВ В НИГЕРИИ В 1930–1970-е ГОДЫ

Развитие музейного дела в Нигерии началось с 1930-х годов, когда в британской колонии постепенно стал возникать интерес к специализированному художественному образованию, что, в свою очередь, привело к необходимости изучения предметов традиционного ремесла и искусства. Приглашенный из Великобритании художник Кеннет Мюррей стал одним из первых преподавателей искусства в Нигерии, он старался привить своим ученикам идеи национального культурного возрождения. Однако на тот момент в Нигерии отсутствовали этнографические собрания, а множество предметов, представлявших культурную ценность, беспрепятственно вывозились за границу или уничтожались во время строительства. Активная деятельность Мюррея, а также некоторых из его сторонников из министерства образования, привела к тому, что колониальная администрация была вынуждена принять меры, ограничивающие вывоз культурных ценностей. Так в 1943 г. была открыта Нигерийская служба охраны древностей, первым директором которой был назначен Мюррей.

Тем не менее вплоть до начала 1950-х годов не было разработано четких и единых законов, занимающихся вопросами культурного наследия Нигерии. Лишь в 1953 г. было принято Постановление о древностях № 17, которое определяло «древность» как «любой объект, представляющий археологический интерес, любое произведение искусства или ремесленное произведение местного происхождения, созданное до 1918 г. или представляющее исторический, художественный или научный интерес». Кроме того, это Постановление уполномочило Федеральный департамент по охране древностей контролировать незаконный вывоз объектов культурного наследия из Нигерии. Кроме того, департамент занимался созданием музеев, надзором за археологическими раскопками, защитой памятников и др. Дальнейшее развитие законодательства, касающегося культурного наследия Нигерии, было определено актами 1957, 1974 и 1979 гг.

Возникновение музеев и организаций, занимающихся охраной древностей, показывает важный подготовительный этап в духовной деколонизации нигерийского общества. Этот этап, начавшийся еще в колониальную эпоху (в 1930-е годы), был связан с возрождением интереса к собственным традициям и поиском путей дальнейшего развития национальной культуры.

Грибанова Валентина Валерьевна

Институт Африки РАН

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИССИОНЕРОВ В КУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СТРАН ЮГА АФРИКИ

На примере истории стран южноафриканского региона (Южной Африки, Зимбабве, Замбии, Лесото, Эсватини (Свазиленда) и Ботсваны) будет проанализировано значение деятель-

ности различных христианских миссионерских организаций для культурной, социальной и политической трансформации этого региона в XIX–XX вв.

На юге Африканского континента работали миссионеры, представляющие более десятка различных христианских конфессий, в том числе Римско-католическую церковь, Голландскую реформатскую церковь, Англиканскую церковь, Уэслианское (методистское) миссионерское общество, Лондонское миссионерское общество, Американское методистское миссионерское общество, Парижское миссионерское общество, Берлинское миссионерское общество и др.

Зачастую миссионеры, налаживая отношения с местным населением и вождями, становились инструментом насаждения колониальных отношений со стороны европейских правительств и компаний в странах Африки. Так, пользуясь сложившимися отношениями между миссионерами Парижского евангелического общества и населением Баротселенда, Британская Южно-Африканская компания навязала местным вождям договоры, обеспечивавшие исключительное право европейцев на торговлю и разработку недр.

Тем не менее, создавая не только начальные школы при миссионерских станциях, но и первые средние и высшие учебные заведения в странах Африки, миссионеры сыграли ведущую роль как в появлении слоя образованных африканцев, так и в формировании политической элиты африканских стран. Представители этой элиты, в свою очередь, возглавили антиколониальное движение и стали первыми руководителями независимых африканских государств. Одним из последствий распространения влияния миссионерских обществ на юге Африки стало появление и рост популярности африканских христианских церквей среди населения.

В докладе будет представлена широкая и комплексная картина распространения влияния и деятельности христианских миссионеров в странах юга Африки и анализ их роли в развитии этих стран на протяжении длительного исторического периода.

Valentina V. Gribanova

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

THE PLACE AND IMPORTANCE OF THE MISSIONARY ACTIVITY IN THE CULTURAL AND POLITICAL TRANSFORMATION OF THE SOUTHERN AFRICA COUNTRIES

Using the example of the history of the Southern African countries (South Africa, Zimbabwe, Zambia, Lesotho, Eswatini (Swaziland) and Botswana), the significance of the activities of various Christian missionary organizations for the cultural, social and political transformation of this region in the 19th–20th centuries will be analyzed.

Missionaries representing more than a dozen different Christian denominations, including the Roman Catholic Church, the Dutch Reformed Church, the Anglican Church, the Wesleyan (Methodist) Missionary Society, the London Missionary Society, the American Methodist Missionary Society, the Paris Missionary Society, the Berlin Missionary Society and others, worked in the Southern Africa region.

Missionaries, establishing relationships with the local population and chiefs, often became an instrument for imposing colonial relations in African countries on the part of European governments and companies. Thus, taking advantage of the established relations between the missionaries of the Paris Evangelical Society and the population of Barotseland, the British South Africa Company imposed treaties on the local leaders, ensuring the exclusive right of Europeans to trade and mining.

Missionaries played a leading role both in the emergence of a stratum of educated Africans and in the formation of the political elite of African countries, creating not only primary schools at mission stations, but also the first secondary and higher educational institutions in African countries. Representatives of the educated elite, in turn, led the anti-colonial movement and became

the first leaders of independent African states. One of the consequences of the spread of missionary societies' influence in southern Africa was the emergence and growth of popularity of African Christian churches.

The report will present a broad and comprehensive picture of the spread of the influence and activities of Christian missionaries in the Southern Africa countries and an analysis of their role in the development of these countries over a long historical period.

**Бутовская Марина Львовна,
Дронова Дарья Алексеевна,
Ростовцева Виктория Викторовна**
Институт этнологии и антропологии РАН

ЭПИДЕМИЯ ИЗБЫТОЧНОГО ВЕСА И ФАКТОРЫ, ЕЙ ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ, В СУБСАХАРСКОЙ АФРИКЕ: НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ТАНЗАНИИ²²

По данным ВОЗ, в мире более 1 млрд человек сегодня имеют избыточный вес, в том числе в экономически развитых странах это почти 50% населения, из которых 30% страдают ожирением. Хотя на сегодня страны субсахарской Африки не входят в топ-20 по проценту населения, страдающего ожирением, эпидемия постепенно затрагивает этот регион. Список возглавляет ЮАР (30-е место в мире, 28,3% населения страдает ожирением), далее с большим отрывом следует Лесото (122-е место, 16,6%). В общем рейтинге Танзания сегодня выглядит благополучно (153-е место, 8,4% граждан), однако, по мере роста ВВП и общего уровня урбанизации, процент людей с избыточным весом будет неуклонно расти. Это значит, что в комплексе с ожирением будет увеличиваться доля людей, страдающих сахарным диабетом 2-го типа, артериальной гипертензией, атеросклерозом, нарушениями репродуктивной функции, заболеваниями ЖКТ и опорно-двигательного аппарата.

В рамках данного доклада мы рассмотрим материалы, собранные нами в процессе полевой работы в нескольких регионах Танзании в 2022–2023 гг., преимущественно в сельской местности, среди представителей традиционных обществ (хадза, масаи); для сравнения будут использованы материалы по городской выборке, представленной студентами университета Додоми (данные 2023 г). В качестве общих показателей были использованы рост, вес, индекс массы тела, сила кисти. Наряду с этим оценивали состав тела (соотношение мышечной, костной, общей жировой массы, доли висцерального жира) у хадза и масаев, ведущих традиционный образ жизни, в сравнении со студентами университета с учетом пола и возраста. В возрастном диапазоне 18–30 лет индекс массы тела у мужчин-студентов был выше (22,1), чем у хадза и масаев (20,9 и 19,9). Аналогичные тенденции прослеживались для женщин-студенток, хадза и масаек (соответственно 24,5, 23,5 и 21,0). Процент жира в теле также был выше у мужчин-студентов по сравнению с хадза и масаеями (соответственно 16,1%, 14,0% и 14,8%). Отличия наблюдались и по проценту жира в теле женщин-студенток, хадза и масаек (соответственно 32,4%, 29,0% и 26,1%). Хотя в среднем ни одна из тестируемых групп не выходила за рамки нормы (норма индекса массы тела – до 24,9), все же 11% юношей и 30% девушек-студентов имели избыточный вес, тогда как в двух традиционных популяциях избыточный вес имели менее 2% мужчин и 15% женщин. Для всех тестируемых групп четко прослеживался половой диморфизм по набору тестируемых показателей (мышечная и костная масса была выше у мужчин, а жировая – у женщин; женщины были в среднем на 10 см ниже мужчин, и их силовые показатели также были значительно ниже). Подвижный образ жизни, существенные физические нагрузки и отсутствие в рационе сладких газированных напитков и фаст-фуда – важнейшие факторы, препятствующие набору избыточного веса.

---

²² Доклад подготовлен в рамках гранта РФФИ № 23-18-00277.

**Секция IV-5. Описание и документация языков Африки:
типологические, корпусные и социолингвистические подходы**

**Panel IV-5. Description and documentation of African languages:
typological, corpus and sociolinguistic approaches**

Руководитель/Convenor: Макеева Надежда Владимировна, к.ф.н.,
Институт языкознания РАН

Белецкий Станислав Борисович
НИУ ВШЭ, Москва

Beletskiy Stanislav Borisovich
National Research University Higher School of Economics, Moscow

**НАЗВАНИЯ РАСТЕНИЙ В ЯЗЫКЕ ГОГО (БАНТУ, G11):
ТРАДИЦИОННОЕ ЗНАНИЕ И МОРФОЛОГИЯ
PLANT NAMES IN GOGO (BANTU, G11):
TRADITIONAL KNOWLEDGE MOTIVATING MORPHOLOGY**

The presented research on plant names in Gogo shows three types of structures the language uses for denoting plants: noun class prefix + simple / derivational / compound stem where derivational stems can originate from adjectives or other nouns, and compound stems contain verbal or noun phrases. The semantic base reflected in the stems includes the following categories: physical characteristics of a plant, its properties useful for humans or animals, places where a plant is (used to be) abounded, its behavior. The noun class morphology of plant names can be described as follows. The majority of plant names are found in the gender 3/4 (mu-mi). The gender 5/6 (i-ma) includes the names of fruits. The gender 7/8 (ci-vi) is used to denominate small plants or seeds while seeds are marked by the prefix u- (class 11) in general, as a collective noun. The gender 9/10 (N) contains names of fruits where they are either marked with voiceless nasals mh, nh, ng'h or remain unprefixed. Besides this typical for Bantu noun class allocation, the plant names in Gogo possess one interesting feature consisting of the alternation of prefixes mu-/i- for singular and mi-/ma- for plural. The reason for this phenomenon can be explained with the principle of pragmatic and sociocultural motivation of linguistic form: with the help of these prefixes the speakers communicate their knowledge of plant use: mu-plants are useful for humans in a direct way (e.g. as food, tool or medicine) or in an indirect way (e.g. as food for goats that are eaten by humans), while i-plants are of no use at all.

Рябова Ирина Сергеевна
Институт языкознания РАН

АПЛИКАТИВНАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ЯЗЫКЕ ДАБИДА

Доклад посвящен сфере актантной глагольной деривации, которая в языке дабида (банту E74a) включает в себя, в частности, морфологический глагольный аппликатив как деривационную морфосинтаксическую категорию, представляющую актантную повышающую деривацию.

Создание аппликативных форм (= аппликативная деривация) возможно от корней любой лексической семантики и осуществляется с помощью посткорневых суффиксов, реализующихся в виде алломорфов *-i/-e-*, *-ir/-er-*, *-ri/-re*, гласный элемент которых сингармонически

обусловлен вокализмом корня. В виде вариантов *-i/-e-* и *-ir/-er-* суффикс появляется после финальной корневой согласной; алломорф *-ri/-re* присоединяется к корню с финальной гласной. Правило выбора глаголом конкретного аппликативного показателя из наборов *-i/-e-* и *-ir/-er-* обнаружить не удалось. Вероятно, суффиксы структуры *V* и структуры *Vr* распределены в дабида лексически. Ср.:

(1)		
исходная форма глагола		аппликативная
<i>-yir-</i> ‘запрещать’		<i>-yir-i-</i>
<i>-dek-</i> ‘варить, стряпать’		<i>-dek-e-</i>
<i>-soyod-</i> ‘приближаться’		<i>-soyod-er</i>
<i>-fun-</i> ‘доставать, извлекать’		<i>-fun-ir-</i>
<i>-kai-</i> ‘жить, сидеть’		<i>-ka(i)-ri-</i>

Как известно, основное значение аппликативного глагола – показать, что действие, называемое исходной формой, совершается агенсом для, ради или вместо другого лица.

В дабида приобретение исходной формой глагола аппликативного показателя предполагает обязательное появление в ситуации актанта с синтаксической функцией прямого дополнения и общей семантической ролью адресата, способного становится целью или местом. Актант следует непосредственно за глагольной словоформой и, как правило, маркируется в ее морфосоставе «объектным показателем», называющим его класс и/или лицо: Ср.

(2) *Ni-tfa-m-lim-i-a aba*
 ‘Я ему обработаю.поле отцу (для него-отца / ради него-отца / вместо него-отца)’

При непроемных глаголах партиципаны со специальной семантической ролью цели выражаются одушевленными существительными с предлогом *kwa*, являясь предложным дополнением; партиципаны с ролью места выражаются существительными с локативным суффиксом *-ni* и являются обстоятельством места:

(3) *Pusi i-ka-yend-a kwa m-loyi*,
 но
Pusi i-ka-m-yend-i-a m-loyi
 ‘Кошка пошла к колдуну’

(4) *Tfoki ra-da-kai-a mw-adi-ni*,
 но
Tfoki ra-da-ka(i)-ri-a mw-adi
 ‘Пчелы обычно живут в ульях’

Бенефактивный адресат невозможен в исходных предложениях и получает выражение лишь при аппликативных предикатах (см. 2).

Прохоров Кирилл Николаевич
 Институт языкознания РАН

РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ В ЯЗЫКАХ ДОГОН²³

Языки догон можно разделить на 2 группы в зависимости от того, какая из двух грамматических категорий – одушевленность или личность – является центральной для их именной морфологии. Большая часть языков догон последовательно различают личных (т. е. обозна-

²³ Работа выполнена в рамках проекта РФФ № 24-28-01774.

чающих людей) и неличных референтов (15 языков из 21). В 6 из 21 языках догон различаются одушевленные (т.е. люди и животные) и неодушевленные (все остальные) референты. Указанные различия могут проявляться в разных разделах морфосинтаксиса и, в зависимости от конкретного языка, охватывать большее или меньшее их количество. В языках северо-западной ветви (СЗД) одушевленность проявляется в маркировании множественного числа существительных, в системе личных, указательных местоимений, в системе нумеративных, посессивных классификаторов и показателей определенности. В языке нанга северо-восточной ветви (СВД) данная категория проявляется только в системе определенных артиклей. Неопределенные именные группы данную категорию не выражают, как и категорию числа. В языках юго-западной ветви (ЮЗД) категория личности является скрытой. Она играет важную роль в дифференциальном маркировании объекта: личные существительные в позиции прямого дополнения присоединяют показатель аккузатива, а неличные – нет. Еще более нетривиальный случай представляют собой так называемые «безвершинные» конструкции с прилагательными и относительными предложениями в языке момбо (ЮЗД). В этом языке семантически «пустая» вершина может быть оформлена либо существительным *nda* ‘человек’, либо существительным *u:* ‘вещь’, в зависимости от того, является ли обозначаемый ею референт человеком.

Сравнительно-исторический анализ языков догон позволяет предположить, что категория одушевленности является в них первичной, а развитие категории личности, вероятно, произошло под контактным влиянием. В этом процессе «личные» языки догон грамматикализовали существительное **no-* ‘человек’ в качестве показателя единственного числа людей. Этот показатель был встроен в систему, в которой одушевленные существительные маркировались суффиксом множественного числа **-mi*. В результате значение последнего суффикса подверглось реинтерпретации от суффикса одушевленного множественно к личному суффиксу множественного числа.

Любопытно, что в СВД языках банкан-тей и бен-тей мы также обнаруживаем рефлекс **no-*. В этих языках присутствует маркированный одушевленный сингулярис на *-m*, противопоставленный немаркированному плюралису. В нанга (СВД), где число существительных выражается только показателями определенности, мы также видим рефлекс **no-* ‘человек’ в нескольких частотных словах (ср. *ya-ŋ* ‘женщина’, *ya:* ‘женщины’). Однако данные языки сохранили исходную систему с базовым различием по одушевленности, а грамматикализация существительного **no-* ‘человек’ не привела в них к сдвигу в сторону личности. Любопытно, что консервативность языков СЗД и СВД достаточно хорошо накладывается на их географическое распределение. Большая часть этих языков распространены в горных, труднодоступных районах плато Бандианара. На них говорят небольшие языковые общности, ведущие традиционный образ жизни. Исключение составляет язык бонду-дом, имеющий сравнительно широкое распространение, что, вероятно, отражает позднее расселение его носителей. Прочие языки догон, в которых представлено базовое различие по категории личности, распространены главным образом на больших территориях за пределами горных районов и имеют значительно большее число носителей. Вероятно, переход от одушевленности к личности в данных языках вызван общим субстратным влиянием.

Макеева Надежда Владимировна
Институт языкознания РАН

ПЛАВАЮЩИЙ НИЗКИЙ ТОН И ОЗВОНЧЕНИЕ СОГЛАСНЫХ В ЯЗЫКЕ АКЕБУ (КВА)

В докладе будут рассмотрены два явления в языке акебу семьи ква – плавающий низкий тон и озвончение согласных – в диахронической перспективе и с точки зрения синхронного анализа. Эти два явления выступают совместно в качестве показателей именных классов ʈ, ʑ, ʔ,

КР в существительных и в качестве показателя согласования по классу ʈ в числительных и глаголах. В связи с тем, что контексты возникновения плавающего низкого тона частично совпадают с контекстами появления звонких согласных, в предшествующей литературе звонкие согласные принято было рассматривать как позиционные варианты глухих фонем, возникающие под влиянием плавающего низкого тона. В докладе будут приведены аргументы, указывающие на ошибочность данного анализа, и предложена новая интерпретация наблюдаемых явлений.

Анализ данных, полученных в результате полевой работы в деревне Джон (респ. Того) в 2012 и 2019 гг., показал, что поведение плавающего низкого тона не отличается от поведения низкого тона, имеющего сегментную базу, и поэтому его следует рассматривать лишь как частный случай низкого тона. В частности, согласно одному из комбинаторных тональных правил, как низкий тон, имеющий сегментную базу, так и плавающий низкий тон, распространяются вправо через морфемную границу на соседний слог, несущий лексический высокий тон, в результате чего на поверхностном уровне возникает восходящий тональный контур. Это обстоятельство не позволяет присвоить плавающему низкому тону исключительную способность к озвончению согласных. Одновременно с этим в местоимениях независимой серии наблюдается факультативное озвончение глухих согласных после начального согласного *ŋ*. Таким образом, несмотря на смежность в плане выражения, плавающий низкий тон и озвончение глухих согласных следует рассматривать как независимые явления.

В то же время наблюдаемые в синхронии процессы позволяют выдвинуть гипотезу, согласно которой оба явления можно связать с утратой согласного *ŋ*, несущего низкий тон, в начале слова. С одной стороны, падение *ŋ* привело к утрате низким тоном сегментной базы и возникновению плавающего низкого тона. С другой стороны, его падение привело к фонологизации звонких согласных и морфонологическому чередованию по глухости/звонкости.

Столбова Ольга Валерьевна
Институт востоковедения РАН

ЛЕКСИЧЕСКАЯ БАЗА ДАННЫХ ПО ЧАДСКИМ ЯЗЫКАМ КАК КОРПУС ЭТИМОЛОГИЙ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ)

В докладе анализируются некоторые результаты работы по созданию корпуса этимологий на основе лексического материала чадских языков (одна из ветвей афразийской макросемьи). Задача проекта – представить лексику чадских языков в виде этимологических статей, включающих реконструированную праформу и предполагаемое исходное значение, а также лексические рефлексии в чадских языках. Особое внимание уделяется также поиску когнатов в других афразийских языках.

В процессе работы удалось реконструировать некоторые элементы диахронической морфологии (например, префикс деноминатива и каузатива, аналогичный показателю 4-й породы а арабском языке). Реконструкция исходного значения потребовала исследования в области семантических переходов. Также было обнаружено большое количество чадских когнатов для изолированной лексики в аккадском и др. семитских языках, что свидетельствует об архаизме чадской лексики и о той важной роли, которую играет чадский материал в афразийской этимологии.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ ДЛЯ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТОВ НА СУАХИЛИ

В современном мире наблюдается глобализация информационного пространства и непрерывное развитие информационных технологий, что приводит к интеграции медийной сферы в жизнь человека на различных уровнях. Масс-медиа – источник информации о происходящем в мире, которая транслируется аудитории в форме медиатекстов. Медийный язык является прекрасным примером современного «живого», а не «искусственного» языка, который регулярно обновляется и понятен массовому читателю. Язык СМИ репрезентативен и продуктивен для анализа и вычленения терминов и выражений, актуальных на данный момент времени и относящихся к различным сферам речепользования, а также для понимания того, какие термины и выражения той или иной семантической группы наиболее знакомы массовой аудитории, используются не в узких кругах специалистов, а среди широких масс.

Для анализа современных медиатекстов продуктивно применение методов корпусной лингвистики для выявления как единичных, так и составных терминов различных семантических групп путем анализа данных по частотности употребления n-грамм. Нами был сформирован корпус с учетом ряда общепризнанных принципов, таких как объем, сбалансированность, репрезентативность, релевантность для целей исследования, систематизация с точки зрения структуры и содержания. В работе были использованы материалы интернет-издания *Mtanzania (Танзаниец)*, опубликованные в 2014–2019 гг.

Последовательная проверка полученных результатов показала, что исследование лексики современных медиатекстов позволяет выявить термины и выражения, которые после лексикографической обработки могут использоваться для составления специализированных тематических словарей на языке суахили. Данный пласт лексики актуален в настоящий момент времени, доступен для понимания широким массам.

СУАХИЛИ КАК МЕТАЯЗЫК ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Функционирование естественного языка в речи довольно сложное явление, и для его адекватного отражения необходим метаязык, обладающий разнообразными средствами выражения. Естественный язык может являться своим же метаязыком. Так, язык суахили – единственный из автохтонных языков Африки, который используется как метаязык для различных областей науки. Метаязык может отличаться от естественного языка лишь частично специальной терминологией, однако именно термины являются стержнем метаязыковой системы.

Одна из важнейших составляющих метаязыка – это литературоведческая терминология. Терминосистема, составляющая основу метаязыка литературоведения, аккумулирует результаты исследований других научных направлений и таким образом метаязык является энциклопедией знаний о литературе. Таковым является словарь литературоведческих терминов, составленный кенийским исследователем К.В. Вамитилой (K.W. Wamitila. *Kamusi ya Fasihi: Istitlahi na Nadharia*. 2003. P. 389).

При этом следует отметить, что стимулом для составления подобного словаря стало преподавание курсов литературы на языке суахили в университетских центрах Дар-эс-Салама и Найроби с середины XX века. Отсутствие унифицированной терминологии вызывало затруднения как в учебном процессе, так и на международных симпозиумах, проводимых на языке

суахили. Успех метаязыкового общения зависит от того, насколько совпадают метаязыковые системы говорящего и слушающего.

При всем разнообразии терминотворческой деятельности в Восточной Африке, в основном в Танзании и Кении, можно констатировать три ведущих направления: пуристическое направление ('реализм' > uhalisia), псевдопуристическое (замена английских терминов арабскими: 'проза' > prozi > nathari), интернациональное, т.е. унификация терминологии на основе единого источника, имеющего четкие и однозначные дефиниции в разных языках ('feminism' > феминизм > ufeministi).

Литературоведческая терминология включает разнообразные структурные единицы: это и собственно термины, которые не употребляются в языке-объекте (lughuwi 'тавтология'), и отдельные слова, приобретающие особое значение (igizo 'подражание' > 'спектакль'), и словосочетания, приводящие к образованию составных терминов (riwaya [ya kiu]pelelezi 'детектив'). Совокупность подобных единиц используется в литературоведении для выражения специальных понятий и для называния типичных объектов данной научной области.

Желтов Александр Юрьевич

Санкт-Петербургский государственный университет; МАЭ РАН

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКА СУАХИЛИ В ДРК (ПРОВИНЦИЯ СЕВЕРНЫЙ КИВУ, РАЙОН ГОРОДА ГОМА)

Доклад базируется на полевых данных, собранных в процессе полевой работы с двумя студентами из города Гома (Северный Киву, ДРК), которые в настоящий момент являются студентами магистратуры Восточного факультета СПбГУ. Они демонстрируют пример интересного полилингвизма и владеют языками кинанде, конголезской версией суахили, французским, русским и английским. При этом в детстве на кинанде они говорили дома, на французском в школе, а вся неформальная внешняя коммуникация (улица, рынок и т.д.) велась на суахили. Идиом суахили, на котором говорят студенты, представляет собой интересный вариант, существенно отличающийся от «стандартного» суахили и испытывающий влияние кинанде, а, возможно, и некоторых других местных языков. В докладе анализируется несколько аспектов данного варианта суахили, в частности, согласование по именному классу, термины родства, дитранзитивные конструкции (в том числе с прономинальными актантами). Система согласования по именному классу демонстрирует нейтрализацию некоторых «стандартных» суахилийских классов. Термины родства демонстрируют элементы «реляционной» системы с семантической значимостью пола говорящего. В дитранзитивных конструкциях наблюдается возможность «симметричной» индексации и темы, и реципиента/адресата, при невозможности индексации двух несубъектных актантов в «стандартном» суахили. При этом некоторые варианты индексации демонстрируют превалирование иерархии одушевленности (дейктической иерархии) над выражением ролей, аналогичное языку киньяруанда.

Суетина Юлия Георгиевна

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА СЕВЕРЕ НИГЕРИИ

Социолингвистическая ситуация на севере Нигерии, отличающаяся большой сложностью, за годы, прошедшие с момента провозглашения независимости в 1960 г., претерпела значи-

тельные изменения. Государственным языком Нигерии является английский язык. Наряду с ним широкое распространение получил пиджин, на котором общается основная масса населения в крупных городах.

Доминирующим языком на севере Нигерии является хауса, который уже в Средние века стал выполнять функции лингва франка на территории Западного Судана. Во многих странах Западной Африки до сих пор существуют диаспоры хауса, а сам язык в некоторых странах, например в Гане, объявлен одним из официальных языков.

В северо-западных штатах, где проживает основная масса хауса, официальными языками являются хауса и фульфульде. Еще в 60-х годах прошлого столетия немецкие миссионеры, работавшие на северо-востоке Нигерии, писали, что молодые люди из малочисленных племен, населявших горный массив Мандара, стремились выучить хауса, чтобы найти работу в городах, куда они были намерены переселиться, хотя в близлежащих к горам Мандара областях говорят преимущественно на языке канури.

В начальных школах преподавание ведется на языке хауса, но уже на первой ступени средней школы все предметы преподаются исключительно на английском языке. К сожалению, уровень преподавания английского языка невысок, о чем свидетельствует нигерийская пресса, и преподаватели, особенно в небольших городах, часто вынуждены прибегать к родному языку учащихся – хауса. На хауса ведется работа полиции, местных органов власти, заседания судов, особенно шариатских, где протоколы ведутся на хауса, но записываются не латинской графикой, а аджами. На рынках, в мелких магазинах и кафе разговаривают в основном на хауса.

Хауса как второй язык укрепляет свои позиции в тех штатах, где подавляющее большинство населения говорит на канури. Г. Барт, посетивший Северную Нигерию в середине XIX в., писал, что девушки из племени марги разговаривали преимущественно на языке канури. В настоящее время марги говорят на хауса. Увеличивается и число самих канури, для которых хауса стал вторым языком.

Граоре Яя

Государственный университет просвещения

ШКОЛЬНЫЙ БИЛИНГВИЗМ В РЕСПУБЛИКЕ МАЛИ: ЗА ИЛИ ПРОТИВ?

В Мали сосуществуют примерно 40 языков, среди которых, согласно Конституции 2022 года, 13 получили статус официальных языков, французский – рабочий язык, арабский – язык ислама.

С первых лет независимости (1960 г.) малийское государство столкнулось с проблемами языковой политики. Одной из сфер взаимодействия языков страны является сфера образования. Первые реформы в сфере образования были начаты в 1962 г., и уже тогда уделялось внимание языковым вопросам, а именно применению этнических языков в системе образования. С тех пор последовали и другие реформы, в ходе которых были предложены различные инновационные методики по развитию билингвального обучения в школе. Можно выделить несколько этапов языковой политики в сфере образования в Республике Мали.

Экспериментальный этап применения этнических языков в образовании длился около двух десятилетий, с 1979 по 1999 г. В зависимости от географического положения региона в школах в обучении применялись два языка: язык этнического большинства наряду с французским.

В 2000 г. начался так называемый инновационный этап. Новый подход (двуязычная учебная программа, локальный этнический язык / французский) применяется в государственных школах (бюджетных учреждениях). В частных школах преподавание ведется исключительно на французском языке. Встает вопрос, как при таком подходе встроить этнические языки в

систему образования, и далее способствовать распространению письменной формы этих языков в малийском обществе.

Нами проводится исследование по выявлению языковых предпочтений ключевых акторов в сфере образования: родителей, учащихся и учителей о применении языка бамана (один из 13 официальных языков согласно Конституции 2022 года) в системе образования в городе Бамако, столице Мали.

Урб Моника Райвовна

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНАХ ЮГА АФРИКИ

Современная языковая ситуация в южном регионе Африки²⁴ отличается достаточной сложностью и во многом складывалась под влиянием экстралингвистических факторов (особенности исторического развития региона; формирование и динамика этнической ситуации; языковая политика; экономические и политические условия).

В общем виде языковую ситуацию в южном регионе можно отнести к типу экзогlossной несбалансированной с несколькими разновидностями. Такой тип языковой ситуации определяется различиями в тех отношениях, которые сложились между европейскими языками – макропосредниками и крупными африканскими языками. В действительности ситуация в регионе гораздо сложнее, и само по себе фиксирование экзогlossии ничего не говорит о внутренней динамике языкового развития рассматриваемых стран и о той этнолингвистической структуре, которая определяет возможные направления языковой политики государств. При внешнем сходстве по определенным социоллингвистическим параметрам (например, по признаку экзогlossии) языковые ситуации в странах юга Африки значительно различаются, и это непосредственным образом отражается на языковой политике, проводимой каждым конкретным государством.

The paper considers trends of development of sociolinguistic situation in Southern Africa countries (RSA, Namibia, Botswana, Zimbabwe, Mozambique). The present language situation in this region is characterized by a sufficient complexity and in many respects it was formed under the effect of the extra linguistic factors (special features of the historical development of these countries; formation and development of ethnic situation; language policy; economic and political conditions). In general, the linguistic situation can be attributed to the exoglossic unbalanced type with several varieties. This type is determined by differences in those relations, which were formed between the European languages and the major African languages of these states. The language situations in the examined countries considerably differ with the formal resemblance from the specific sociolinguistic characteristics (for example, according to the sign of exoglossy), and this is directly reflected in language policy, pursued by each concrete state.

---

²⁴ В данной работе рассматриваются социоллингвистические процессы в пяти странах, которые обычно включаются в южный регион Африки: Намибия, ЮАР, Ботсвана, Зимбабве, Мозамбик.

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЭФИОПИИ: СТАТУС ЯЗЫКОВ АМХАРСКОГО И ОРОМО

Эфиопия – это страна с полиэтническим социумом, в которой лингвистическая ситуация отличается этнокультурным разнообразием и динамикой. Эта тенденция наблюдается на протяжении всего существования Эфиопии. В таком мультикультурном социуме проблемы, связанные с развитием социолингвистического профиля, являются особенно актуальными и важными. Особенность языковой ситуации в Эфиопии связана с тем, что страна является одним из наиболее многообразных с точки зрения этнического и лингвистического состава государств в мире: в стране проживают более 80 этнических групп при доминировании амхара и оромо.

Следует отметить, что еще одной отличительной чертой языковой ситуации в Эфиопии является то, что это одна из стран, которая не имеет государственного языка.

Социальные процессы в стране во многом зависят от сложившейся этнолингвистической ситуации. В 1991 г. в Эфиопии произошли серьезные политические, экономические и социальные реформы, которые привели к изменениям в административном устройстве страны. Созданные 12 штатов были сформированы по этническому принципу, а доминирующие языки каждого штата были объявлены рабочими языками. Несмотря на то, что амхарский язык является рабочим языком штата Амхара, в действительности, он продолжает оставаться языком, который выполняет все функции государственного языка и языка федерального уровня. Амхарский язык используется во всех сферах политической, социально-экономической и культурной жизни: на амхарском языке публикуются все федеральные законы, его изучение входит в школьные программы всех штатов, ведется теле- и радиовещание (наряду с некоторыми другими языками Эфиопии). Таким образом, амхарский язык остается языком межэтнического общения. Языки остальных штатов функционируют как языки внутриэтнического общения.

Кардинальные изменения в стране приводят и к изменению языковой политики государства, которое стремится способствовать развитию языков других этнических групп. В феврале 2020 г. правительство Эфиопии объявило, что еще четыре языка станут языками федерального уровня: афар, оромо, сомали и тигринья.

V. СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

SOCIAL AND POLITICAL PROBLEMS

Секция V-1. Африканские миграции и формирование диаспор

Panel V-1. African migrations and the formation of diasporas

Руководитель/Convenor: Жерлицына Наталья Александровна, д.и.н.,
Институт Африки РАН

**Панкратов Сергей Анатольевич,
Оритша Флора**
Волгоградский государственный университет

ИНТЕНСИВНОСТЬ И НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ КАК ИНДИКАТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ/НЕСТАБИЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКАХ НИГЕР И БЕНИН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Первую треть XXI века характеризует высокий уровень активности различных акторов по переформатированию (переустройству) современного миропорядка – реализации тенденции к переходу от однополярности к многополярности с укреплением государственного суверенитета и минимизацией рисков и угроз доминировавшей до недавнего времени либеральной модели глобализации. При этом актуализируются вопросы сохранения и воспроизводства политической стабильности, где ключевыми факторами выступают эффективность власти и ее преемственность, порядок и условия принятия, реализации решений, легитимность системы, ее способность адекватно реагировать на внешние изменения, степень применения насилия.

Для целого ряда африканских стран, в том числе республик Бенин и Нигер, одним из важнейших индикаторов стабильности/нестабильности социально-политического развития выступают векторы и интенсивность миграционных потоков, во многом определяющих характер политического состояния общества и государства. Сравнительный анализ миграционных процессов и миграционных политик в Нигере и Бенине поможет выявить в том числе доминирующие формы и технологии, различные модели стабилизации/дестабилизации, обосновать факторы, оказывающие влияние на жизнедеятельность данных социумов в исторической перспективе – деколонизации стран и народов.

Фактор относительно устойчивой внутривнутриполитической стабильности Республики Бенин позволяет рассматривать это государство как источник высокопрофессиональных эмигрантов в Европу и другие африканские страны. При этом Бенин является принимающей страной для многих трудовых мигрантов из Западной Африки благодаря своему экономическому потенциалу. Однако здесь отсутствует документ о миграционной политике, конкретные программы при важности подписания множества двусторонних соглашений о защите диаспоры и контроле миграционных потоков с Францией, соглашения с Кувейтом, Нигером и Буркина-Фасо и т.д.

Отсутствие безопасности в восточной части Нигера и на севере соседней Нигерии, на западе Мали подталкивают население искать убежище путем массовой миграции. Отсутствие продовольственной и земельной безопасности вынуждает сельское население к временной или сезонной эмиграции. Вместе с тем Нигер играет тройную роль в международной миграции: это одновременно принимающая мигрантов страна; место назначения иммиграции для

многих граждан стран – членов ЭКОВАС; привилегированное транзитное пространство для многих граждан других стран Африки к югу от Сахары.

Yan Ziyi
Sun Yat-Sen University, China

DINING IN BETWEEN: TANZANIAN AND EAST AFRICAN IMMIGRANTS IN GUANGZHOU, CHINA – CASE STUDY CENTRED AT BANTU KITCHEN IN A POST-COVID ERA

Studies of African communities in Southern China were mainly conducted before the *COVID-19* pandemic, for which a substantial population of African workers emigrated who were engaged in both formal and informal economies in China. However, with the worldwide lift of *COVID-19* restriction and economy recovery, African workers have developed a new and diverse network. This paper investigates how East African migrants from Tanzania and beyond survive resiliently by virtue of “dining in between” in a post-COVID era, seizing on Bantu Kitchen, an East African restaurant in Guangzhou, China opened in 2023. I argue that as an enclave of East African dining customs and Swahili culture, Bantu Kitchen is a practical agency of adaptive ambivalence between Africa and China. On one hand, it harbours explicit connection with a Swahili homeland, including practice of daily East African culinary and intimate interaction with Tanzanian organizations in Guangzhou, while on the other hand localizing with the inclusion of Chinese ingredients, the imagination of Chinese food on social media, as well as a power hierarchy in catering service. This paper intends to reveal how East African immigrants build solidarity and boundaries concomitant with localization adjustment through transnational dining in post-COVID China, as well as envisage their future under a glocal context.

Блинова Елизавета Викторовна
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

«АФРИКАНСКИЙ» ЛОНДОН – «РЕКОНСТРУКЦИЯ» ПАМЯТИ

Лондон – политический, административный, финансовый, культурный центр Британской империи – вмещал, адаптировал, консолидировал прибывавшие сюда как по своей воле, так и вынуждено этнорасовые меньшинства. История «африканского» Лондона, охватившая более чем пятисотлетний период, встраивалась в социально-культурное пространство британской столицы, сформировав уникальный и неповторимый образ африканцев.

Интерес к изучению африканского присутствия в Лондоне позволил британским исследователям уже в 1980-е годы заявить, что африканцы не индифферентная черная масса, поверженная силой британского оружия, а индивиды, не уступающие в своем интеллектуальном развитии представителям белой элиты (Д. Дабин, Ф. Шиллон, П. Фрайер и др.). Характерным вектором британской африканистики конца XX – начала XXI в. стало дальнейшее развитие данного утверждения, повлекшее активное изучение вклада чернокожих в историю и культуру Великобритании. Тема «африканского» Лондона отозвалась в новаторских исследованиях не только историков, но и журналистов и писателей, культурологов и искусствоведов, социологов и политологов.

Ученые и исследователи обратились к истокам формирования «африканского» Лондона. Реконструируя его историю, создавая канву жизни и деятельности африканцев в Британской столице в Новое время, они непосредственно выявляли этапы и механизмы рождения «африканского» Лондона, их место в городском хозяйстве и социально-культурной среде. Исследо-

ватели рассматривали становление африканцев (женщин и мужчин), характеризовали их образ жизни и стиль мышления в контексте процессов как восприятия их белыми, так и белых самими африканцами, обозначали границы их профессиональной и общественной активности, изучали их реализацию в литературном творчестве, эволюцию положения в принимающем обществе посредством анализа визуальных источников. Исследования включили топографию присутствия африканцев, места их проживания, мемориальные памятники и доски, захоронения.

Итогом стало создание некоего банка так называемых «мест памяти», явившегося платформой для современных культурно-антропологических теоретических исследований и их практического применения.

Андреев Николай Дмитриевич
Институт Африки РАН

ПОЛИТИКА АВСТРИИ В ОТНОШЕНИИ АФРИКАНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ²⁵

Как и многие другие государства – члены ЕС, Австрия сталкивается с различными вызовами в сфере миграции. Страна находится на путях многих миграционных потоков, в том числе и африканских. Учитывая строгость иммиграционных законодательств некоторых стран Центральной и Восточной Европы, Австрия становится весьма притягательной для беженцев и иммигрантов из многих стран и регионов.

Официальная иммиграционная позиция Австрии совпадает с аналогичной позицией Европейского союза в целом: принимать и интегрировать иммигрантов, прибывающих в страну на законных основаниях, при этом оказывать противодействие нелегальной иммиграции.

Власти Австрии сталкиваются с массовой подачей заявлений о предоставлении убежища от граждан стран, которые традиционно считаются безопасными для проживания, – к числу таких стран относится, например, Тунис (за период с января по октябрь 2022 г. убежище попросили 11 400 тунисцев). Зачастую подача заявления о предоставлении статуса беженца происходит исключительно по экономическим причинам – так намного легче проникнуть в страну и закрепиться в ней. В то же время эта ситуация может помешать в деле оказания помощи и предоставления убежища тем, кто в них действительно нуждается. Тех же лиц, которые не соответствуют требованиям, необходимо возвращать в страны, откуда они прибыли, о чем, в частности, заявлял министр иностранных дел Австрии Александр Шалленберг в 2023 г., встречаясь со своим сомалийским коллегой Абширом Омаром Хурусе. Показательно, что Австрия является четвертой в Европе страной по количеству сомалийских беженцев.

В июне 2023 г. страны ЕС достигли нового соглашения по иммиграции, довольно серьезно ужесточающего соответствующие правила Евросоюза: например, были введены процедуры рассмотрения прошений о предоставлении убежища на границах ЕС. Однако австрийский федеральный канцлер Карл Нехаммер предлагает пойти еще дальше и создать систему, при которой все эти процедуры будут проводиться вообще за пределами Европейского союза: лицо, ищущее убежище, будет подавать соответствующее заявление в своей собственной стране.

Таким образом, на протяжении последних месяцев видно, что Австрия все больше сдвигается в сторону тех европейских стран, которые стремятся ограничить неконтролируемые потоки иммигрантов и беженцев.

---

²⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

РЕГИОН САХЕЛЯ – КЛЮЧЕВОЙ КОРИДОР АФРИКИ ДЛЯ МИГРАНТОВ В ЕВРОПУ²⁶

В настоящее время Сахель является ключевым коридором и отправным пунктом для тех африканцев, кто пытается добраться до Европы, часто с большим риском для себя. Значительная часть миграционных потоков, направляющихся в Европу, является нелегальной и проходит по двум опасным маршрутам: 1) центральный (северный) через Сахару – из Нигера в Ливию и далее в Южную Европу и 2) западный – вдоль побережья Северной Африки, целью которого является Испания. Основной терминал центрального маршрута на Африканском континенте – ливийское побережье, а Италия – пункт прибытия в Европу. В Ливию африканские мигранты попадают из Нигера. Миграционный путь продолжается в ливийском регионе Феццан, до города Сабха. Из Сабхи автоколонны доставляют людей на север, к западному побережью Ливии, откуда лодки выходят в море в направлении Италии.

Южный маршрут миграции ведет в Кот-д’Ивуар и Гану. Этот маршрут сложился давно, еще до разгула насилия в регионе, в те времена, когда практиковалась преимущественно экономическая миграция из Сахеля в прибрежные страны. Чтобы попасть из Буркина-Фасо в Кот-д’Ивуар, беженцы и мигранты направляются в ключевой транзитный пункт – город Кайя, а затем пользуются железнодорожными маршрутами до городов Уагадугу, Бобо-Диуласо и Банфора. По пути в Гану, в которую отправляется гораздо меньше переселенцев, ключевыми транзитными городами являются Лео и По, оба расположены недалеко от северной границы с Буркина-Фасо. Граждане Мали, желающие мигрировать в Кот-д’Ивуар, отправляются в города Сикассо и Мопти, а для переезда в Гану транзитными зонами становятся города Гао и Тимбукту.

Главный фактор, толкающий население Сахеля к миграции – беспрецедентная конфликтность в регионе. Слабость государств, десятилетиями не решающих жизненных проблем своих народов, оборачивается регулярными военными переворотами, ростом популярности экстремистских организаций как альтернативы безвластию и повсеместной эскалацией насилия. В последние годы радикальные джихадистские группировки развязали невиданную волну нападений на гражданское население. Смертоносные межобщинные конфликты из-за ресурсов участились, и теперь на их долю приходится больше смертей, чем на религиозный экстремизм.

Сидорова Галина Михайловна
Институт Африки РАН

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАНАХ БЕНИЛЮКСА (БЕЛЬГИЯ, НИДЕРЛАНДЫ, ЛЮКСЕМБУРГ) В СВЯЗИ С МАССОВЫМИ МИГРАЦИЯМИ ИЗ СТРАН АФРИКИ²⁷

Последнее десятилетие XXI века характеризуется обострением международной обстановки, в том числе из-за усиления миграционных потоков из Африки в Европу, включая страны Бенилюкса – Бельгию, Нидерланды и Люксембург. Это страны с высокими показателями уровня жизни и до недавнего времени – стабильной политической ситуацией. Именно поэто-

²⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>.

²⁷ Доклад выполнен за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123 (<https://rscf.ru/project/22-18-00123/>).

му мигранты стремятся закрепиться в этих странах, найти достойную работу и обеспечить защиту своих гражданских прав. Со своей стороны, власти европейских стран в рамках трансграничного сотрудничества пытаются принимать меры по интеграции мигрантов в европейский социум, сокращению вероятности рисков конфликтных ситуаций, а также усилению контроля над нелегальной миграцией.

Нелегальная миграция, в отличие от легальной, представляет определенные трудности. Согласно Протоколу о реадмиссии от 20 июня 2002 г. между странами Бенилюкса, лица, незаконно находящиеся на территории Бельгии, имеют выбор между добровольным возвращением или принудительным возвращением без полицейского сопровождения или с ним. Однако есть необходимые условия, которые заключаются в том, чтобы страна возвращения была готова повторно принять этих лиц после того, как они будут идентифицированы как их граждане, несмотря на то, что в подавляющем большинстве случаев у них больше нет ни удостоверений личности, ни проездных документов. С этой целью были заключены соглашения между тремя странами Бенилюкса. Протоколы об имплементации этих договоров гармонизируют применение этих процедур, ведущих к репатриации.

Миграционную политику этих стран стоит рассматривать комплексно, исходя из интересов Евросоюза в целом, с определенной поправкой на нормативно-правовую систему конкретного государства, связанную с историей и традициями. Проблема заключается в том, что хотя Евросоюз и пытается найти общую концепцию миграционной политики, согласование подходов между странами – членами ЕС затягивается, и они не всегда достигают консенсуса. Часто поляризация общественного мнения сводится к упору на мобилизацию в поддержку или против миграции. В настоящее время, несмотря на множество европейских структур по координации совместных усилий, среди европейских государств нет единого мнения по выходу из миграционного кризиса.

Шульга Олег Валентинович
Институт Африки РАН

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АФРИКЕ

Африканские миграционные процессы были и остаются реальным фактором мировой экономики, политики и культуры, как в ретроспективе (США, Бразилия, Латинская Америка и др. в период работорговли), так и сегодня (Франция, Великобритания, Португалия – под воздействием постколониальных волн, Европа в наши дни как объект «иммиграционного кризиса»).

Доля Африки в общем количестве мигрантов в мире составляет 14%.

Общее количество всех мигрантов на континенте в 2020 г. составило 40,6 млн чел (рост на 30% к 2010 г.). Из них 45% мигрировали за пределы континента, 51% – внутри континента, 4% – извне на континент. На середину 2023 г. количество мигрантов на территории континента составило 25,1 млн человек или 1,9% населения.

Объективными причинами миграции являются:

- тяжелое экономическое положение;
- тяжелые климатические условия.

Виды миграции:

1. Внутренняя миграция – из деревни в город. Ожидается, что к 2030 г. население таких крупнейших африканских прибрежных городов, как Лагос, Луанда, Дар-Эс-Салам, Александрия, Абиджан, Кейптаун, Касабланка вырастет на 40%.

2. Трансграничная миграция между странами континента – в континентальные экономические хабы (ЮАР, Кот-д’Ивуар, Уганда, Судан, Нигерия, Эфиопия, Кения, ДРК, Южный Судан, Ливия).

3. Трансконтинентальная миграция – главным образом в Европу и на Ближний Восток, где африканские мигранты составляют 8,2% и 6,6% от всех мигрантов соответственно.

Помимо описанной легальной миграции существуют потоки нелегальных мигрантов, которые перемещаются, как правило, по трем маршрутам:

– Восточному – через Эфиопию, Эритрею, Сомали в страны Персидского залива;

– Южному – через Кению и Танзанию в ЮАР;

– Средиземноморскому и Атлантическому – из Гвинеи, Кот-д’Ивуара, Туниса, Марокко, Египта, Алжира и Ливии в страны Европейского союза.

Существует также категория перемещений населения, которую не все соотносят с миграцией, – это вынужденное перемещение людей в связи с вооруженными конфликтами, которому в Африке в 2023 г. подверглись 40 млн человек.

Еще одна причина вынужденных перемещений – перемещение в результате природных катастроф, которым на континенте в 2023 г. подверглись 7 млн человек.

**Секция V-2. Место женщины в африканском обществе
и проблемы семейных отношений**

**Panel V-2. The place of women in African society and problems
of family relations**

Руководитель/Convenor: Ксенофонтова Наталья Александровна, к.и.н.,
Институт Африки РАН

Балтабаева Манзурахон Мирзажановна
Национальный университет Узбекистана
им. Мирзо Улугбека, Узбекистан, Ташкент

**ПРОБЛЕМЫ РАННИХ БРАКОВ И ЛИКВИДАЦИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ ЖЕНЩИН
В СЕМЬЕ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА И АФРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ)**

Такие проблемы, как торговля людьми, агрессия, психическое и физическое давление, влияют на судьбу, здоровье, социальный статус женщин. Особенно вопрос социальных проблем, связанных с ранними браками и негативными последствиями дискриминации женщин в семье, стал наиболее актуальной проблемой не только в Узбекистане, но и во многих странах мира.

6 марта 2023 г. в Генеральной штаб-квартире ООН на 67-й сессии комиссии по положению женщин, посвященной «цифровым технологиям и правам женщин», А. Гутерриш утверждал, что равенство между женщинами и мужчинами «становится все более отдаленным», ситуация с правами женщин и девочек обостряется во многих странах по всему миру, признаки прогресса, достигнутого международным сообществом за последние десятилетия, могут «исчезнуть на наших глазах» и гендерное равенство может быть достигнуто «через 300 лет».

Миллионы девушек по всему миру выходят замуж, не достигнув совершеннолетия. Согласно отчету ЮНИСЕФ, за один год во всем мире выходят замуж 10 млн девочек в возрасте до 18 лет. Например, южноафриканский священник Десмонд Туту утверждает, основываясь на своем опыте работы в глобальной компании под названием «Девочки не невесты», что ранняя выдача девочек замуж является «актом, который крадет детство, права и достоинство миллионов девочек».

В 2018 г. Фонд *Thomson Reiter* провел опрос среди 193 стран – членов ООН с целью выявления стран с наиболее тяжелыми условиями для женщин. В 2018 г. опрос, в котором приняли участие более 550 экспертов, выявил 10 стран мира, представляющих опасность для женщин. Согласно результатам, в них входят такие страны, как Индия, Афганистан, Сирия, США, Саудовская Аравия, Конго, Йемен. Но в таких африканских государствах, как Египет, Нигерия, Судан, Эфиопия, которые характеризуются своими уникальными семейными традициями и низким уровнем цивилизационного развития, женщины-девочки более изолированы от внешнего мира из-за семейных традиций.

Рыбалкина Инна Геннадьевна
Институт Африки РАН

ПРОБЛЕМА ПЛАНИРОВАНИЯ СЕМЬИ В НИГЕРИИ

О значимости проблематики планирования семьи свидетельствуют две из 17 Целей устойчивого развития, разработанных Генеральной Ассамблеей ООН (3.7 и 5.6). В попытках сдер-

жать миграционные цунами из стран глобального Юга коллективный Запад будет продолжать оказывать поддержку развивающимся странам, в том числе экономическому лидеру Африканского континента – Нигерии.

Несмотря на четвертое десятилетие реализации правительственной программы планирования семьи, суммарный коэффициент рождаемости остается там одним из самых высоких в мире (5,3), и, по прогнозам экспертов ООН, к концу XXI в. Нигерия станет третьей по численности населения страной после Индии и Китая. В настоящее время эпицентр демографического взрыва перемещается из Азии в Африку. Взрывоопасный рост населения влечет за собой пагубные последствия – приводит к тяжелым осложнениям экономического развития, подрывает продовольственную безопасность и ресурсную базу социальной политики, препятствует росту образовательного уровня, может порождать череду острых продовольственных и экономических кризисов, циклических вспышек эпидемиологических заболеваний, разрушительные внутренние конфликты, социально-политическую нестабильность, в том числе рост преступности, и войны с соседними странами.

Традиционалистские нормы поведения – желание нигерийцев иметь большую семью, иными словами, большее число бесплатных рабочих рук в сельскохозяйственном производстве, а также религиозные установки и многие иные предпочтения сдерживают реализацию программ государственной демографической политики.

В поисках выхода правительство обращается к ученым-специалистам, указывающим на необходимость первоочередного снижения детской и материнской смертности (4-е место в мире), поскольку без снижения младенческой смертности не может быть сокращения рождаемости. Они подчеркивают, что увеличение финансовой помощи программам планирования семьи, привлечение религиозных деятелей всех конфессий к ознакомлению с правительственной демографической политикой, рост сети медицинских центров консультирования и информирования по вопросам планирования семьи – все это так же важно, как наличие и доступность средств контрацепции. Программа планирования семьи – главная, а во многих странах единственная, составная часть демографической политики, способной существенно снизить материнскую и детскую смертность, содействовать сокращению рождаемости и поступательному социально-экономическому развитию.

Inna G. Rybalkina
Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences

THE PROBLEM OF FAMILY PLANNING IN NIGERIA

The importance of family planning is evidenced by two of the 17 Sustainable Development Goals developed by the UN General Assembly (3.7 and 5.6). In attempts to contain the migration tsunami from the countries of the Global South, the collective West will continue to provide support to developing countries, including the economic leader of the African continent – Nigeria.

Despite the fourth decade of implementation of the government family planning program, the total fertility rate remains there one of the highest in the world (5.3), and, according to UN experts, by the end of the 21st century, Nigeria will become the third most populous country after India and China. Currently, the epicenter of the population explosion is moving from Asia to Africa. Explosive population growth has detrimental consequences – it leads to severe complications of economic development, undermines food security and the resource base of social policy, impedes the growth of educational levels, and can give rise to a series of acute food and economic crises, cyclical outbreaks of epidemiological diseases, destructive internal conflicts, and socio-political instability, including an increase in crime, and wars with neighboring countries.

Traditionalist norms of behavior – the desire of Nigerians to have a large family, in other words, a larger number of free labor in agricultural production, as well as religious attitudes and many other preferences – hinder the implementation of state demographic policy programs.

In search of a way out, the government turns to scientific experts, who point out the need to prioritize reducing child and maternal mortality (4th place in the world), since without reducing infant mortality there cannot be a reduction in the birth rate. They emphasize that increasing financial support for family planning programs, involving religious leaders of all faiths in familiarizing themselves with government demographic policies, and growing the network of health centers for counseling and information on family planning are all as important as the availability and accessibility of contraception. The family planning program is the main, and in many countries the only, component of demographic policy that can significantly reduce maternal and child mortality, contribute to a reduction in the birth rate and to progressive socio-economic development.

**Рыбалкина Инна Геннадьевна,
Фахрутдинова Наиля Зайниевна**
Институт Африки РАН

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К ДОМАШНЕМУ НАСИЛИЮ

Согласно данным последнего глобального исследования ООН совместно с Всемирной организацией здравоохранения, домашнее насилие по-прежнему характерно для всех народов и континентов. ООН считает, что физическое и сексуальное насилие в отношении женщин является наиболее распространенным в мире нарушением прав человека. Пандемия *COVID-19* усугубила ситуацию в отношении насилия в семье; вводимые странами локдауны спровоцировали всплеск домашнего насилия. По данным ООН (2023), каждый час в мире более пяти женщин и девочек погибают в результате насилия со стороны членов их семей.

До рубежа XX–XXI веков понятия домашнего насилия у значительной части народов Африки южнее Сахары не существовало. Лишь в последующий период в результате просветительской деятельности и знакомства с концепциями гендерного равенства в Африке повышается доля населения, особенно среди городской молодежи, для которых домашнее беззаконие превращается в реально осознаваемую проблему. В городском пространстве с начала XXI в. такие древние формы семейно-брачных отношений как левират, сорорат, жестокие обряды вдовства и др. с течением времени стали восприниматься как насилие и пережиток. Ныне наблюдается очень постепенный отказ от данных практик. Но в сельских районах древние традиционалистские формы семьи и поныне рассматриваются населением в качестве социокультурной нормы, а не в контексте гендерного насилия, поскольку традиционные практики составляют часть фундаментальных ценностных ориентаций и этнокультурной идентичности субсахарских народов и имеют четко выраженное социоэкономическое обоснование.

Социологи выделяют ряд основных причин домашней деспотии:

- 1) древние патриархальные традиции доминирования мужчины в семейных взаимоотношениях;
- 2) наглядные примеры в родительской семье – избиение отцом матери – вариант реализации на практике теории социального обучения;
- 3) фактор неконтролируемого употребления алкоголя мужчиной.

По свидетельству африканских социологов, анализ общих тенденций показывает, что в XXI в. степень оправдания мужчинами домашнего насилия с течением времени постепенно снижалась, но чрезвычайно медленно. Вплоть до пандемии *COVID-19*. Основные факторы, обуславливающие тенденцию к отказу от избиения жены, включают уровень образования, пожилой возраст (45 лет и старше), высокий доход, моногамию и некоторые другие. Это также отчасти связано с постоянными усилиями неправительственных и женских организаций, стремящихся к трансформации отношения к гендерному эгалитаризму в Африке. Женские НПО ныне ставят задачи по изменению мировоззрения молодого поколения, начиная со школьного уровня, где профилактика насилия в семье должна бы стать частью учебной программы.

**Inna G. Rybalkina,
Nailya Z. Fakhrutdinova**
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

EVOLUTION OF ATTITUDES TOWARDS DOMESTIC VIOLENCE

According to the latest global study by the UN jointly with the World Health Organization, domestic violence is still common across all nations and continents. The UN considers physical and sexual violence against women to be the most widespread human rights violation in the world. The *COVID-19* pandemic has worsened the situation regarding domestic violence; lockdowns imposed by countries have provoked a surge in domestic violence. According to the UN (2023), around the world every hour more than five women and girls die as a result of violence of their family members.

Until the turn of the 20th–21st centuries, the concept of domestic violence did not exist among a significant part of the peoples of Sub-Saharan Africa. Only in the subsequent period, as a result of educational activities and familiarization with the concepts of gender equality in Africa, the proportion of the population, especially among urban youth, for whom domestic lawlessness turns into a really perceived problem, increases. In urban space since the beginning of the 21st century, such ancient forms of family and marriage relations as levirate, sororate, cruel rites of widowhood, etc. began to be perceived as violence and a relic over time. Nowadays there is a very gradual abandonment of these practices. But in rural areas, ancient traditionalist family forms are still considered by the population as a sociocultural norm, and not in the context of gender-based violence, since traditional practices form part of the fundamental value orientations and ethnocultural identity of the sub-Saharan peoples and have a clearly defined socioeconomic justification.

Sociologists identify a number of main reasons for domestic despotism:

- 1) ancient patriarchal traditions of male dominance in family relations;
- 2) clear examples in the parental family– father beating the mother – a variant of the theory of social learning implementation in practice;
- 3) factor of a man’s uncontrolled alcohol consumption.

According to African sociologists, analysis of general trends shows that in the 21st century the extent to which men justified domestic violence gradually declined over time, but at an extremely slow rate. Until the *COVID-19* pandemic. The main factors that contribute to the trend towards not being a wife beater include level of education, older age (45 years or older), high income, monogamy and several others. This is also partly due to the ongoing efforts of non-governmental and women’s organizations seeking to transform attitudes towards gender egalitarianism in Africa. Women’s NGOs are now setting goals to change the worldview of the younger generation, starting at the school level, where the prevention of domestic violence should become part of the curriculum.

Timileyin Gabriel Olajuwon
University of the Western Cape, South Africa;
Oluwakemi Ruth Olayinka
Ilead Africa, Nigeria

WOMEN AS PEACE PILLARS: A HISTORICAL ANALYSIS OF THE EVOLUTION OF WOMEN’S ROLES IN PEACEBUILDING IN NIGERIA

Women continue to be disproportionately susceptible despite calls from the United Nations Security Council for their full engagement in peacebuilding and conflict resolution. Scholarly literature has offered a number of explanations for this, including the fact that women’s rights are

frequently restricted to domestic responsibilities as caregivers and homemakers and that they are most immediately impacted by the fallout from the conflict. Although the status of women has changed over time, their contributions to peacebuilding in particular have not received enough recognition or emphasis. Examining the historical development of women's participation in peacebuilding efforts in Nigeria thus becomes pivotal. Using a desktop review and thematic analysis, encompassing historical records, and archival materials, this paper aims to scrutinize the historical trajectory of women's involvement in peacebuilding activities in Nigeria. Additionally, the article aims to examine the capacity-building programs for Nigerian women, as well as the steps taken by women to ensure meaningful and emancipated participation in peacebuilding efforts and to promote peacebuilding activities. Women are constantly essential in promoting communication, settling conflicts, and advancing reconciliation – from conventional conflict resolution techniques to modern grassroots initiatives. It becomes crucial to comprehend this impact when it comes to peacebuilding. This paper therefore suggests that in order for peacebuilding to be successful and long-lasting, individuals harmed by conflicts – especially women – should be given priority in targeted efforts. For effective and long-lasting effects, their participation and inclusion are considered essential.

Гришина Нина Владимировна
Институт Африки РАН

АФРИКАНКИ В СФЕРАХ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Значительные изменения в социальной сфере африканских стран, произошедшие после обретения ими независимости, затронули миллионы женщин. Расширение доступа к образованию и различным областям общественной жизни позволило наиболее способным и активным из них стать владелицами предприятий малого и среднего бизнеса и, значительно реже, возглавить крупные фирмы.

Как правило, доступ к предпринимательской деятельности значительно упрощен для женщин из состоятельных общественных слоев в силу имеющихся в их распоряжении значительных финансовых средств, необходимых при открытии того или иного предприятия. География женского предпринимательства предполагает наибольшую концентрацию в крупных городах и заметное убывание от центральных регионов к периферии.

Для успешного участия в любых сферах современного производства от предпринимателей – и мужчин, и женщин – требуются постоянно обновляемые разносторонние знания в выбранной ими области деятельности и опыт практической работы.

Среди африканских предпринимательниц немало тех, кто успешно работает в отраслях, где всегда доминировали мужчины. Это относится, например, к производству вин, развитию тонких технологий, руководству авиакомпаниями и предприятиями по сбору и утилизации отходов, что наблюдается в Намибии, ЮАР, Нигерии. Более традиционными по сравнению с названными видами деятельности являются владение салонами красоты, пищевыми производствами, швейными мастерскими и мастерскими по изготовлению ювелирных украшений. Эти сферы деятельности, возглавляемые женщинами, распространены во многих африканских государствах.

Несмотря на достаточно широкие возможности состоятельных африканок в бизнесе, они нередко испытывают давление не только со стороны конкурирующих с ними предпринимателей-мужчин, но и со стороны вышестоящих экономических организаций. Это объясняется как жесткими правилами ведения бизнеса, так и традиционным отношением к женщине как к существу вторичному по отношению к мужчине. Представляется, что такая ситуация будет сохраняться еще долгие годы, поскольку складывавшиеся веками гендерные стереотипы преодолеваются с большим трудом и далеко не повсюду.

Но вопреки сложностям, современные африканские предпринимательницы, совмещая традиционные женские занятия и несвойственные им ранее виды деятельности, способствуют модернизации общества и развитию своего континента.

Nina V. Grishina

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

AFRICAN WOMEN IN MODERN ENTREPRENEURSHIP

Significant changes in the social sphere of African countries that have occurred since their independence have affected millions of women. Expanding access to education and various areas of public life has allowed the most capable and active of them to become owners of small and medium-sized businesses, and much less often to head large companies.

As a rule, access to entrepreneurial activity is significantly simplified for women from wealthy social strata due to the considerable financial resources available to them, which are necessary when opening an enterprise. The geography of women's entrepreneurship assumes the greatest concentration in large cities and a noticeable decrease from the central regions to the periphery.

For successful participation in any spheres of modern production, entrepreneurs – both men and women – need constantly updated versatile knowledge in their chosen field of activity and practical work experience.

There are many African businesswomen who successfully work in industries where men have always dominated. This applies, for example, to the production of wines, the development of fine technologies, the management of airlines and enterprises for the collection and disposal of waste, which is observed in Namibia, South Africa, Nigeria. More traditional in comparison with these types of activities are the ownership of beauty salons, food processing, sewing workshops and workshops for the manufacture of jewelry. These fields of activity, headed by women, are common in many African States.

Despite the ample opportunities of wealthy African women in business, they often experience pressure not only from male entrepreneurs competing with them, but also from higher economic organizations. This is explained both by the strict rules of doing business and by the traditional attitude towards a woman as a secondary being in relation to a man. It seems that this situation will persist for many years to come, since the gender stereotypes that have developed over the centuries are overcome with great difficulty and not everywhere.

But despite the difficulties, modern African businesswomen, combining traditional female occupations and previously unusual activities, contribute to the modernization of society and the development of their continent.

Петров Константин Алексеевич

Тверской государственный университет

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В СФЕРЕ СЕКСУАЛЬНОЙ КОММЕРЦИИ В ЮЖНЫХ ШТАТАХ НИГЕРИИ В 1985–2023 гг.

Правительство Нигерии подписало в 1984 г. и ратифицировало в 1985 г. Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее – Конвенция), принятую Управлением Верховного комиссара по правам человека ООН в 1979 г. Статья 6 части I Конвенции предполагает необходимость принятия мер для «пресечения всех видов торговли женщинами и эксплуатации проституции женщин». В данном докладе анализируется динамика в положении женщин южных штатов Нигерии, занятых в сфере сексуальной коммерции, с 1985 г. – года ратификации Конвенции – по настоящее время.

В указанный период в законодательство Нигерии вносились статьи, которые препятствовали вовлечению в проституцию женщин и в особенности детей. Правовые нормы запрещали сутенерство и содержание публичных домов, а также навязывание сексуальных услуг женщинами в общественных местах. При этом сама проституция не причислялась к проявлениям делинквентного поведения, хотя и осуждалась обществом. Проблема мужской проституции в политическом дискурсе страны не затрагивалась, что лишало работников этой сферы какой-либо правовой помощи.

Несмотря на меры по предотвращению эксплуатации занимающихся проституцией, сохраняется комплекс проблем, с которыми и в настоящее время продолжают сталкиваться работники в сфере сексуальной коммерции. В частности, это физическое насилие, которое не только игнорируется, но и совершается ими. Кроме этого, женщинам часто отказывают в получении медицинской помощи для предупреждения или в случаях заражения ВИЧ/СПИД. Для секс-работниц это является существенной проблемой, поскольку в сложившихся в стране условиях они не имеют возможности настаивать на использовании клиентами контрацептивных средств или получать соответствующую медицинскую помощь.

В последнее десятилетие в Нигерии действует Национальная Ассоциация проституток Нигерии, которая оказывает помощь женщинам в сфере сексуальной коммерции, а также проводит кампании в целях достижения равного отношения к ним в сфере здравоохранения, противодействия эксплуатации и насилию со стороны правоохранительных структур. В настоящее время Ассоциация лоббирует вопрос о легализации проституции для предоставления секс-работницам социальных гарантий, которые имеют женщины, занятые в других сферах деятельности.

Махмутова Мария Игоревна
РГГУ

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УНИВЕРСИТЕТЕ АЛЬ-АЗХАР

Будучи одним из самых старых учебных центров в арабо-мусульманском мире, Аль-Азхар открыл свои двери для женского образования только в 1961 г. на основании Закона 103. На его основе Университет должен был провести реформы в духе социализма. В Каирском районе Маади был создан отдельный кампус для девушек, там же рядом располагалась школа для представительниц прекрасного пола. Такая система вписывалась в насеритский дух Египта, где образованная и работающая женщина стала символом прогресса. Это стало явным отличием от предыдущей эпохи, когда роль женщины сводилась к роли хранительницы домашнего очага, которой даже не следовало иметь образование.

Примечательно, что изначально в Аль-Азхар могли поступить девушки, которые окончили школу в районе Маади, так как иных мест для получения знаний у них не было. Школа делилась на два уровня: младшая и средняя. При переходе из одной в другую нужно было соблюсти два условия: быть мусульманкой и сдать экзамен на знание Корана и Сунны. Предметы включают библейскую герменевтику, теологию, биографию и деяния Пророка Мухаммеда, а также моральное воспитание, исламскую юриспруденцию, декламацию, сочинение, дикцию, два типа арабской грамматики, диктант и каллиграфию. Общие предметы включали науку о здоровье, математику, художественное образование, общественные науки, английский язык, физкультуру. По набору дисциплин не было различия между школой для девочек и образовательными учреждениями для мальчиков.

Важно отметить, что, открывая платформы для женского образования, Египет также старательно отбирал квалифицированные кадры из числа женщин, стимулируя престиж занятости для женщин и экономически вовлекая их в рынок труда. И все же в самом начале пути отобрать образованных преподавателей среди женщин было сложно, по этой причине женский педагогический состав не превышал 35%. Важной задачей как в школе для девочек, так

уже и в Университете для преподавателей являлось создание благопристойной среды. Так, многие девушки воспринимали преподавателей и деканов как своих матерей.

Среди ключевых целей образования девушек в Аль-Азхаре перечислялись следующие: воспитание здоровых жен, матерей и домохозяек; воспитание лидерских качеств праведных мусульманских женщин; обучение арабо-мусульманским практикам, включая знание религии, традиций, почитание Сунны и Корана; возможность представить образованную арабскую женщину на мировом уровне.

В Аль-Азхаре девушки могли поступить на один из трех факультетов: исламоведение, арабское языкознание и социология. По окончании обучения они получали диплом бакалавра. При этом обучение в университете имело две стороны медали. С одной стороны, женщины вовлекались в образовательную среду, а с другой – происходила внешняя исламизация.

Женское образование набирало обороты в течение 1980-х годов, и уже к XXI в. количество школ для девочек достигло 1300 по всей стране. Выпускницы Аль-Азхара преимущественно видели свою дальнейшую реализацию в преподавании. Именно они стали учителями в школах, а некоторые продолжили свою деятельность в Аль-Азхаре. В настоящее время в стенах Аль-Азхара для девушек расширился набор специальностей, в частности, они могут изучать медицину и ряд гуманитарных наук.

В целом история открытия Аль-Азхаром своих дверей для женского образования в 1961 г., согласно Закону 103, отразила глубокие социокультурные изменения в арабо-мусульманском обществе. Этот шаг в сторону равноправия в образовании олицетворял насущную потребность в социальных реформах, проведенных в насеритском духе Египта. Система образования для девочек в Аль-Азхаре была не только ключевым элементом модернизации, но и символом прогресса, призванным изменить роль женщины в обществе. В современную эпоху, расширяя спектр специальностей для женщин, Аль-Азхар продолжает играть важную роль в обеспечении образования женской половины общества, формируя лидеров и специалистов в различных областях.

Godwin Onuh Odeh
Sokoto State University, Nigeria

DRIVING YOUTH DEVELOPMENT AND EMPOWERMENT IN AFRICA THROUGH THE NATIONAL YOUTH SERVICE PROGRAMME: THE GAMBIAN MODEL

The National Youth Service scheme is becoming the major vehicle of youth mobilization for development and empowerment in Africa particularly the sub-Saharan region since the 20th century. The degree of importance attached to national youth services is a reflection of the significant position youth occupied as fundamental element of societal development and creative economy. In driving youth development and empowerment agenda within the context of creative economy through the national youth service programme, African States adopt different approaches as could be seen in the case of Nigeria, Ghana, The Gambia, Botswana, South Africa, Zambia, Togo, among others. The attention of this paper is on The Gambia National Youth Service Scheme (GNYSS) that was founded in 1996 by the Nigeria's National Youth Service Corps (NYSC) through technical assistance. Though it appeared traditionally modeled after the NYSC, but strongly differs in operations as it fundamentally focuses on creating battalion of youth workers in diverse area of skills and talents. It is against the backdrop of these glaring differences this paper examines the operations of the GNYSS and its impact on the Gambian society. It adopts quantitative and qualitative methods of research and gleans on evidences from events and developments around the operations of the GNYSS since 1996. The paper foregrounds its narrative on the ideas of National Youth Service as "Moral Equivalent of War", "Service- Learning" and as "A Way of Strengthening Ties among the People of the World" espoused by William James, John Dewey and Rosenstock-Huessy. It discovers that, at the time of the founding of the GNYSS, about 47% of the Gambian

population were youths in which about 200,000 between the ages of 17 and 27 were highly vulnerable to idleness, unemployment, indiscipline, frustration, drug abuse, prostitution and perpetual drinking of the Chinese tea known as the *Ataya*. However, the narrative changed consequent upon the establishment of the GNYSS which opened the economy to creativeness, thus underscoring the social, economic, political contribution of the scheme to The Gambia. The paper concludes that The Gambia's model of national youth service targets at non-graduate youths contrary to the NYSC, and that through the skill acquisition and empowerment GNYSS promotes, it has been able to economically equip the youths and reposition the Gambian society on a more progressive trajectory. In view of the numberless challenges facing African youths, African nations are charged to learn lessons from The Gambia in their quest for creative economy in the 21st century and beyond.

Секция V-3. Гендерные трансформации в современной Африке

Panel V-3. Gender transformations in modern Africa

Руководитель/Convenor: Крылова Наталья Леонидовна, д.и.н., Институт Африки РАН

Крылова Наталья Леонидовна
Институт Африки РАН

АФРИКАНКА В БОРЬБЕ ЗА ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО

Расширение прав и возможностей женщин и гендерное равенство все чаще заявляются в национальных планах развития африканских стран. Однако все еще существует гендерный дисбаланс в экономической, социальной, политической сферах жизни, низкий социальный статус и роль африканок в системе общественных отношений, их дискриминация в доступе к ресурсам жизнеобеспечения, беспрецедентные масштабы домашнего и семейного насилия.

Устойчиво сохраняющееся социально-экономическое неравенство женщин проявляется не только в различиях по занимаемому ими месту в обществе, но и по характеру труда, препятствуя эффективному экономическому развитию стран. Высокая степень неграмотности африканок – убедительный показатель крайне нерационального использования трудовых ресурсов. На неблагоприятном социально-экономическом фоне изменяется гендерный профиль африканской иммиграции: высокая мужская мобильность сменяется «феминизацией» миграционных процессов.

Медленно, болезненно, но неуклонно преодолевается барьер неравенства между полами в Африке. И в этих процессах необычайно важна роль женских организаций континента, которая заключается в смягчении болевых точек, существующих сегодня в их обществах: ликвидации неграмотности, повышении культурного уровня, активизации участия африканок в общественной и политической жизни своих стран. Женские организации чрезвычайно важны в качестве механизма, при помощи которого африканки могут отстаивать свои законные интересы. Необходимо укрепление статуса подобных организаций, их взаимодействия, расширение сфер их деятельности в таких направлениях, как построение мира и искоренение гендерного насилия; содействие участию женщин в общественно-политической жизни; обеспечение экономической и экологической справедливости; повышение доступа к образованию; расширение гендерного равенства и прав и возможностей женщин в процессах местного развития.

Сегодня остро необходима разработка государственных программ, принимающих в расчет гендерную проблематику. Политика африканских стран должна обеспечивать равный доступ к возможностям как для мужчин, так и для женщин, а также создание гендерно-инклюзивной и восприимчивой среды путем сокращения гендерных ограничений. Такой подход позволит обеспечить, чтобы конкурентоспособность, трудовые права и гендерное равенство рассматривались не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие цели.

Гришина Нина Владимировна
Институт Африки РАН

ЖЕНЩИНЫ-ИССЛЕДОВАТЕЛИ В ИННОВАЦИОННЫХ ОБЛАСТЯХ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА. ИЗМЕНЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Роль женщин в агропромышленном секторе африканских стран сложно переоценить. Более 62% женского населения заняты в фермерском хозяйстве, выполняя основные работы по

производству, переработке и реализации сельскохозяйственной продукции. Но роль женщин в разработке исследовательских программ, принятии решений и руководстве научной деятельностью невелика. Среди исследователей, занимающихся проблемами сельского хозяйства, примерно 22% женщин, и лишь одна из семи находится на руководящей должности.

Во многом такое положение вещей объясняется веками сложившимися стереотипами, подразумевающими вторичность женщин по отношению к мужской части социума и бытующими до настоящего времени. Однако значительный гендерный разрыв в области сельскохозяйственных исследований и инновационных разработок может оказать негативное влияние на сельскохозяйственную практику и, как следствие, на продовольственную безопасность государств континента.

Поэтому непростая ситуация, сложившаяся в последние десятилетия в агрофере стран, особенно подверженных заметным климатическим изменениям, требует расширения участия женщин с высшим профильным образованием в научно-исследовательской работе. От разработки эффективных программ исследований в области сельского хозяйства и их скорейшей реализации зависят возможности по повышению продуктивности агросектора, обеспечению его рентабельности и устойчивого функционирования.

Так, программа предоставления стипендий женщинам *AWARD Fellowship* способствовала активизации научно-исследовательской деятельности женщин – сотрудниц 300 исследовательских институтов в 16 африканских странах. Участницы этой и аналогичных программ работают над решением хронических проблем сельского хозяйства, среди которых утрата плодородия почв, уменьшение урожайности посевных культур вследствие опустынивания, дефицита воды и увеличения среднегодовых температур; болезни крупного и мелкого скота, а также разводимой в фермерских хозяйствах домашней птицы. При непосредственном участии женщин в полевых и лабораторных исследованиях сельскохозяйственные институты ведут разработку и внедрение поливакцин против опасных заболеваний животных, работают над выведением высокопродуктивных и устойчивых к засухе сортов сорго, что особенно ценно для районов неорошаемого земледелия.

Таким образом, максимально используя не только научные, но и традиционные знания и навыки практической работы женщин, можно успешно реализовывать различные технологические и инновационные решения для преодоления проблем, с которыми сталкивается континент в области аграрного производства.

Nina V. Grishina

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

WOMEN RESEARCHERS IN INNOVATIVE AREAS OF AGRICULTURE. CHANGING GENDER STEREOTYPES

The role of women in the agro-industrial sector in African countries cannot be overestimated. More than 62% of the female population is engaged in farming, performing the main work on the production, processing and sale of agricultural products. But the role of women in the development of research programs, decision-making and the management of scientific activities is small. Of the agricultural researchers, approximately 22% are women, and only one in seven is in a managerial position.

In many cases, this state of affairs is explained by centuries-old stereotypes that imply the secondary nature of women in relation to the male part of society and exist to this day. However, a significant gender gap in agricultural research and innovation can have a negative impact on agricultural practices and, as a result, on the food security of the continent's states.

Therefore, the difficult situation that has developed in recent decades in the agricultural sector of countries that are especially exposed to noticeable climate change requires the expansion of the participation of women with higher specialized education in research work. The development of effective agricultural research programs and their early implementation would determine the

potential to increase the productivity of the agricultural sector, ensure its profitability and sustainable functioning.

For example, the AWARD Fellowship program for women has boosted the research activities of women employees of 300 research institutes in 16 African countries. Participants in this and similar programs are working to address chronic agricultural problems, including loss of soil fertility; reduced crop yields due to desertification, water scarcity and an increase in average annual temperatures; diseases of large and small livestock, as well as farmed poultry. With the direct participation of women in field and laboratory research, agricultural institutes are developing and introducing polyvaccines against dangerous animal diseases, working on the development of highly productive and drought-resistant varieties of sorghum, which is especially valuable for areas of rain-fed agriculture.

Thus, by making maximum use of not only scientific, but also traditional knowledge and practical skills of women, it is possible to successfully implement different technological and innovative solutions to overcome the problems faced by the continent in the field of agricultural production.

Елькина Екатерина Алексеевна
Институт Африки РАН

НЕПАД И ГЕНДЕР. ГЕНДЕРНЫЙ РАЗРЫВ В ЕГИПТЕ В РЕГИОНАЛЬНОМ СРЕЗЕ

В 2004 г. в рамках НЕПАД было создано Управление по гендерным вопросам и гражданскому обществу.

Культура и преобладающие в сообществах гендерные и социальные нормы играют важную роль в формировании идентичностей, ролей и обязанностей, а также влияют на доступ к ресурсам и контроль над ними.

Население Египта – более 100 млн человек, из которых чуть менее половины – женщины. Около 58% проживают в сельской местности, и эта часть населения страны моложе городского, что делает экономические и социальные проблемы в сельских районах особенно актуальными для будущего Египта. Люди, живущие в сельской местности, сталкиваются с более высокими уровнями многоаспектной бедности и интенсивности лишений, чем те, кто проживает в провинциях с высоким уровнем урбанизации. Молодые сельские женщины находятся в тройном неблагоприятном положении из-за своего пола, возраста и места проживания. Уровень бедности особенно высок в сельских районах Верхнего Египта, достигая почти 60%.

Египет занимает 134-е место в Глобальном индексе гендерного разрыва. Хотя по уровню образования – 102-е, расширению политических прав и возможностей – 103-е, в сфере здоровья и выживания – 85-е. Однако, разрыв между участием в рабочей силе и экономическими выгодами, где показатель участия мужчин намного выше, чем у женщин, – 77%. Экономически активных женщин только 22%, из которых около 20% работают по контракту неполный рабочий день.

Неоплачиваемый домашний труд значительно больше распространен среди женщин и девочек в Египте, по этому показателю гендерный разрыв одинаков для городского и сельского населения.

Также строгие предписания гендерных ролей являются ключевыми причинами того, что образование мальчиков имеет приоритет перед образованием девочек, особенно в семьях, находящихся за чертой бедности. 16% женщин в сельских районах Верхнего Египта никогда не посещали школу.

Однако Египет стал первой арабской страной, которая приняла в 2017 г. собственную «Национальную стратегию расширения прав и возможностей женщин до 2030 г.» в соответствии с Целями устойчивого развития ООН, и поступательно движется в этом направлении.

**ЮАР НА ПУТИ К ГЕНДЕРНОМУ ПАРИТЕТУ В ПОЛИТИКЕ.
ДИРЕКТОР-ИСПОЛНИТЕЛЬ СТРУКТУРЫ «ООН-ЖЕНЩИНЫ» В 2013–2021 гг.
Ф. МЛАМБО-НГКУКА**

В 2024 г. исполнится 30 лет начала реализации в Южно-Африканской Республике (ЮАР) идеи гендерного равенства в политике. С начала 2000-х годов одной из главных особенностей формирования ее политического руководства стало расширение представительства женщин в органах власти всех уровней. Для этого существуют как юридические, так и институциональные условия, создан национальный механизм реализации гендерного равенства, который отличается высокой степенью структурированности и уровня координации между его структурами. Современная концепция равенства женщин и мужчин в политике на практике реализуется через использование системы квот женского представительства на выборных должностях. В результате за эти годы в политическом ландшафте страны появились значимые фигуры женщин-политиков, которые составляют достойную конкуренцию мужчинам.

В африканском обществе постепенно меняются стереотипы гендерного сознания. Отношение к гендерному равенству в политике изменилось как на уровне руководства страны, так и в подходах избирателей, о чем свидетельствуют результаты парламентских выборов. Однако факт представительства женщин в органах власти – только часть (хотя и очень важная) решения проблемы гендерного равноправия. Главное – эффективность их деятельности. Дальнейшему расширению гендерного равенства в политике в ЮАР, как и в других странах Африки, будут способствовать создание равных условий для мужчин и женщин по выдвижению на выборах, реальное действие демократических принципов в партиях, а также совершенствование политической культуры, исключающей создание предпосылок для дискриминации по половому признаку.

Некоторые государственные и политические деятели-южноафриканки вносят вклад в становление гендерного равенства в рамках международных организаций. Ярким примером их эффективного участия в решении проблем современности на самом высоком уровне является многолетняя деятельность Фумзиле Мламбо-Нгкука – директора-исполнителя структуры «ООН-женщины» в 2013–2021 гг.

Liubov Ya. Prokopenko
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

**SOUTH AFRICA ON ITS WAY TO GENDER PARITY IN POLITICS.
EXECUTIVE DIRECTOR OF UN WOMEN 2013–2021 F. MLAMBO-NGCUKA**

2024 will mark the 30th anniversary of the implementation of the idea of gender equality in politics in South Africa. Since the 2000s, one of the main features of the formation of its political leadership has been the expansion of women's representation at all levels of government. There are both legal and institutional conditions to this end; a national mechanism for the implementation of gender equality has been created, which is characterized by a high degree of organization and of level of coordination between its structures. The modern concept of equality of women and men in politics is implemented in practice through a quota system for women's representation in elected posts. As a result, eminent female politicians who are worthy competition for men appeared over the years in the political landscape of the country.

In African society, stereotypes of gender consciousness are gradually transforming. Attitudes towards gender equality in politics have changed both at the level of the country's leadership and in the voters' approaches, as evidenced by results of parliamentary elections. However, the fact of

women's representation in government is only one aspect (albeit a very important one) in solving the problem of gender equality. Efficacy of these women's activities is the key.

Further expansion of gender equality in politics in South Africa, as well as in other African countries, will be facilitated by the creation of equal conditions for men and women to stand for elections, a real implementation of democratic principles in parties and a political culture that would exclude preconditions for discrimination based on gender.

Some South African government and political figures are contributing to the advancement of gender equality in international organizations. A striking example of their effective participation in solving the problems of our time at the highest level is the long-term work of Phumzile Mlambo-Ngcuka, Executive Director of the UN Women from 2013 to 2021.

Ксенофонтова Наталья Александровна
Институт Африки РАН

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ ВЛАСТЕЙ ЛИБЕРИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА ЭЛЛЕН ДЖОНСОН-СЕРЛИФ (2006–2018)

Гендерная тема и проблемы, связанные с ней, встают перед всеми независимыми африканскими странами, занимая ведущее место в программах и стратегических проектах верховных властей и политических партий.

Особый интерес представляет пример Либерии во время правления первой в Африке женщины-президента Эллен Джонсон-Серлиф (2006–2018). До этого исторического периода в жизни страны наблюдалась сложная экономическая и социальная обстановка, политическая нестабильность, вылившаяся в две кровопролитные гражданские войны (1989–1997 и 1999–2003 гг.), унесших жизни более 500 тыс. человек.

После проведения всеобщих выборов новому руководству страны досталось тяжелое наследство. Среди прочих проблем к приоритетным задачам относили решение вопросов гендерного равенства и ликвидации всех форм насилия и дискриминации женщин.

Из документов, представленных правительством Либерии в ООН и другие международные организации, следует, что на протяжении длительного исторического периода права женщин и детей ущемлялись на всех уровнях: в областях экономики, социально-политических отношений, культуры, религии, традиций, образования, здравоохранения, гражданских свобод. На 2022 год по международному рейтингу Индекса гендерного неравенства Либерия занимала 164-е место из 170 стран.

Особенно болезненными точками были чрезвычайная нищета и бесправие женщин, эпидемия всех форм насилия, похищение людей, торговля женщинами и детьми, низкий уровень грамотности, необеспеченность элементарным медицинским обслуживанием, высокая смертность, неравенство полов в сфере занятости и политических прав.

С первых же дней работы правительства Серлиф было создано Министерство по гендерным вопросам и развитию, сформированы многочисленные программы и составлены проекты, изданы законы, за результативностью которых следили государственные комиссии и общественные организации во всех графствах страны.

В результате всех этих усилий властей, поддержанных широкими массами жителей, за рассматриваемый исторический период были продемонстрированы значительные успехи в достижении гендерного равенства в области экономической занятости и оплаты женского труда; африканки получили доступ к начальному и высшему образованию, ко многим профессиям, которые ранее считались мужскими; они стали собственниками наделов и начали вести бизнес, получая от администрации субсидии и гранты; в городах и сельской местности открывались медицинские центры. Были приняты законы, ужесточающие меры борьбы с торговлей людьми и гендерным насилием.

Мероприятия в области широкой информационной работы на радио, телевидении, в интернете, посредством проведения коллоквиумов и распространения печатной продукции помогли достичь положительной динамики в формировании у жителей всех уголков страны новой психологии в обыденном сознании в отношении женщин и их значения и роли в обществе в соответствии с принципами прав человека.

О положительных результатах подобной практики говорит чрезвычайная гражданская активность либериек, создающих благотворительные и неправительственные общества, активно участвующих в политике и в сфере принятия решений общегосударственного масштаба.

За указанный период у руля государственной власти страны стояли: женщина-президент (два срока), 12 членов законодательных органов, 30% членов правительства, пять префектов графств (из 15), двое из пяти судей Верховного суда. Значительная доля женщин трудится послами, многие работают в полиции и в армии.

Natalia A. Ksenofontova

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

FEATURES OF THE GENDER POLICY OF THE LIBERIAN AUTHORITIES DURING THE REIGN OF PRESIDENT ELLEN JOHNSON SIRLEAF (2006–2018)

The gender issue and related issues are faced by all independent African countries, occupying a leading place in the programs and strategic projects of the supreme authorities and political parties.

Of particular interest is the example of Liberia during the administration of Africa's first female president, Ellen Johnson Sirleaf (2006–2018). Prior to this historical period, the life of the country was characterized by a difficult economic and social situation, political instability, which resulted in two bloody civil wars (1989–1997 and 1999–2003) that claimed the lives of more than 500 thousand people.

After the general elections, the country's new leadership inherited a difficult legacy. Gender equality and the elimination of all forms of violence and discrimination against women were among priorities. From the documents submitted by the Government of Liberia to the UN and other international organizations, it follows that over a long historical period, the rights of women and children have been infringed upon at all levels: in the areas of economy, socio-political relations, culture, religion, traditions, education, health, and civil liberties. As of 2022, Liberia ranked 164th out of 170 countries in the international ranking of the Gender Inequality Index.

Extreme poverty and disenfranchisement of women, epidemics of all forms of violence, kidnapping, trafficking in women and children, low literacy rates, lack of basic health care, high mortality rates, gender inequality in employment and political rights were particularly sore spots. From the very first days of the Sirleaf Government, the Ministry of Gender and Development was established, numerous programs and drafts were drawn up, and laws were promulgated, the results of which were monitored by government commissions and community organizations in all counties of the country.

As a result of all these efforts by the authorities, supported by the broad masses of the population, significant progress has been made in achieving gender equality in the field of economic employment and women's wages during the period under review; African women gained access to primary and tertiary education, to many professions that had previously been considered male-dominated; they became owners of allotments and began to run a business, receiving subsidies and grants from the administration; medical centers were opened in cities and rural areas. Laws had been enacted to strengthen measures to combat human trafficking and gender-based violence. Activities in the field of extensive information work on radio, television, the Internet, through colloquiums and the distribution of printed materials have made it possible to achieve positive dynamics in the formation of a new psychology in the everyday consciousness of people in all parts of the country regarding women and their importance and role in society, in accordance with the principles of human rights.

The positive results of this practice are evidenced by the extraordinary civic activism of Liberian women, who form charitable and non-governmental societies and are actively involved in politics and decision-making on a national scale.

During this period, the state power of the country was headed by a woman president (two terms), 12 members of the legislature, 30% of the members of the government, 5 county prefects (out of 15), 2 out of 5 judges of the Supreme Court. A large proportion of women work as ambassadors, and many work in the police and the army.

Садовская Любовь Михайловна
Институт Африки РАН

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЕ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ АФРИКИ

Африканские пенитенциарные учреждения отражают логику власти и социально-экономических отношений, действующих за пределами их стен. Фактическое управление тюрьмами основано не столько на официальных правилах, сколько на негласных условностях и практических нормах.

Описание африканских тюрем позволяет по-новому взглянуть на смысл тюремного заключения любой личности. Неслучайно на языках разных народностей Кот-д'Ивуара слово «тюрьма» переводится как «темница» (у *диула* и *малинке*), «дом позора» (у *бете*), «дом отходо» на языке *агни*.

Ужасающие условия содержания заключенных в африканских тюрьмах довольно часто превращают эти учреждения в камеры смертников. Сама же система правосудия, направленная на реабилитацию тех, кто совершает преступление, обречена на провал. Нахождение в африканской тюрьме дегуманизирует тех, кто там содержится.

Гендерное неравенство находит свое ярко выраженное проявление в африканских тюрьмах. Насилие в отношении женщин-заключенных проявляется в различных формах. К ним относятся изнасилования, о которых женщины предпочитают не сообщать, оскорбления и унижения сексуального характера. Женщины подвергаются дискриминации в заключении по многим другим причинам, не только по признаку гендерной принадлежности, но и ввиду того, что во всех тюремных системах мира они составляют меньшинство. А поэтому их потребности часто не учитываются. Лишь в колониях, предназначенных только для женщин, уделяется какое-то внимание их потребностям. Но таких на Африканском континенте очень мало.

Гендерное неравенство в пенитенциарных учреждениях Африки заключается еще и в том, что женщины, попадающие в них, зачастую менее образованны, менее осведомлены о своих законных правах. Существуют свидетельства того, как необразованные и неимущие женщины просто подписывали свои показания, не имея никаких понятий об их содержании.

Исследование гендерной проблематики в африканских тюрьмах приводит к выводу о необходимости проведения гуманизации уголовно-правовой и пенитенциарной политики, обеспечивающей более гуманную организацию отбывания наказания женщинам, особенно с детьми. В этой связи предлагаются альтернативы тюремному заключению и социальная реинтеграция. При этом учитывается тот факт, что значительная доля женщин содержится под стражей за совершение ненасильственных преступлений.

Кашина Анна Анатольевна
Дипломатическая академия МИД России

ЦИФРОВОЕ ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ЕГИПТЕ, ТУНИСЕ И МАРОККО

Экономические потери от цифрового гендерного неравенства в развивающихся странах в 2010–2020 гг. составили около 1 трлн долл. Невозможность обеспечить доступ к Интернету,

мобильной связи и передовым технологиям в равной мере и для мужчин, и для женщин – это острая проблема государств Северной Африки вследствие социально-экономических особенностей местных обществ. Цель работы – сравнить статистические показатели, связанные с цифровым гендерным неравенством в Египте, Тунисе и Марокко, а также определить причины и последствия сложившейся ситуации.

Несмотря на относительно подробно разработанное законодательство в отношении гарантии равенства прав для мужчин и женщин в рассматриваемых странах, международные рейтинги, оценивающие уровень гендерного равенства по различным показателям, а том числе цифровому гендерному равенству, фиксировали отставание Египта, Туниса и Марокко, занимавших неплохие позиции относительно других африканских и арабских стран, но все же тянувшихся в хвосте этих рейтингов на глобальном уровне. При том что во всех этих странах государственная политика ставила первостепенной задачей развитие цифровизации, а статистические данные, казалось, отражали прогресс в этой области, все же при оценке данных редко принимался во внимание или анализировался гендерный аспект. Последние исследования выявили, что в рассматриваемых странах – Египте, Тунисе и Марокко – женщины меньше проводят времени в сети Интернет, чаще испытывают трудности с использованием услуг мобильной связи и оказываются менее квалифицированными в сфере *IT*, чем мужчины. Самыми уязвимыми категориями были женщины, проживающие в глубинке, имеющие низкий уровень образования или низкий уровень дохода, и женщины пенсионного возраста.

Цифровое гендерное неравенство, будучи продолжением более широкой и традиционной в мусульманских обществах дискриминации по половому признаку в сфере образования, труда и семейно-брачных отношений, имеет следствием упущенные экономические возможности, замедление социального развития и роста, исключение значительной социальной категории из общественного и международного дискурса, тенденцию архаизации.

Мильто Анна Валентиновна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал, Ярославль

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ КОМИКСАХ

Эволюция женских гендерных ролей, наблюдающаяся в мире в последние десятилетия, нашла отражение в произведениях разных форм и жанров, в том числе в комиксах, позволяющих наглядно отслеживать происходящие социальные изменения. У индустрии комиксов сложились непростые отношения с женскими персонажами. Их героини немногочисленны и часто стереотипны: гиперсексуальны, беспомощны, подвержены унижению и насилию. Только в 12% популярных комиксов о супергероях главные герои – женщины. За последние годы проявилась тенденция к созданию более глубоких и интересных героинь, количество сильных и независимых женщин в комиксах неуклонно растет.

Не остались в стороне и постколониальные авторы графических произведений, которые использовали художественные и литературные приемы, чтобы дать голос угнетенным и обездоленным (в том числе женщинам), восстановить их в правах, продемонстрировать их важность и значимость в общественных процессах. В Южной Африке художники комиксов – братья Натан и Андре Трантраалы задокументировали историю женских социальных движений в Кейптауне. Египетский веб-комикс Дины Мохамед о женщине-супергерое-мусульманке Кахере поднял проблемы гендерного насилия и сексуальных домогательств во время революционных событий начала XXI в. Вопросу становления идентичности посвящен рисованный роман Амруты Патил «Кари» (2008 г.). Действие комикса происходит в Мумбаи в контексте постструктурализма, постмодернистских городов, магического реализма и феминистской женской литературы. Поиск идентичности ведется посредством применения дихотомии

«я/другой» и идеи «инаковости». Знаменательным событием стало вручение награды на ежегодном международном фестивале комиксов в Ангулеме ранее неизвестной ивуарийской писательнице Маргарите Абуэ в 2006 г. за графический роман «Айя». М. Абуэ стала первой африканкой, получившей такую престижную премию. «Айя» – первая книга из серии комиксов «Айя из Йопугона» о жизни ивуарийских подростков, публиковавшейся в период с 2005 по 2010 г. Коммерческий успех графического произведения М. Абуэ во многом поспособствовал привлечению авторов-женщин в индустрию комиксов.

Среди художников комиксов по-прежнему наблюдается подавляющее мужское доминирование. И хотя женщины недостаточно представлены в индустрии графических произведений, их творчество заметно способствует трансформации женских ролей в общественной жизни.

Anna V. Milto

Financial University under the Government
of the Russian Federation, Yaroslavl Branch

GENDER PROBLEMS IN POSTCOLONIAL COMICS

The evolution of female gender roles, which has been observed in the world in recent decades, is reflected in works of various forms and genres, including comics. Graphic works allow us to visually track ongoing social changes. The comic book industry has a problem with female characters. Their heroines are few and often stereotypical: hypersexual, helpless, subject to humiliation and violence. Women are the main characters in only 12% of popular superhero comics. In recent years, there has been a trend towards creating deeper and more interesting heroines. The number of strong and independent women in comics is steadily increasing.

Postcolonial graphic authors did not stand aside. They used artistic and literary techniques to give voice to the oppressed and disadvantaged (including women), restore their rights, and demonstrate their importance and significance in social processes. In South Africa, comics brothers Nathan and André Trantraal documented the history of women's social movements in Cape Town. Deena Mohamed's Egyptian webcomic about the female Muslim superhero Qahera raised issues of gender-based violence during the revolutionary events of the early 21st century. Amruta Patil's graphic novel "Kari" (2008) is devoted to the issue of identity formation. The comic is set in Mumbai within the context of poststructuralism, magical realism and feminist women's literature.

The presentation of an award at the annual international comics festival in Angoulême to the previously unknown Ivorian writer Marguerite Aboutet in 2006 for the graphic novel "Aya" was a significant event. The commercial success of M. Aboutet's graphic work greatly contributed to the attraction of female authors into the comics industry.

There is still an overwhelming male dominance among comic book artists. And although women are underrepresented in the graphic arts industry, their work significantly contributes to the transformation of women's roles in public life.

Хохолькова Надежда Евгеньевна
Институт Африки РАН

ЖЕНЩИНЫ АФРИКИ НА ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА

Проблема гендерного неравенства в мире в целом и в Африке в частности не теряет актуальности. Традиционно в центре внимания доля представительства женщин во властных и экономических структурах. В условиях диверсификации культуры и социума вопросы гендерного неравенства отнюдь не ограничиваются сферами управления, бизнеса, экономики;

они становятся более видимыми и в вертикальном, и в горизонтальном измерении: на повестке дня – возникновение новых дискурсов неравенства. Опубликованные в марте 2020 г. проектом «Афробарометр» статистические данные, демонстрирующие, что в странах Африки женщинам Интернет менее доступен, чем мужчинам²⁸, спровоцировали развитие новой волны дискуссий о «гендерном цифровом разрыве» (*gender digital divide*).

Гендерный цифровой разрыв – состояние неравенства между мужчинами и женщинами, обусловленное непропорциональностью доступа к любым цифровым продуктам и разработкам, мобильной связи, Интернету, а также образованию в сфере информационных технологий. Проблема носит комплексный характер. Она связана не только с обеспечением мобильными телефонами и компьютерами, доступностью образования в сфере информационных технологий, но также и с неравным присутствием мужчин и женщин в Интернет-пространстве.

Распространение статистических данных об увеличении гендерного цифрового разрыва послужило поводом к началу нового поиска путей и механизмов если не преодоления, то хотя бы сокращения этого разрыва. В ходе дискуссий, обсуждались самые разные идеи – от корпоративного и социального инвестирования до «создания афро-феминистского Интернета». В рамках доклада предполагается рассмотреть основные стратегии и практики преодоления цифрового неравенства, разрабатываемые и применяемые женщинами из стран Африки южнее Сахары.

Nadezhda E. Khokholkova

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

AFRICAN WOMEN ON THEIR WAY TO OVERCOMING DIGITAL INEQUALITY

The issue of gender inequality throughout the world, and especially in Africa, continues to be relevant. Generally, attention is given to the number of women in political and financial systems. In the context of the diversification of culture and society, the problems of gender inequality are by no means limited to the spheres of management, business, economy; they are becoming increasingly noticeable in both “vertical” and “horizontal” dimensions – the development of new discourses of inequality is a topic of discussion. The statistics from the Afrobarometer project, showing that women have less access to the Internet than men in African countries, released in March 2020²⁹, sparked the initiation of new conversations about the gender digital divide.

The gender digital divide is a state of inequality between men and women due to the disproportionality of access to any digital products and developments, mobile communications, the Internet, as well as education in the field of information technology. The problem is complex. Not only does the availability of mobile phones and computers and IT education matter, but the unequal presence of men and women in the online world plays a role too.

The spread of facts and figures on the widening gender digital gap has inspired a search to find methods and processes to either bridge or reduce the gap. Throughout the conversations, a range of proposals were talked about, from initiatives of corporate and social investment to the idea of “creating an Afro-feminist Internet.” The main goal of this paper is to examine the predominant strategies and practices implemented by women from Sub-Saharan Africa in their struggle against digital inequality.

---

²⁸ African women have less access to the Internet than African men do. That’s a problem // Afrobarometr. <https://afrobarometer.org/blogs/african-women-have-less-access-internet-african-men-do-thats-problem> (accessed 23.03.2023)

²⁹ African women have less access to the Internet than African men do. That’s a problem // Afrobarometr. <https://afrobarometer.org/blogs/african-women-have-less-access-internet-african-men-do-thats-problem> (accessed 23.03.2023)

Секция V-4. Проблемы политической стабильности в Африке

Panel V-4. Problems of political stability in Africa

Руководители/Convenors: Ткаченко Александр Алексеевич, к.э.н.;
Ткаченко Константин Александрович, к.э.н., Институт Африки РАН

Исмагилова Роза Нургалиевна
Институт Африки РАН

ЭФИОПИЯ: ИСТОКИ НЫНЕШНЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

С 1991 г. политической системой в Эфиопии является этнический федерализм. Этничность является политической идеологией. Произошла политизация этничности и этнизация политики.

В течение 27 лет вся власть в стране была монополизирована политической элитой тигра во главе с Народным фронтом освобождения тиграй (*Tigray People's Liberation Front – ТПЛФ*).

В марте 2018 г. в результате протестных движений режим ТПЛФ был свергнут. Это был, по существу, бескровный переворот. Премьер-министром был избран Абий Ахмед – оромо по этническому происхождению. Впервые в истории этот пост заняли оромо. самая многочисленная этническая общность (35% населения).

С первых же дней новый премьер-министр стал проводить масштабные реформы во властных структурах, экономике, армии и др. Были освобождены тысячи политзаключенных, налажены контакты с оппозицией. Заключен мирный договор с Эритреей, ознаменовавший окончание 20-летней войны. Абийю Ахмеду была присуждена Нобелевская премия мира. Страна ликовала. Абийю Ахмеда называли «Спасителем», «Мессией».

За последние годы крайне обострилась этнополитическая ситуация. Во многих регионах происходят межэтнические конфликты и столкновения. Этническая политическая элита борется за власть и ресурсы. Но дело не только в этом.

В соответствии с Конституцией 1995 г. все народы делятся на «нации», «национальности» и «народы». Нации имеют право на свой штат, национальности – на зоны, а народы – на вороды или специальные вороды. В каждой административной единице различаются «титульные» и «нетитульные» народы. Первые пользуются всей полнотой власти, вторые считаются этническими меньшинствами и лишены этих прав. Даже такие многомиллионные этносы, как оромо и амхара, вне своих штатов считаются этническими меньшинствами. Такая дискриминация, естественно, вызывает большое недовольство и является одной из причин сложной этнополитической ситуации и межэтнических конфликтов.

В стране усилились центробежные процессы: этнические меньшинства активно борются за сохранение этнической идентичности и самоуправления. В результате прежний Штат южных народов ныне разделен на 4 штата.

Политическая элита тиграй не смирилась с потерей господствующего положения и 3 ноября 2020 г. развязала войну против федерального правительства. Два года продолжалась разрушительная война, унесшая, по данным ООН, около 1 млн человек.

Ситуация в стране еще более обострилась. Войной охвачены штаты Оромия, где действуют боевики Армии освобождения оромо (Шене), и Амхара, где федеральные военные силы с июня 2023 г. борются с Фано – военными подразделениями амхара. Уже много лет власти ведут целенаправленные действия против амхара, живущих в штатах Оромия, Бенишангул-Гумуз и Гамбелла, куда они были переселены в 1974 г. Эксперты и правозащитные организации прямо называют это геноцидом. Господствующее положение во властных структурах занимают ныне оромо, что вызывает большое недовольство в стране.

Все более резкой критике подвергается премьер-министр. Оппозиция обвиняет его в авторитаризме, некомпетентности, требует ухода в отставку.

Политический кризис все более углубляется. Во многом причины нынешнего политического кризиса кроются не только и не столько в системе этнического федерализма, сколько в плохом менеджменте.

Кинфу Зенебе Тафессе
Союз африканских диаспор

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР АБИЙ АХМЕД МЕНЯЕТ ТРАДИЦИОННЫЙ ЭФИОПСКО-АФРИКАНСКИЙ ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В докладе рассказывается о возрождении Эфиопии под руководством Абия Ахмеда и различной реакции эфиопов на эти изменения. Усилия А. Ахмеда значительно изменили имидж Эфиопии на международном уровне. Ему удалось восстановить имидж региональной державы благодаря своей политической прозорливости и мудрости. На различных конференциях Абий объясняет позицию Эфиопии и региона Африканского Рога и использует разные фразы, которые он сам придумал для достижения своей цели. Философский товарный знак, широко известный как «МЕДЕМЕР», на который он указал в Давосе в январе 2019 г., – это три столпа: экономическая жизнеспособность, динамичная демократия, региональная интеграция в Африке и открытость миру, что мы можем назвать абийизмом. Его позитивный язык тела возвращает новую Эфиопию и Африку в эпоху глобальных перемен. Эфиопский имидж Абия кажется престижным в африканской и мировой политике. Целостная теория наряду с индивидуалистической теорией используется для описания возрождения Эфиопии посредством авторитарного, но законного правления Абия на индивидуальном уровне. В этой статье также рассматриваются коллективные усилия руководства объединенных региональных штатов в рамках этнического государства – то, как Абий успешно создал новую систему политического гендерного равенства (50/50 – Он/Она) во время своего премьерства: президент Эфиопии, главный судья и половина его министров являются женщинами. Таким образом, успешно решаются гендерные вопросы в Эфиопии. Эти тезисы основаны главным образом на вторичных источниках, но первичные данные будут представлены в самом докладе.

Костелянец Сергей Валерьянович
Институт Африки РАН

«БЕССМЫСЛЕННАЯ ВОЙНА» В СУДАНЕ: ТИПОЛОГИЯ, ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

15 апреля 2023 г. в Судане разгорелся вооруженный конфликт между армией государства и военизированной организацией Силы быстрой поддержки (СБП). Этот конфликт суданцы прозвали «бессмысленной войной». Его также называли «войной двух генералов», так как армия Судана поддержала де-факто главу государства генерала Абдель Фаттаха аль-Бурхана, возглавившего страну после переворота в 2019 г., а СБП действовали под руководством генерал-лейтенанта Мохаммеда Хамдана Даголо (известного как Хемети), занимавшего пост заместителя аль-Бурхана. Причиной конфликта послужили, прежде всего, личные амбиции двух суданских военачальников, их страх утратить власть, богатства и свободу, а также дестабилизирующие действия элементов бывшего исламистского режима и некоторых внешних игроков, действовавших на фоне глубокого экономического кризиса и дефицита внешнеторговых поступлений в твердой валюте.

Непосредственным триггером конфликта стали непреодолимые разногласия по поводу сроков интеграции СБП в армию. 5 декабря 2022 г. сторонами было заключено рамочное соглашение, предусматривающее подчинение СБП армии (во времена президента Омара аль-Башира, свергнутого в 2019 г., СБП подчинялись директорату безопасности, а после переворота 2019 г. стали практически полностью автономными). Предполагалось определить сроки интеграции к апрелю 2023 г., причем армия настаивала на двух годах, а СБП требовали десяти лет. С декабря 2022 г. по апрель 2023 г. напряжение между сторонами только нарастало: они обменивались обвинениями в подрыве демократического транзита, поддержке исламистов, и т.д., но никак могли договориться о сроке интеграции.

По мере эскалации конфликта все большее значение стала приобретать коллизия «центр – периферия», которая использовалась сторонами для мобилизации сторонников. СБП находили поддержку на западе и юге страны среди исторически маргинализированных племен периферии, в частности, группы племен баггара. Генерал Хемети среди своих целей заявлял новые принципы федерализации Судана и реформы политической системы. Генерал аль-Бурхан, в свою очередь, апеллировал к неприязни жителей Центрального и Восточного Судана к дарфурским и кордофанским арабам, призывая вступать в ряды вооруженных сил для борьбы с ними.

Турияница Дарья Андреевна
Институт Африки РАН

ЮЖНАЯ АФРИКА В ПРЕДДВЕРИИ ВЫБОРОВ 2024: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НОВЫХ («ЦВЕТНЫХ») ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

В ЮАР после отмены режима расовой сегрегации – апартеида, до сих пор существует *de facto* такое деление на группы, как «белые» и «небелые» – объединенные в общую группу «черные африканцы», «цветные» и «индийцы». Название группы – «цветные» – вызывает бурную реакцию в ЮАР по сей день. Многие считают этот термин глубоким пережитком колониализма и не желают примириться с такой терминологией. Другая же часть гордится своим происхождением и условно принимает такое определение. Есть важное пояснение, есть и те, кто условно относит себя культурно (а возможно, условно и исторически) к «цветным», а политически со времен движения «черного самосознания» – к «черным» южноафриканцам.

Отдельно стоит сказать, что иногда их двойственное положение «между белыми и черными» напрямую влияет на их широкий политический спектр. Надо признать, что часть южноафриканских политических партий пытается усилить свое влияние, привлекая «цветных» политиков на свою сторону, получая дополнительные политические очки. В то же время есть и те, кто еще более 10 лет назад жестко критиковал и критикует политическую терминологию разделения на «цветные»/«индийские» голоса, апеллируя к идеям Объединенного демократического фронта (ОДФ), который отрицал такую сегрегацию. Действительно, такие термины не имеют широкого распространения в последние несколько лет, хотя негласно они пока еще употребляются.

В Южной Африке в 2024 году будут проходить выборы в девятый раз после смены режима. Основные партии, борющиеся за голоса, в том числе «цветного» электората, – это такие правящие партии, как Африканский национальный конгресс (АНК), Демократический альянс (ДА), Борцы за экономическую свободу (БЭС), а также новые участники политической жизни. Следует признать, что для многих политических партий фактически началась подготовка к новым выборам. Многие заинтересованные политические круги уже оценивают шансы АНК и других партий на ближайших выборах.

Автор отдельно в докладе обратит внимание на новые неправящие политические партии, образованные в провинции Западный Кейп (со столицей Кейптаун), где проживает более 50% «цветного» сообщества.

ЮЖНАЯ АФРИКА: ВСЕОБЩИЕ ВЫБОРЫ 2024 г.

Выборы членов парламента и законодательных собраний девяти провинций ЮАР проводятся раз в пять лет, и поскольку предыдущие выборы состоялись 8 мая 2019 г., то и нынешние должны состояться в мае, то есть незадолго до XVI Международной конференции африканистов, во время ее или чуть позже. Естественно, от этого во многом будет зависеть и содержание доклада.

Хотя точная дата проведения выборов еще не названа, избирательная кампания уже началась фактически, а регистрация избирателей – официально.

Будущие выборы представляют особый интерес по меньшей мере по трем причинам:

– Впервые за тридцать лет существования демократической Южной Африки правящая партия – Африканский национальный конгресс – рискует не получить на выборах более 50% голосов и потерять большинство в парламенте.

– Впервые предусматривается возможность участия в выборах как политических партий, так и независимых кандидатов.

– В преддверии выборов не только продолжается создание новых политических партий, но и начинается формирование коалиций.

Виноградова Наталия Витальевна
Институт Африки РАН

ИДРИС ДЕБИ: 30 ЛЕТ У ВЛАСТИ

Идрис Деби более 30 лет находился во главе Республики Чад и определял ее развитие. На выборах 11 апреля 2021 г. он вновь одержал победу и сохранил бы за собой пост главы государства на шестой срок, если бы не трагические обстоятельства.

Президентские выборы совпали с началом наступления отрядов боевиков повстанческой группировки «Фронт за перемены и согласие в Чаде». Деби, как главнокомандующий вооруженными силами, находился на передовой. 18 апреля он был тяжело ранен и скончался 20 числа в госпитале Нджамены.

Впервые Деби появился на политической арене в начале 1980-х годов после возвращения из Франции, где он проходил обучение в Институте авиации.

В эти годы в Чаде шла гражданская война, усилились позиции противников действовавшего президента Г. Уэддея. Деби в рядах повстанческой группировки «Вооруженные силы Севера», возглавляемой Х. Хабре, выступил против Уэддея.

После смещения Уэддея президентом Чада стал Хабре. В апреле 1989 г. Деби, обвиненный в подготовке государственного переворота, покинул страну и, находясь за границей, создал и возглавил «Патриотическое движение спасения» (апрель 1990 г.), которое развернуло вооруженные действия против режима Хабре.

В декабре 1990 г. Деби совершил государственный переворот и объявил себя очередным президентом Чада.

Впоследствии Деби 6 раз избирался на пост президента: в июне–июле 1996 г., в мае 2001 г., в мае 2006 г., в апреле 2011 г., в апреле 2016 г. и в апреле 2021 г.

В 1996 г. Деби победил по итогам двух туров голосования, а на последующих выборах пять раз побеждал в первом туре с большим отрывом от своих конкурентов, набирая от 61% до 83% голосов избирателей.

За время его пребывания у власти было 6 попыток государственных переворотов (1991, 1992, 1993, 2004, 2006, 2008) и почти 10 лет относительной стабильности. В последние годы борьба с политической оппозицией велась преимущественно в рамках правового поля. Однако сохранялись и группировки вооруженной оппозиции («Фронт за перемены и согласие в Чаде», «Союз сил сопротивления» и «Совет военного командования по спасению Республики»), которые отказывались от диалога с властями.

Денисова Татьяна Сергеевна
Институт Африки РАН

КОРРУПЦИЯ В НИГЕРИЙСКОЙ АРМИИ КАК ФАКТОР ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Коррупция в рядах вооруженных сил Нигерии является мощным фактором внутривнутриполитической нестабильности и, в частности, одной из причин неспособности регулярной армии подавить исламистское движение в северо-восточных районах страны. Среди наиболее заметных проявлений коррупции, в которую вовлечены солдаты и офицеры нигерийских ВС, – хищения средств, выделенных на военные нужды и солдатское жалование, закупки некачественного вооружения, заключение фальшивых оборонных контрактов, участие в развитии теневой экономики в районах дислокации и т.д. В результате повстанческие, в том числе террористические, группировки оказываются оснащенными едва ли не лучше, чем бойцы регулярной армии.

Ограниченность ресурсов, используемых по назначению, негативно сказывается на военных показателях: в условиях нехватки средств на подготовку и материальное обеспечение солдат и младших офицеров невозможно добиться соблюдения дисциплины и надлежащего поведения. Нередки случаи, когда нигерийские солдаты, участвовавшие в контрповстанческих операциях (например, на территории бассейна озера Чад) или в миротворческих миссиях (в Либерии, Сьерра-Леоне и др. странах) совершали насилие в отношении мирного населения, занимались грабежами и вымогательством. Проблемы дезертирства и фракционности, с которыми сталкивается нигерийская армия, являются побочными эффектами расхищения средств. Распространение коррупции и других злоупотреблений, в которых замешаны представители офицерского корпуса, становится предпосылкой к росту недовольства рядового состава своим положением, что, в свою очередь, чревато «солдатскими мятежами» и общей внутривнутриполитической дестабилизацией.

Хотя нигерийские ВС, как и другие африканские армии, создавались для защиты территории и граждан государства, их вмешательство в общественно-политическую жизнь стало обычным явлением. Это вмешательство принимало различные формы – от организации военных переворотов и захвата власти до активной поддержки той или иной политической партии: в сильно политизированной среде военным трудно соблюдать нейтралитет, который является главной отличительной чертой профессиональной армии. Политизация и профессионализация армии – взаимоисключающие процессы, и в Африке в целом и в Нигерии в частности чаша весов упорно склоняется в сторону первого. Причем политизация армии влечет за собой сращивание «экономических» интересов военачальников и гражданских лидеров, что ведет к дальнейшему усилению фракционности в армии и в правящей группе и, как следствие, к обострению внутривнутриполитической обстановки.

Зеленова Дарья Александровна
Институт Африки РАН;
Международный центр антропологии НИУ ВШЭ

ТРАЕКТОРИИ УРБАНИЗАЦИИ В АФРИКЕ К ЮГУ ОТ САХАРЫ: НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ КАК ДОЛГОСРОЧНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ АФРИКАНЦЕВ

На сегодняшний день 42% всего населения стран Африки к югу от Сахары проживает в городах и пригородах. Из них почти половина – это обитатели трущоб, а это примерно 238 млн человек. Несмотря на то, что за последние десятилетия ситуация с жильем в Африке в целом и в регионе к югу от Сахары в частности заметно улучшилась, взрывообразная урбанизация по-прежнему представляет серьезный вызов для африканских государств.

По мнению крупнейшего исследовательского центра по изучению проблем урбанизации, Программы по населенным пунктам ООН-Хабитат, возникновению неформальных поселений в африканских странах способствовал ряд взаимосвязанных факторов: рост населения; сельско-городская миграция; отсутствие доступного жилья; слабое управление, экономическая уязвимость и низкооплачиваемая работа; наследие колониальной сегрегации; вынужденная миграция населения, вызванная конфликтами, стихийными бедствиями и изменением климата (*UN-Habitat, 2015b*).

Некоторые африканские правительства отказываются признавать проблему существования неформальных поселений, что, несомненно, подрывает устойчивое развитие и процветание городов. К сожалению, неформальные поселения и их жители, как правило, оказываются географически, экономически, социально и политически исключены из городских систем и лишены многих возможностей, которые имеют горожане, проживающие в городе в легальном статусе (*UN-Habitat, 2015f*). Отношение африканских городских властей к неформальным поселениям варьируется от резкой оппозиции и насильственных выселений до вынужденной терпимости и ситуативной поддержки, а в некоторых случаях поддержка переходит в программы по легализации и модернизации бывших трущоб.

В докладе будет дан обзор нескольких кейсов решения проблем неформальных поселений на примере трех африканских городов к югу от Сахары с тем, чтобы продемонстрировать вариативность политик африканских правительств и высветить наиболее перспективные варианты сотрудничества по линии гуманитарной поддержки и продвижения передовых технологий модернизации городов.

Садовская Любовь Михайловна
Институт Африки РАН

АРМИЯ И ВЛАСТЬ В БУРКИНА-ФАСО С 2014 ПО 2023 ГОД

В общую картину глобальной дестабилизационной волны вписываются события, происшедшие на протяжении 8 последних лет в одной из самых бедных стран мира – Буркина Фасо.

Отсутствие долгие годы поступательного движения как в экономической, так и социально-политической сферах буркинийского общества, постоянно находившегося в состоянии политической нестабильности, незавершенности процесса деколонизации, профранцузской направленности политики правящей военной элиты, объясняет причины народного восстания в октябре 2014 г.

Победа народа над 27 лет правившим страной Компаоре доказала, что ни один диктатор уже не может не считаться с уличными протестами.

Незавершенность восстания сразу привела к созданию «уникального в своем роде гражданско-военного переходного режима». Причиной этого явилось несовпадение целей и задач разных социальных слоев: если для одних участников они ограничивались защитой конституции, то для других это было стремлением завоевать власть.

С 2016 г. страна переживает самый серьезный кризис в своей истории: становится целью исламистских группировок, проникающих из соседнего Мали. Постепенно нарастает кризис доверия между правящей элитой во главе с избранным в 2015 г. президентом М. Кафандо и армией, испытывающей большие трудности на полях сражения и нуждающейся в реформе.

Подполковник П.-А. Дамиба, свергнувший в результате военного переворота в январе 2022 г. Кафандо, основывался на убеждении о его неспособности справиться с усилением джихадистского насилия.

Через 8 месяцев сам Дамиба был отстранен от власти, как и Кафандо, по той же причине, а также за профранцузскую направленность его политики. Очередной военный переворот в сентябре 2022 г. явился доказательством раскола внутри армии, ее политизации и коррумпированности военной элиты.

Переход власти от подполковника к капитану – это победа тех, кто на деле находится на передовой в контакте с войсками. Приход к власти молодого, амбициозного и обладающего харизмой Ибрагима Траоре, вселяет в буркинийцев надежду. Он демонтировал соглашение о присутствии вооруженных сил Франции, разорвал договор о военном сотрудничестве с ней. В феврале 2023 г. французские военнослужащие окончательно покинули Уагадугу.

И. Траоре намерен реформировать армию и нацелен на сотрудничество с Россией в военной, экономической и гуманитарной сферах.

**Ткаченко Александр Алексеевич,
Ткаченко Константин Александрович**
Институт Африки РАН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ И АФРИКАНСКОГО РОГА

В докладе анализируется проблема достижения политической стабильности в странах Северной Африки, которая носит комплексный характер. В контексте избранной темы дается анализ и оценка конфликтов в Африке, активизации деятельности террористических организаций и сетевых групп. Представлены страновые и региональные кейсы исследуемой проблемы.

Рассматривается комплексный подход к достижению политической стабильности в Африке, представленный в программах «Африка-2063» и НЕПАД: цели и задачи, инструменты и механизмы. Становые и региональные кейсы.

Роль ведущих акторов (сверхдержавы, международные организации – ООН, ЕС, региональные организации Африки, Арабского Востока) в стабилизации внутривнутриполитической стабильности в отдельных странах и регионах континента. Роль власти / властных структур, армии, оппозиции в достижении внутривнутриполитической стабильности. Роль неправительственных организаций (НПО). Формирование гражданского общества. Африканским проблемам – африканское решение. Становые и региональные кейсы.

Предварительные результаты реализации мер в рамках осуществления программ «Африка-2063» и НЕПАД по урегулированию конфликтов: достижения и проблемы.

Перспективы достижения внутривнутриполитической стабильности в свете мирового опыта с учетом особенностей стран Северной Африки и Африканского Рога.

VI. ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

SECURITY AND CONFLICT RESOLUTION ISSUES

Секция VI-1. Африка: террористические угрозы и конфликты

Panel VI-1. Africa: Terrorist Threats and Conflicts

Руководители/Convenors: Денисова Татьяна Сергеевна, к.и.н.;
Костелянец Сергей Валерьянович, к.п.н., Институт Африки РАН

Timothy Onimisi
Federal University Lokoja,
Lokoja, Kogi State, Nigeria

TERRORIST THREATS AND CONFLICTS IN AFRICA: AN APPRAISAL OF ITS EFFECT ON THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE CONTINENT

Terrorist threats and conflicts are global issue that attracted the world's attention because of the negative consequences it has on the socio-economic development of the continent where they are prominent. This paper focuses on the socio-economic impact of terrorism and conflicts on Africa's developmental thriving. The paper was anchored on the human needs theory and secondary sources were consulted and used. The findings revealed that the activities of the terrorist groups and conflicts have stunted the socio-economic development of the African continent. Due to the activities of the terrorist groups and conflicts agricultural sector has been stunted and thousands of families displaced from their ancestral homes with socio-economic implications such as investment apathy as well as low inflow of Foreign Direct Investment (FDI). The paper recommends collaboration, and the involvement of stakeholders to chart the pathways to bringing these challenges to an end. It also recommends the control of small arms and light weapons proliferation in the continent and beyond.

Mbekezeli Comfort Mkhize
University of South Africa (Unisa),
Irene Campus, South Africa

THE RESURGENCE OF MILITARY COUPS IN THE SAHEL REGION: A THREAT TO DEMOCRACY, GOOD GOVERNANCE, PEACE AND SECURITY IN AFRICA

The Sahel region remains Africa's most deplorable and tumultuous area. Incessant surge of *coup d'etats* continue to have dire consequences on the African continent. Humanitarian crisis along with unprecedented rise in global human migration are one of the threats posed by the instability in the Sahel region.

Statistically, the reports indicate that more than 4 million people have been negatively affected, including innocent civilians. However, the literature that exclusively focuses on identifying alternative viable responses to the conflicts in the Sahel region remains miniscule. Therefore, in an

effort to bridge the knowledge-gap, the primary objective of this paper is to appraise the nature and extent of military coups in the Sahel region and propose responses that can be considered by respective governments in the affected countries.

On the one hand, while the paper gives insight into the nature of military coups using the content analysis of conflict analysis literature, and conflict resolution strategies, the paper also employs conflict theories as the lens through which to view and elucidate the causes and consequences of the conflicts on the other hand. Anchored on conflict analysis and conflict resolution literature, the paper is thus suitably positioned to synthesise pertinent scholarly arguments that may serve as building blocks that are essential in proposing alternative responses. Conflict analysis literature reviewed thus far reveals that the military coups in the Sahel region are deadly, costly and have spill-over effects in the neighbouring countries.

The findings of this paper point to growing challenges of instability in the Sahel region, and growing security threats in the neighbouring countries. Given the complexity of the security threats and ambivalent responses observed thus far, the paper recommends a context-specific, integrated, participatory and multi-level approaches that can be used to counter the unabated military coups. The paper further recommends empirical research to be conducted in order to propose sustainable and long-lasting solutions.

Костелянец Сергей Валерьянович
Институт Африки РАН

ТРЕТЬЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СУДАНЕ: ВНЕШНЕЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Судан – действительно важное африканское государство, находящееся на пересечении ключевых транспортных артерий и поэтому вызывающее значительный интерес со стороны ведущих глобальных и региональных держав. Хотя ни одна страна в мире не заявила о безусловной поддержке той или иной стороны в вооруженном конфликте, начавшемся в Судане 15 апреля 2023 г., очевидно, что конфликт не мог бы идти с такой интенсивностью без внешнего вмешательства, в т.ч. поставок оружия. Кроме того, целый ряд стран активно продвигает различные мирные инициативы по Судану, стремясь упрочить свое влияние в регионе. Следует выделить три «контура», влияющие на ход конфликта. Во-первых, это глобальные игроки, активно играющие на суданском поле, – США, Китай, Россия и страны Западной Европы (прежде всего Великобритания и Франция). Во-вторых, это амбициозные региональные державы, проявляющие интерес к ресурсам и стратегическому положению Судана, – Египет, Саудовская Аравия, ОАЭ, Турция и др. В-третьих, это непосредственные соседи Судана, для которых суданский конфликт стал фактором внутренней стабильности, – Южный Судан, Эфиопия, Чад, Ливия и др. В докладе будет сделана попытка распутать этот клубок разнонаправленных интересов и мотиваций.

Денисова Татьяна Сергеевна
Институт Африки РАН

ТРОПИЧЕСКАЯ АФРИКА: РАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМА В ЭПОХУ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

После обретения большинством африканских стран в 1950-е – 1970-е годы национального суверенитета на континенте началась эпоха неокolonизма, характеризующаяся, прежде всего, масштабной экономической эксплуатацией бывших колоний недавними метрополия-

ми. В свою очередь, активное вмешательство неоколониальных держав в процессы политического развития освободившихся государств обусловили сохранение в них старых и появление новых причин и предпосылок частого возникновения вооруженных конфликтов и войн, а также обострение межплеменных и межконфессиональных противоречий. Одним из проявлений неоколониализма, создающего угрозу безопасности африканских стран, стала радикализация в ряде регионов континента ислама, число приверженцев которого в Африке достигает 650 млн. Следствием и одновременно причиной быстрой исламизации континента становится также возникновение здесь провинций (вилаятов) Исламского государства (запрещенного в России), легко обретающих поддержку беднейшего мусульманского населения, недовольного политикой властей, слабо или вовсе не сопротивляющихся неоколониальной эксплуатации.

Одной из причин появления и распространения в Тропической Африке исламского экстремизма и исламского терроризма является насаждение на континенте в постколониальный период западных политических (демократия) и культурных ценностей. Справедливости ради следует отметить, что правительства большинства стран региона и сами стремились к «вестернизации» политических систем, пренебрегая при этом традиционными практиками, веками адаптировавшимися большими группами населения, прежде всего мусульманского. Подобная неадекватная стратегия накладывалась на инспирированную Западом экономическую политику, в результате реализации которой «богатые богатели, а бедные беднели», и это сочетание политических и «народнохозяйственных» провалов предопределило перманентную политическую нестабильность африканских обществ, которая, в частности, выражалась в возникновении многочисленных антиправительственных группировок, в том числе исламистских. Именно последние стали в последние полтора-два десятилетия главной угрозой безопасности на Черном континенте, а борьбу с ними вполне можно квалифицировать как защиту политических и экономических интересов неоколониальных держав. Более того, национальные и глобальные усилия по борьбе с исламистами без учета причин их насильственной деятельности в лучшем случае приводят к краткосрочному миру, а в худшем – к дальнейшей радикализации ислама и к появлению новых террористических организаций. Можно сказать, что исламский терроризм, несмотря на все его негативные проявления, стал одним из самых эффективных врагов неоколониализма в Африке.

Захаров Андрей Александрович
РГГУ

НИГЕРИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ И «БОКО ХАРАМ»³⁰

Среди вызовов, с которыми в первой четверти XXI века сталкивается нигерийская федерация, – деятельность группировки «Боко Харам» и ее наследников. В отторжении устоев местной государственности эта структура более радикальна, нежели иные антигосударственные группы: федеративное устройство Четвертой республики не интересует ее ни с какой стороны, поскольку провозглашается заслуживающим только сноса и замены на «первозданную» мусульманскую государственность. Мотивы совершенствования федеративных отношений, присутствующие в дискурсе сепаратистов бывшей Биафры или повстанцев дельты Нигера, воинствующих исламистов вообще не интересуют. Между тем сегодня их террористические вылазки фиксируются в трети нигерийских штатов, а в приграничье северо-востока «Боко Харам» сформировала квази-государство с собственной администрацией, налогообложением, судами и СМИ, причем зона его охвата, расширяясь, перекинулась на соседние районы Камеруна и Чада.

---

³⁰ Организация запрещена в РФ.

Отличием нигерийских исламистов от прочих партизанских групп выступает то, что «Боко Харам» не добивается ни территориального разрушения Нигерии, ни освобождения какой-либо ее части из-под власти Абуджи. Напротив, эта организация, пусть своеобразно, но ценит единство того политико-географического пространства, которое ныне занимает «гигант Африки», – поскольку рассчитывает распространить законы шариата на всю его территорию. Соответственно, призывы к религиозной войне с неверными подкрепляются желанием реанимировать централизованный халифат, некогда рухнувший вместе с Османской империей. В 2014 году один из лидеров «Боко Харам» заявлял: «Мы не хотим иметь ничего общего со словом “Нигерия”. Мы используем его лишь потому, что люди к нему привыкли. Эта земля – исламский халифат». Восстановление халифата, как предполагается, поможет преодолеть и упразднить наличные политические формы. Раскол группировки на две враждующие фракции в указанном отношении ничего не изменил: каждая из них по-прежнему рассматривает нигерийскую государственность как временное явление.

Нигерийский федерализм сталкивается с множеством проблем, но этот вызов явно особенный. Противодействуя ему, федералистская идея в Нигерии должна будет переосмыслить себя инновационно и творчески. Возможности для такого коренного пересмотра у нее имеются; вопрос, однако, в том, найдется ли для этого политическая воля.

Гришина Нина Владимировна
Институт Африки РАН

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ В АФРИКАНСКИХ СТРАНАХ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Обретение государственной независимости в большинстве стран Африканского континента сопровождалось борьбой за власть в новых правительственных структурах наряду с обострением межэтнических конфликтов. С начала 1960-х годов государственные перевороты, происходящие под руководством военных, на многие десятилетия стали показателем нестабильности политической ситуации во многих африканских странах.

На начальных этапах становления государственности важную роль в борьбе за национальную независимость и социальный прогресс сыграла армия, однако при авторитарных однопартийных режимах она оказывала и продолжает оказывать серьезное давление на общество, обеспечивая таким образом подобие политической стабильности.

До середины 80-х годов XX в. африканским странам социалистической ориентации политическую, идеологическую, экономическую и военную поддержку как потенциальным проводникам идей социализма на континенте оказывал Советский Союз. Представляется, что советское (в том числе военное) присутствие во многих государствах континента долгое время смягчало внутривнутриполитическую конфронтацию и не давало возможности противоборствующим сторонам перейти к силовым действиям.

Будучи привилегированной частью общества, высшее военное руководство активно вмешивается в политику. В результате государственных переворотов, совершенных насильственным путем, президентами, как правило, становятся выходцы из армейской среды. Именно таким образом к власти приходили диктаторы, опиравшиеся в своей внутренней политике на власть оружия.

Сомнительную славу Африканскому континенту как зоне перманентной политической неустойчивости с 1960-х годов принесли Гвинея, Гвинея-Бисау, Буркина-Фасо, Сьерра-Леоне, Судан, Гана, Бурунди.

Смена лидера насильственным путем преобладала в 1960–1980-е годы. С начала 1990-х в рамках очередной волны демократизации начался переход от авторитарных военных и однопартийных режимов к многопартийным политическим системам. В этот период смена лиде-

ров все чаще происходила демократическим путем. Но, несмотря на то, что в последние два десятилетия количество государственных переворотов уменьшается, военные мятежи остаются привычным для африканской действительности явлением. Таким образом, мирная жизнь миллионов африканцев в значительной степени зависит от политических сил, находящихся в конкретный момент у власти, их взаимоотношений с оппозиционными партиями, а следовательно, от периодов политической стабильности или ее отсутствия.

Nina V. Grishina

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

STATE COUPS IN AFRICAN COUNTRIES AS AN INDICATOR OF POLITICAL INSTABILITY

The acquisition of state independence in most countries of the African continent was accompanied by a struggle for power in new government structures along with the aggravation of interethnic conflicts. Since the early 1960s, military-led coups have been an indicator of the instability of the political situation in many African countries for many decades.

At the initial stages of statehood formation, the army played an important role in the struggle for national independence and social progress, but under authoritarian one-party regimes it exerted and continues to exert serious pressure on society, thus providing a semblance of political stability.

Until the mid-80s of the 20th century, the Soviet Union provided political, ideological, economic and military support to African countries of socialist orientation as potential agents of the ideas of socialism on the continent. It seems that the Soviet (including military) presence in many states of the continent for a long time softened the internal political confrontation and did not allow the warring parties to move to military action.

Being a privileged part of society, the top military leadership actively intervenes in politics. As a result of coups committed by force, presidents, as a rule, come from the army environment. It was in this way that dictators came to power, relying in their domestic policy on the power of weapons.

Guinea, Guinea-Bissau, Burkina Faso, Sierra Leone, Sudan, Ghana, and Burundi have created dubious fame for the African continent as a zone of permanent political instability since the 1960s.

The change of the leader by force prevailed in the 1960s and 1980s. Since the early 1990s, as part of the next wave of democratization, the transition from authoritarian military and one-party regimes to multiparty political systems began. During this period, the change of leaders increasingly took place democratically. But despite the fact that in the last two decades the number of coups has been decreasing, military rebellions remain a familiar phenomenon for African reality. Thus, the peaceful life of millions of Africans largely depends on the political forces in power at a particular moment, their relations with opposition parties, and, consequently, on periods of political stability or its absence.

**Уланова Наталья Сергеевна,
Пономарев Илья Вячеславович
Институт Африки РАН**

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ ЛЕТА 2023 г. В НИГЕРЕ В СВЕТЕ ЕВРОПОЦЕНТРИЧНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Основной вопрос, который задают многие аналитики в отношении июньского кризиса, состоит в том, насколько на него повлияли антизападные настроения в Нигере. На иностранное присутствие указывается как на основную причину кризиса, что, на первый взгляд, подтверждает анализ протестного движения, развернувшегося со второго дня переворота. Такая по-

становка проблемы упускает другие ключевые предпосылки кризиса: опора властей Нигера на виджилантизм, геноцид нигерских военных в отношении фульбе и туарегов, полицейский характер режима, сохранявшийся президентами М. Иссуфу (2011–2021) и М. Базумом (2021–2023), и некоторые другие. Сложная динамика взаимодействия инсургентов и контринсургентов (этномилиции) в пограничных районах Нигера находится в резком противоречии с мерами, предпринимавшимися до сих пор правительством и его иностранными партнерами.

Анализ текущего кризиса подвержен европоцентрическим стереотипам, что существенно искажает его понимание. М. Иссуфу и М. Базум воспринимались в Нигере не как «демократически избранные президенты», а как ставленники США и Франции. Нигер не является государством вестфальского национального типа, ему намного ближе клановая и общинно-коммунальная модель развития. Не мифологизированный «джихадизм» и исламский «терроризм», а политический секуляризм и неолиберальный демократизм, которые страны Запада усиленно навязывают Африке, выступают основными антагонистами исламской и традиционной культуры Нигера.

Митинги и демонстрации в Ниамее летом и осенью 2023 г. имели ряд признаков спонтанных массовых акций. Однако ответственность за ключевые протестные акции взяло на себя движение «М-62: Священный союз защиты суверенитета и достоинства людей». На демонстрациях М-62 использовало российские флаги и пророссийские лозунги, однако без попыток установить контакты с представителями РФ, а с целью вызвать недовольство коллективного Запада. Антизападные настроения играли определенную роль, однако существенно, что во время протестных акций требования покинуть страну выдвигались почти исключительно по отношению к Франции. США – основной партнер Нигера в военной и гуманитарной сфере – не только не покидают страну, но расширяют свое присутствие: военная база (НАБ-201) в Агадесе является второй по величине (25 кв. км) базой США в Африке (после Джибути).

**Natalya S. Ulanova,
Ilia V. Ponomariov**

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

MILITARY COUP D'ÉTAT OF THE SUMMER OF 2023 IN NIGER AND EUROCENTRIC STEREOTYPES

The basic problem with Niger's crisis is how far the anti-Western orientation was involved. Many think tanks point to the foreign engagement as a main trigger of the crisis and at first glance the analysis of social protests in Niamey confirms this point. This conceptualisation do not take into account the key forerunners of the crisis: the use of vigilantism by Niamey's government, genocide of Fulani and Tuareg by Niger's militaries, the police state of Presidents M. Issoufou (2011–2021) and M. Bazoum (2021–2023), and some others. The complex dynamics of insurgency and counterinsurgency in the border regions of Niger sharply contrasts the pressure the government and its international partners resorted to.

The analysis of the crisis suffers from the Eurocentric stereotypes: M. Issoufou and M. Bazoum had an image of France and US puppets, not 'the democratically elected Presidents'. Niger is not the Westphalian nation-state, it more successfully performed as a clan-based communal society. It is not much overstated 'jihadism' and Islamic 'terrorism' but political secularism and neoliberal democratism that were the main antagonists of Islamic and traditional culture of Niger in the situation of Western pressure on African countries.

The mass protests of the summer and autumn of 2023 can be in many ways characterized as spontaneous. Still for key of them the responsibility was taken by Niger's protest movement 'M62: Union sacrée pour la sauvegarde de la souveraineté et de la dignité du peuple'. Determined to irritate the West, M62 waved the Russian flags and praised V. Putin during demonstrations, but did not try to contact the RF officials. Anti-Western orientation was evident everywhere in Niamey; still significantly there were no demands for the US to leave but only for France. Now it is the US

that is Niger's main partner in military and development projects – their Niger Air Base 201 in Agadez region is the second only in size to its analogue in Djibouti.

Тишков Сергей Александрович

Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова

МИРОТВОРЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО В СОМАЛИ КАК ОСНОВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ УГРОЗАМ

На протяжении последних десятилетий ситуация в сфере безопасности в Сомали вызывает озабоченность мирового сообщества.

Для стабилизации обстановки в 1992–1995 гг. в стране были последовательно развернуты две миротворческие операции, неудачи которых послужили основанием для пересмотра подходов ООН к миротворчеству.

После вывода миротворческих сил присутствие ООН сохранилось в формате специальной политической миссии (UNPOS).

Однако до настоящего времени причины нестабильности в стране не устранены – Сомали по-прежнему децентрализована, государственное управление остается малоэффективным, система правоохранительных органов находится в стадии реформирования. Существенные угрозы для международного присутствия, органов власти и граждан представляют террористические атаки.

В XXI в. ООН и региональные партнеры изменили подходы к стабилизации ситуации в Сомали, разделив сферы ответственности.

В 2007 г. для противодействия угрозам, создаваемым группировкой «Аш-Шабааб» была развернута Миссия Африканского союза в Сомали (*AMISOM*). Таким образом «силовое миротворчество» стало прерогативой региональных сил. В 2022 г., признав определенные успехи *AMISOM* в противостоянии террористическим группировкам, Совет Безопасности ООН и Совет мира и безопасности АС поддержали реорганизацию данной миссии в Переходную миссию АС в Сомали (*ATMIS*). Важным моментом в учреждении *ATMIS* является комплексный подход к формированию мира и стабильности в соответствии с приоритетами, ориентированными на интересы населения Сомали.

ООН продолжила решение ключевых вопросов – преемником *UNPOS* с 2013 г. стала Миссия ООН по содействию Сомали (*UNSOM*), уполномоченная предоставлять федеральному правительству и *AMISOM* политические рекомендации по миростроительству и государственному строительству в областях управления, реформы сектора безопасности и верховенства права, развития федеральной системы, пересмотре конституционных основ и координации международной помощи. Наряду с политической и экспертно-консультативной помощью ООН также оказывает материально-техническую поддержку африканских миротворцев через функционирующее с 2009 г. Отделение ООН по поддержке в Сомали (*UNSSOS*).

Партнерами *UNSOM* также являются миссии ЕС, участвующие в развитии потенциала местных береговой охраны и силовых структур (*EUCAP Somalia*) и обучающие военный персонал сил безопасности (*EUTM Somalia*).

Таким образом, в Сомали реализован комплексный подход к использованию миротворческого потенциала различных акторов для разрешения многолетнего внутреннего конфликта.

АНТИКОЛОНИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ СОМАЛИ В ЭПОХУ ПОСТКОЛОНИАЛИЗМА

В XX–XXI вв. целый ряд молодых африканских государств, добившихся ранее независимости, столкнулись с сильнейшими внутренними противоречиями и в ряде случаев, как следствие, гражданской войной. Одним из наиболее ярких примеров является Сомали, где уже более 30 лет идет гражданская война, в которую также вовлечены иностранные государства и международные организации.

При этом некоторые из локальных акторов данного конфликта воспринимают его как продолжающийся процесс деколонизации, где официальные власти Могадишо представляют собой проводников интересов неокOLONИАЛЬНЫХ держав. В своей риторике они позиционируют себя как преемников антиколонИАЛЬНОГО движения Сайида Мухаммада Абдилле Хасана и Государства Дервишей (1897–1920), а правительство Федеративной Республики Сомали – как компрадорские элиты, против которых направлена их антиколонИАЛЬНАЯ борьба.

Официальные власти Федеративной Республики также активно используют образ антиколонИАЛЬНОГО движения Сайида Мухаммада Абдилле Хасана, но уже подчеркивая свою преемственность как политической нации, за независимость которой он сражался против внешних и внутренних врагов.

Воюющие стороны совершенно по-разному воспринимают и фреймируют реалии постколонИАЛЬНОГО мира, в котором оказалось Сомали, а также характер текущей гражданской войны. В качестве одного из наиболее ярких примера, на который я обращаю внимание, – как наиболее крупные политические акторы конфликта (Федеративная Республика Сомали, Республика Сомалиленд, «Аш-Шабаб»³¹) используют образ сомалийского антиколонИАЛЬНОГО движения. В докладе используются результаты полевого исследования, которое было проведено в Сомали в мае 2023 г., а также применяется качественный контент-анализ медиапродукции организации «Аш-Шабаб», выступлений официальных лиц Федеративной Республики Сомали и непризнанной Республики Сомалиленд.

В рамках доклада на обсуждение выносятся следующие базовые тезисы:

1. На момент 2023 г. прослеживаются признаки идеологической трансформации «Аш-Шабаб», которые в том числе изменили дискурс организации в отношении антиколонИАЛЬНОГО движения Саида Мухаммада Абдилле Хассана.
2. Фигура Саида Мухаммада Абдилле Хассана активно используется как властями Сомали, так и де-факто независимого Сомалиленда для собственного национального строительства.
3. Каждая из сторон в своем дискурсе по-разному определяет и употребляет термин «деколонизация».

Никольская Елена Александровна
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

МЕСТО МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ В АФРИКЕ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

Африка южнее Сахары (АЮС) остается одним из наиболее подверженных террористической активности регионов. Для противодействия этой угрозе необходим целый комплекс си-

---

³¹ Организация запрещена в РФ.

ловых и несиловых мер, реализуемых на национальном, региональном и глобальном уровнях. Бедность и отсутствие рабочих мест делают образованных молодых людей уязвимыми к восприятию радикальных идей. Одновременно образование способствует повышению толерантности, что немаловажно для АЮС, где сохраняется высокая напряженность между последователями ислама и христианства.

Развитие образования является значимым и одновременно неоднозначным фактором в борьбе с терроризмом. Международное сотрудничество в сфере образования со странами региона осуществляют, среди прочих, Китай, Япония, США, ЕС, Великобритания. Однако одной из проблем имплементации международных образовательных программ является то, что они не учитывают особенности менталитета и традиции местного населения.

В случае с американскими и европейскими проектами, проблема усугубляется отторжением западного образования частью мусульман. При этом в своей риторике террористические группировки связывают международные проекты в данной области с попытками навязать западную модель развития и продвигать неокOLONиализм. Проблема обостряется тем, что западные программы связываются с христианством, что обостряет напряжение между мусульманами и христианами в регионе.

В этих условиях необходимо межконфессиональное сотрудничество. Для эффективного развития образования как фактора борьбы с терроризмом в регионе нужно привлекать для разработки образовательных программ представителей как ислама, так и господствующих христианских конфессий. Кроме того, чтобы в полной мере учитывались особенности менталитета и культуры, в данный процесс следует вовлекать местные органы власти.

Таким образом, попытки развивать неадаптированные к местным реалиям образовательные программы могут способствовать росту напряженности и делать население более восприимчивым к радикальным идеологиям.

Международное сотрудничество в области образования может быть значимым фактором в борьбе с терроризмом, если соблюдается принцип «африканским проблемам – африканские решения».

Секция VI-2. Африканская архитектура мира и безопасности

Panel VI-2. African Peace and Security Architecture

Руководитель/Convenor: Pr Dr Moncef Bakail, Director of the African Studies Laboratory,
University of Algiers 2

Жамбиков Александр Мунирович
Институт Африки РАН

АФРИКАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

При преобразовании Организации африканского единства (ОАЕ) в Африканский союз (АС) было предусмотрено создание целого ряда структур, предназначенных для принятия и исполнения решений по вопросам безопасности. Впоследствии созданы Совет мира и безопасности АС, Совет мудрецов и Континентальная система раннего предупреждения. Было принято решение о развертывании Сил постоянной готовности Афросоюза и активизации взаимодействия между АС и африканскими региональными организациями. В ходе 21-го саммита Афросоюза 27 мая 2013 г., посвященного 50-летию ОАЕ, была утверждена инициатива под названием «Заставить оружие замолчать», которая предусматривала урегулирование вооруженных конфликтов на Африканском континенте к 2020 г. (впоследствии срок ее реализации был перенесен на 2030 г.).

Увы, на практике миротворческие планы АС столкнулись с рядом сложностей. Во-первых, серьезную угрозу для безопасности на Африканском континенте представляют распространение терроризма. Религиозные экстремисты развернули диверсионно-террористические войны на территории Сахельского региона, бассейна озера Чад, а также в Мозамбике и ряде других государств. Во-вторых, в Африке имеются застарелые горячие точки, в которых продолжительное время полыхают гражданские войны или действуют бандформирования. Наиболее иллюстративные примеры: Сомали и ДРК соответственно. В-третьих, для ряда стран Африки характерна социально-политическая напряженность, которая в случае раскола во власти может перерасти в гражданскую войну. Такая ситуация была наглядно продемонстрирована вспыхнувшим в 2023 г. вооруженным конфликтом в Судане. Кроме того, в качестве проблемы безопасности АС рассматриваются военные перевороты, участившиеся в Африке с 2020 г.

В условиях многообразия форматов миротворческих операций в зонах конфликтов (в различных частях континента действуют миссии ООН, АС, региональных организаций Африки и воинские контингенты коалиций заинтересованных государств) Афросоюз вынужден учитывать позиции внерегиональных игроков и африканских региональных акторов. В определенной степени такой подход оправдан, так как универсального «рецепта» для урегулирования вооруженных конфликтов не существует, а собственные силы и средства АС весьма ограничены. Заслуживает внимания политика Афросоюза, направленная на раннее предупреждение конфликтов, которая предполагает недопущение перерастания политических споров в вооруженные столкновения.

Moncef Bakail
University of Algiers 2, Algeria

THE ROLE OF ALGERIA IN PROMOTING THE APSA (AFRICAN PEACE AND SECURITY ARCHITECTURE)

As we know, Algeria has a longstanding presence and influence in peace and security affairs on the African continent. Thus, between the 1960s and 1980s, Algeria's foreign policy was known as a

mediator, especially when it succeeded in solving many border problems referenced to conflicts between Libya and Egypt or Libya and Chad. Moreover, it is worth noting that Foreign Minister *Mohamed Benyahia* who negotiated with *Iran* for the freedom of the 52 *American hostages* in 1981.

This presentation attempts to analyze the contribution of Algeria and its diplomacy in the promotion of peace and security in Africa. This presentation also seeks to analyze the current status of the African security structure, with a particular focus on discussing remaining challenges within the central institutions that compose African Peace and Security Architecture (APSA).

By adopting a new constitution, the Algerian legislators introduced an amendment which stipulates that the Algerian national people's army can intervene beyond its borders to eradicate terrorism with close collaboration with the international bodies. Moreover, Algeria also launched its own initiatives, such as the creation of a regional command for joint counter-terrorism operations in Tamanrasset (Southern Algeria).

This paper tries to shed light on the three following questions:

How can the axis Algiers – Abuja – Pretoria play an essential role in the promotion of APSA?

Does the African Union need to adopt a policy of reforming its structures to give an impetus to the functions of APSA?

And how can APSA benefit from a political and military partnership with Russia in dealing with combating terrorism and neo-colonialism in Sub-Saharan Africa?

Габышев Владимир Евгеньевич
Тюменский государственный университет

ДОГОВОР ПЕЛИНДАБА В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Совершенствование глобального режима ядерного нераспространения занимает приоритетное место в международной повестке дня. Особенно остро этот вопрос стоит в регионах с нестабильной политической ситуацией, к которым можно отнести Африканский континент.

Статья VII Договора о нераспространении ядерного оружия (1968 г.) приветствует формирование зон, свободных от ядерного оружия, в различных регионах планеты.

Декларацией, принятой Ассамблеей глав государств и правительств Организации африканского единства 21 июля 1964 г., был запущен процесс создания в Африке зоны, свободной от ядерного оружия.

11 апреля 1996 г. Договор о безъядерном статусе Африканского континента, более известный как Договор Пелиндаба, был открыт к подписанию.

Основная цель Договора – запрет на производство, приобретение, владение и контроль над любыми ядерными взрывными устройствами в любой форме. Однако, несмотря на почти 30-летнюю историю Договора, существуют сомнения в дальнейшем развитии на Африканском континенте основополагающих принципов зоны, свободной от ядерного оружия.

Опасения вызывает ситуация, при которой страны, входящие в те или иные блоки с ядерными державами, параллельно оказываются участниками Договора Пелиндаба, тем самым ставя под сомнение имплементацию положений Документа.

Особый интерес для анализа представляют следующие вопросы:

- причины отсутствия в ст. IV Договора запрета на транзит ядерного оружия;
- реализация ст. VI (о демонтаже и уничтожении военных ядерных объектов);
- исполнение Приложения II (обязательное заключение Соглашения о гарантиях с МАГАТЭ по *INFCIRC/153* независимо от членства в ДНЯО).

Также предлагается рассмотреть Протокол III о выполнении условий Договора государствами, несущими международную ответственность за территории в зоне действия Договора (Франция, Испания), а также процедуру верификации объявленных ими обязательств.

В контексте отказа США от ратификации Протокола I и II (о негативных гарантиях «ядерного клуба» и об обязательствах не проводить ядерные испытания в зоне действия Договора) представляется актуальным анализ перспектив Договора Пелиндаба с учетом возможности выхода стран-участниц из Договора в случае нарушения любой из Сторон условий Соглашения по созданию зон, свободных от ядерного оружия в Африке.

Бокерия Светлана Александровна
РУДН им. Патриса Лумумбы

ЭВОЛЮЦИЯ АФРИКАНСКОГО МИРОТВОРЧЕСТВА

В последние несколько лет в мире наблюдается рост интереса к изучению миротворческой деятельности не только Организации Объединенных Наций, но и других международных структур. Особый интерес представляют региональные миротворческие инициативы, позволяющие странам региона, столкнувшегося с вызовами собственной безопасности, справляться с подобными кризисами собственными силами.

Регионом, где возник один из наиболее интересных примеров становления региональных механизмов миротворчества и обеспечения коллективной безопасности, стала Западная Африка. Государства этой части Африки с 1990 г. сталкиваются с крайне серьезными вызовами региональной безопасности и накопили большой опыт противодействия этим угрозам. Поэтому представляется важным изучить данный опыт и сделать из него выводы, касающиеся региональных механизмов миротворчества.

С окончанием «холодной войны» размеры, функции и стратегии миротворческих миссий претерпели существенные изменения, переосмысление которых является актуальным в настоящее время. Мандаты операций стали включать такие функции, как наблюдение за выборами, государственное строительство, борьба с терроризмом, что в последние годы особенно актуально на Африканском континенте. Традиционным миссиям стали противопоставляться миссии так называемого нового (второго) поколения, где одним из драйверов изменения подхода к поддержанию мира стало возникновение новых войн, как правило, внутригосударственных по сути, но интернационализированных по характеру, связанных с распадом государственности и направленных против гражданского населения. Нечеткая формулировка мандатов приводила к тому, что миротворцы не всегда понимали цели выполняемой миссии, действовали хаотично и неэффективно. Исследование африканского миротворчества представляется актуальной задачей.

Мананкова Ольга Евгеньевна
Главное управление МЧС России по г. Москве

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ РЕАГИРОВАНИЕ В СТРАНАХ АФРИКИ

В 2022 г. число людей, нуждающихся в гуманитарной помощи и защите, достигло беспрецедентного уровня, что обусловлено усугубляющимися последствиями климатического кризиса, стихийных бедствий, конфликтов, продолжающимися последствиями пандемии коронавирусной болезни, продовольственным и энергетическим кризисами. Крупные наводнения, тропические циклоны, засухи, аномальная жара и землетрясения привели к огромным человеческим жертвам, лишению средств к существованию, отсутствию продовольственной безопасности, перемещению населения и препятствовали прогрессу в достижении целей устойчивого развития во многих пострадавших странах.

На долю Африки приходится 66% от общего числа пострадавших людей во всем мире. В отчете Управления Организации Объединенных Наций по снижению риска стихийных бедствий за 2023 год указывалось, что стихийные бедствия в период с 2015 по 2021 г. стоили странам Африки 12,3% ее ВВП (в то время как среднемировые экономические потери стран составили 1% от их ВВП).

Своевременное предупреждение, мониторинг, реагирование и борьба с последствиями катастроф не могут быть решены силами одного государства. В резолюции 76/128 Генеральной Ассамблеи ООН от 2021 года отмечается необходимость и важность сотрудничества в области гуманитарной помощи в случае стихийных бедствий.

Международная гуманитарная помощь государствам, пострадавшим от природных и техногенных бедствий, является важной составной частью внешней политики Российской Федерации.

В Декларации второго Саммита Россия – Африка одним из механизмов диалогового партнерства является «взаимодействие в сфере предупреждения стихийных бедствий и эпидемий и ликвидации их последствий, сотрудничество и содействие социально-экономическому развитию, оказание гуманитарной помощи, борьба с изменением климата, засухой и опустыниванием, предупреждение стихийных бедствий и ликвидация их последствий, а также мониторинг и прогнозирование чрезвычайных ситуаций».

Данное направление сотрудничества предусматривает решение следующих задач:

- чрезвычайное гуманитарное реагирование на бедствия и катастрофы в странах Африки;
- оказание содействия развивающимся странам в построении эффективных собственных систем предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций;
- обучение иностранных специалистов на базе Академии гражданской защиты МЧС России.

Muraree Lal Meena

Central University of Haryana, Mahendragrh, Haryana, India

GEOPOLITICAL PERSPECTIVE OF WATER SHARING IN EASTERN-NILE RIVER BASIN: CONFLICT TO COOPERATION

Water is an indispensable natural resource that the countries of the Nile River basin possess. Its efficient and optimal use would not only help countries of the Nile River basin to build a strong economy but also substantially contribute to the growing water requirements of the countries, as water is becoming an increasingly scarce resource in the contemporary period. Distribution of river water is a complicated issue especially when a river passes through a number of countries. This study has investigated the resolving (win-win situation) of water-sharing conflict among the four riparian countries of the Eastern-Nile basin: Ethiopia, South Sudan, Sudan, and Egypt.

The study is based on the analytical method, evaluation of the observable trends in river water sharing principles and methods as applicable in the case of the Nile River basin in general and Eastern-Nile in particular. Governmental policy stands of riparian countries on water sharing of Nile River basin will be compared with the countries of upstream and downstream Nile River basin through case study method. For this study, primary and secondary data is collected and processed to give them meaning and extract quality information through the statistical diagrams and cartographic techniques.

This study has been an attempt to probe the problems and prospects of cooperation between these countries over the complex issue of Nile water sharing. Thereby, paper has attempted to analyze the role of geographical determinants that influence the negotiations between the four riparian countries that have impeded implementation of *equitable* water sharing scheme, and the policy issues of the upstream and downstream riparian countries, in this case study, mainly Ethiopia, South Sudan, Sudan and Egypt, dictated by their domestic compulsions. This research paper unpacks the comparative advantages of the four riparian countries: it emphasises that Sudan

and South Sudan should engage in developments of irrigation, agricultural engagements, and biodiversity conservation; Ethiopia in small and medium scale hydro-power generation and water conservation; while Egypt in industry and capacity building know how.

Kofi Takyi Asante
University of Ghana

THE (GEO)POLITICS OF CRISIS MOBILISATION AND *COVID-19* VACCINE ROLLOUT IN GHANA

In this paper, I develop a two-tiered analytical framework consisting of a narrow lens – focusing on national level factors – and a broad lens – focusing on the geopolitical factors – to explain Ghana’s *COVID-19* vaccine rollout. Using the narrow lens, I argue that Ghana was able to achieve qualified success in its vaccine rollout by leveraging ‘residual capacity’ through the mobilisation of pre-existing institutional resources. Specifically, the National Vaccine Deployment Plan (NVDP) taskforce drew on personnel, equipment, and lessons from previous years’ polio and yellow fever mass immunisation campaigns. The rollout was further strengthened by consensus among national elites about the need for comprehensive vaccine coverage and the absence of a mobilised vaccine hesitant community in the country. Second, I use the broad lens to account for how geopolitical dynamics like patent enforcement and vaccine hoarding created severe supply shortages, posing challenges to country-level rollouts in Ghana and other low- and middle-income countries (LMICs). I explain these developments with reference to recent transformations in global capitalism that have shrunk the productive capacity of pharmaceutical companies and undermined the ability of governments around the world to respond effectively to emerging crises. Using these two lenses, I argue that the prevailing neoliberal order undermines the ability of LMICs, regardless of the capacity of their public sectors, to build preparedness for future crises.

Научное электронное издание

XVI Международная конференция африканистов
НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК:
ОТ НАСЛЕДИЯ КОЛОНИАЛИЗМА К СУВЕРЕНИТЕТУ И РАЗВИТИЮ

Москва, 21–23 мая 2024 г.

ТЕЗИСЫ

Утверждено к печати
Ученым советом Института Африки РАН

Редактор

Л.Ю. Тенякова

Дизайн и верстка

Г.М. Абишева

Подписано в печать 17.05.2024. Усл. печ. л. 15.

Формат 60x90/8. Заказ № 230

Адрес: 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

Сайт: www.inafran.ru

ISBN 978-5-91298-303-0

9 785912 983030 >